

5076 (205)
172
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Махачкала 1983

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

(Сборник статей)

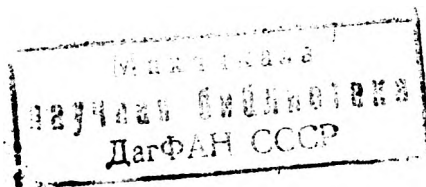
Махачкала 1983

Ответственный редактор

М.-З. О. Османов

Художник

Т. У. Галуров

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ПОСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА**

Сборник статей

Редактор *Е. И. Чернигова*

Технич. редактор *В. С. Ваврешук*

Сдано в набор 4.07.1983. Подписано к печати 2.09.1983.

Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная».

Печать высокая. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 10,98.

Заказ 485. Тираж 300. Цена 83 коп. C01579.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важнейших достижений дагестанской археологии является доказательство того, что коренное население края на протяжении многих тысячелетий, начиная с раннего неолита (I-я пол. VI тыс. до н. э.) вело оседлый образ жизни, основанный на земледельческо-скотоводческом хозяйстве. Наряду с земледелием и скотоводством, с глубокой древности здесь развивались и другие отрасли производства и различные промыслы: гончарное дело, металлургия и металлообработка, ткачество, строительное дело и т. п., превращавшиеся в процессе длительного исторического развития в ремесла, сыгравшие значительную роль в экономической жизни общества и быте населения. Разумеется, на протяжении столь длительного времени имели место и неоднократные нарушения стабильного культурно-исторического развития местного населения, вызванные социально-политическими, природно-климатическими и иными причинами.

Все это определило характер поселений Дагестана, прошедших длительный путь развития от небольших родовых поселков до крупных городов со сложной социальной структурой. Настоящий сборник, посвященный изучению некоторых, в основном бытовых памятников, дает определенное представление об отдельных важных этапах развития древних и средневековых поселений Дагестана.

Как известно, еще в эпоху неолита и энеолита в горном Дагестане сложились два типа поселений: постоянные и сезонные. Для первых была характерна каменная архитектура жилых домов с центральными очагами, рассчитанных на долговременное обитание оседлого земледельческо-скотоводческого населения. Сезонные поселения без фундаментальных жилых домов принадлежали скотоводам, пастухам, выпасавшим свой скот в высокогорьях вдали от оседлых поселений в летнее время года. Это было обусловлено спецификой ведения наиболее рационального в условиях горного Дагестана земледельческо-скотоводческого хозяйства с сезонными перегонами скота на высокогорные летние пастбища, где временно проживало население, ухаживающее за стадами. В эпоху ранней бронзы такой тип расселения получает в горном Дагестане дальнейшее развитие. В статье М. Г. Гаджиева, которой открывается настоящий сборник, дается обзор поселений горного Дагестана эпохи ранней бронзы, свидетельствующие о длительном разви-

тии здесь местного варианта куро-аракской культуры. Приведенные в статье данные свидетельствуют о том, что в рассматриваемое время постоянные поселения появляются не только в горных долинах, как было в энеолите, но и на высокогорьях. Дальнейшее развитие получает сложившаяся еще в неолите круглоплановая каменная архитектура, которая в конце эпохи ранней бронзы сменяется прямоугольной, что является проявлением сложного процесса становления на Северо-Восточном Кавказе археологических культур эпохи средней бронзы.

Дальнейшее развитие этих архаических земледельческих поселков идет по пути постепенного их превращения в качественно новые типы поселений — городского типа. Такой путь эволюции древних поселений характерен для оседло-земледельческих областей всего юга нашей страны и сопредельных стран. Рассмотрению подобных поселений протогородского или городского типов посвящен ряд статей данного сборника. Так, в коллективной статье В. Г. Котовича, В. М. Котович и Б. М. Салихова дается характеристика остатков раннесредневекового города, отождествляемого с центром раннесредневекового политического образования — страны Хамрин с «гуннским городом Таргу», упомянутым армянским историком Вардапетом Гевондом. Раскопками установлено, что на месте городища Таргу в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н. э.) существовало крупное оседлоземледельческое поселение, а с эпохи раннего железа (VII—IV вв. до н. э.) — укрепленное поселение, со временем разросшееся в город, бытовавший в албанский (III в. до н. э.—IV в. н. э.) и раннесредневековый (V — первая половина VIII тыс. до н. э.) периоды. Город раннесредневековой поры, согласно авторам статьи, имел трехчастную структуру, отражавшую сложную социальную стратификацию его обитателей.

Многолетние археологические исследования, проводившиеся в Дербенте, позволили установить, что подобно большинству средневековых городов Дагестана, он возник на месте древнего населенного пункта скифского времени, бытовавшего и в албанский период, планировка и территория которого вошли в структуру средневекового города составив его древнейшее ядро. Характеристике топографии, планировки древнего поселения, выявленных строительных и других культурных остатков, относящихся к досасанидскому периоду истории города, посвящена статья А. А. Кудрявцева «Древнее поселение на дербентском холме». В ней освещаются последовательные этапы обживания дербентского холма в предскифское, скифское, албано-сарматское время от возникновения здесь у важнейших «ворот» Кавказа в конце VIII—начале VII в. до н. э. мощной крепости до превращения его в город албанского времени с выраженной социальной стратификацией.

Аналогичная картина эволюции древних поселений прослеживается не только в приморской, предгорной части Дагестана, но и в горных районах. Характеристике ряда укрепленных поселений раннесредневекового времени, выявленных на территории Лезашинского плато,

посвящена статья А. И. Абакарова и М. Г. Гаджиева «Раннесредневековые укрепленные поселения горного Дагестана». Раскопками установлено, что они возникли еще в албано-сарматское время и по своей структуре (двухчастной) могут рассматриваться типологически как поселения городского типа. Это -свидетельствует о более сложной социальной структуре раннесредневекового общества горного Дагестана, чем это представлялось прежде.

Вопросам изучения социальной структуры средневековых поселений горного Дагестана посвящена специальная статья Д. М. Магомедова. В ней на основе рассмотрения данных археологии, сведений средневековых авторов, историко-этнографического материала делается вывод о том, что в горном Дагестане в X—XV вв. господствующими были классовые феодальные производственные отношения, что нашло выражение и в исторической топографии средневековых поселений, наличии замков.

Для понимания многих вопросов истории средневековых поселений Дагестана важное значение имеют эпиграфические памятники. Публикуемые в данном сборнике А. Р. Шихсаидовым новые надписи, как отмечает автор, свидетельствуют об относительной густонаселенности в XIII—XIV вв. горных районов Дагестана по сравнению с равнинными, о переориентации плоскостных районов, опустошенных монгольскими завоевателями на скотоводство, что привело к усиленному земледельческому освоению горного Дагестана и интенсификации здесь хозяйственной и политической жизни.

Неизменными спутниками древних и средневековых поселений являлись различные культовые сооружения. Одному из древних культовых памятников посвящена статья О. М. Давудова «Святылище у высокогорного селения Хосрех». Раскопанное здесь квадратно-циркульное в плане сооружение, сходное с подобными же культовыми памятниками индо-иранских племен, согласно автору было построено или киммерийско-скифскими или местными племенами, воспринявшими их культы в результате продолжительных культурно-исторических контактов.

Как видим, предлагаемый читателю сборник содержит ряд интересных научных статей и ценных публикаций новых материалов по истории древних и средневековых поселений, имеющих важное значение для понимания культурно-исторического развития населения Дагестана в древности и средние века.

М. Г. Гаджиев.

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Еще сравнительно недавно горный и, в особенности, высокогорный Дагестан представлялся одной из слабо заселенных в эпоху ранней бронзы и мало освоенных в хозяйственном отношении областей Кавказа. Здесь были известны лишь единичные памятники, относящиеся к заключительному этапу данной эпохи (могильник Гоно, Верхнегунибское поселение — нижний слой)¹. И поэтому история и культура Дагестана той эпохи освещались на основе очень ограниченных материалов древних поселений Прикаспийского Дагестана². Систематические исследования, проводившиеся Институтом истории, языка и литературы в горном Дагестане с конца 50-х и до 70-х годов, позволили ликвидировать этот пробел. Выявлен и частично исследован ряд памятников, представляющих основные этапы культурно-исторического развития горного Дагестана эпохи ранней бронзы. Особенно большая работа проводилась по изучению поселений той эпохи, обзору и характеристике которых посвящена настоящая статья (рис. 1.)

Мекегинское поселение находится в области внешних предгорий Дагестана на восточной окраине сел. Мекеги (Левашинский район), на левом берегу глубокого каньонообразного ущелья. Оно занимает вершину и восточный склон невысокого продолговатого холмообразного возвышения — мыса (500×80 м), огражденного с севера и востока каньонами Мекегинского ущелья, с юга — неглубоким оврагом. Западная сторона полого спускается в сторону современного селения, а затем также ограничивается крутым склоном. Это придает поселению естественно-укрепленный характер (рис. 2).

Поселение было обнаружено в 1958 г. В. Г. Котовичем, раскопав-

¹ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане. — МАД, т. II, Махачкала, 1961, с. 25—36; Котович В. М. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965 г.

² Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. — МИА, 1958, № 68, с. 20—30; Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана — МАД, т. I, Махачкала, 1959, с. 121—136; Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, № 100, М., 1960, с. 20—26.

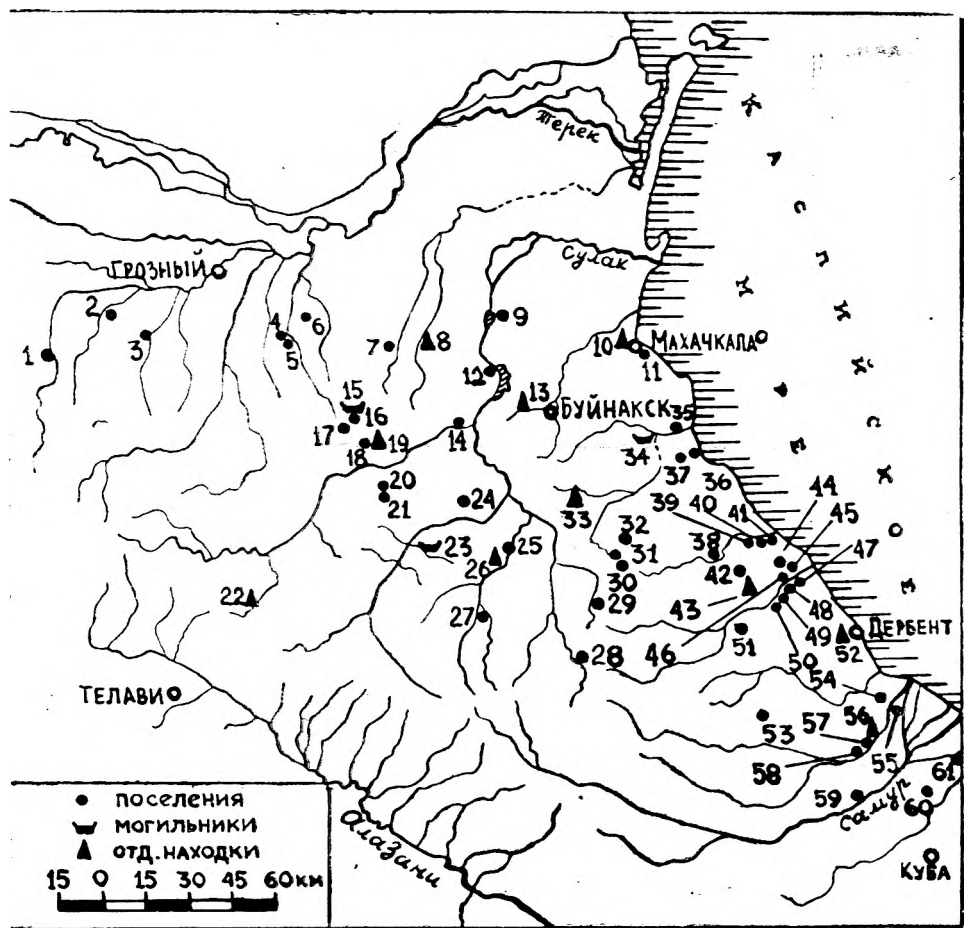

Рис. 1. Карта памятников эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

1 — Луговое; 2 — Бамутское; 3 — Шалажи; 4 — Серженъюрт I; 5 — Серженъюрт II; 6 — Харбуз-дун II; 7 — Зандак; 8 — Калининаул; 9 — Сигитма; 10 — Тарнаир; 11 — Махачкалинское; 12 — Чиркей; 13 — Эрпели; 14 — Чирката; 15 — Шебоха; 16 — Галгаллатли; 17 — Анди; 18 — Ашали; 19 — Кижани; 20 — Ингердах; 21 — Местерух; 22 — Хутрах; 23 — Гоно; 24 — Чинна; 25 — В. Гуниб; 26 — Ругуджа; 27 — Кучраб; 28 — Кули; 29 — Гапшима; 30 — В. Лабкомах; 31 — Карлобко; 32 — Мекеги; 33 — Кулеца; 34 — Карабудахкент; 35 — Манас-озень; 36 — Маяк-I; 37 — Уллу-ачи; 38 — Таргу; 39 — Геме-Тюбе-I; 40 — Геме-Тюбе-II; 41 — Геме-Тюбе-III; 42 — Башлыкент; 43 — Янгикент; 44 — Мамай-Кутан-I; 45 — Мамай-Кутан-II; 46 — Джемикент; 47 — Великент-III; 48 — Великент-II; 49 — Великент-I; 50 — Гяур-Тапа; 51 — Карацан; 52 — Дербент; 53 — Ашата-Ярак; 54 — Белиджи; 55 — Ходжа Казмаляр; 56 — Ново-Мана; 57 — Мамраш; 58 — Шаракун; 59 — Гильяр; 60 — Кяфле-тепелери; 61 — Тапа-Ятаги.

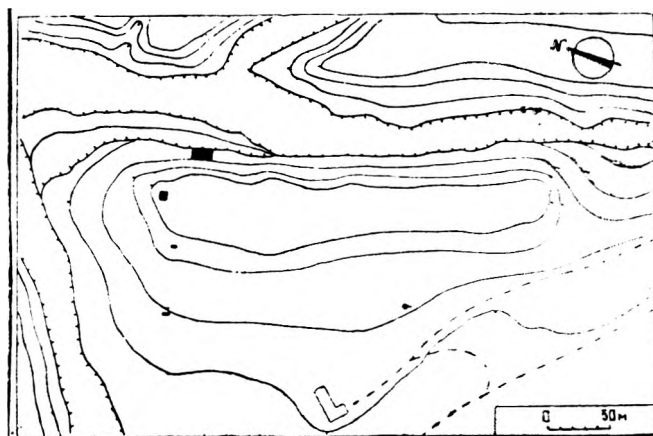

Рис. 2. План Мекегинского поселения.

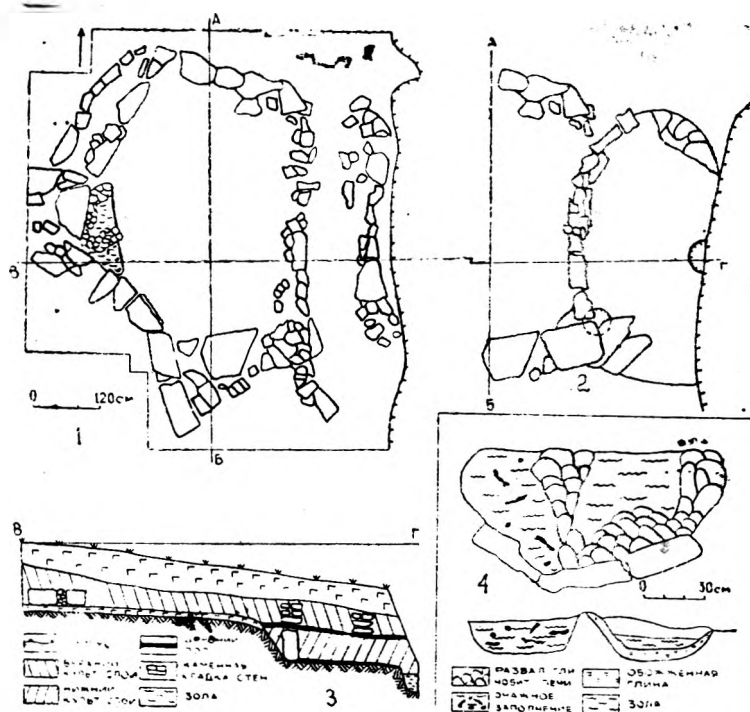

Рис. 3. Мекегинское поселение. Строительные остатки.

шим на поселении в 1959 г. ок. 40 м² площади³. Под слоем дерна и гумуса толщиной 0,3—0,4 м залегал культурный слой, достигавший почти 2 м. В верхнем горизонте обнаружены строительные остатки в виде оснований каменных стен, принадлежавшие двум постройкам (рис. 3). Одна из них пятиугольная (почти округлая) размером ок. 3,5—4 м была пристроена к другому круглому в плане помещению, находившемуся к юго-западу от него. Ввиду ограниченности площади раскопа вскрыта только часть стены второго помещения. Заполняющий пристройку культурный слой толщиной 0,2—0,3 м образован рыхлым суглинком с примесью золы и известнякового щебня. Он залегал на древнем гумусном слое, ниже которого идет плотный материковый суглинок желтого цвета. В восточном углу пристройки обнаружены остатки разрушенной глинобитной печи, состоящей из двух камер, разделенных невысоким бортиком. Топочная камера заполнена золой. Дно, края второй камеры обмазаны глиной. От развалившегося сводчатого перекрытия печи сохранились куски глиняной обмазки со следами прутьев.

Описанная пристройка с юго-запада и востока была образована частично стенами двух округлых в плане каменных построек. Исследованию подверглось сооружение, расположенное к востоку от описанной выше постройки и наполовину уничтоженное известняковым карьером. В обресе карьера отчетливо прослеживалась двухслойная стратиграфия.

В верхнем слое толщиной 1,3—1,35 м была расчищена часть стены овального сооружения, разрушенного карьером. Камни основания этой стены лежали непосредственно на полу, обмазанном глиной.

Под полом находился насыщенный золой культурный слой толщиной 0,45—0,55 м. В нем обнаружена часть небольшого круглого помещения полуземляночного типа диаметром ок. 4 м в виде корытообразного углубления, стенки которого выложены каменной кладкой. Полом служил плотный материковый суглинок, замазанный глиной толщиной 5—7 см.

В центре помещения находился углубленный в полу круглый очаг (диаметр 0,42—0,4 м, глубина 0,4 м), стенки и бортик которого тщательно обмазаны глиной, а у стены — хозяйственная яма (рис. 3).

Несмотря на небольшой объем раскопочных работ, удалось установить, что на Мекегинском поселении существовали круглоплановые каменные жилища с центральными очагами и с небольшой передней многоугольных очертаний подсобного назначения.

В. Г. Котович отмечал отсутствие существенных различий между материалами верхнего и нижнего культурных слоев. Коллекция камен-

³ Котович В. Г., Котович В. М. Отчет о работе I горного отряда ДАЭ в 1958 г. Махачкала, 1959, РФ ИИЯЛ, д. № 13, лл. 7—11; Котович В. Г. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ. Махачкала, 1960, РФ ИИЯЛ, д. 41, лл. 11—33.

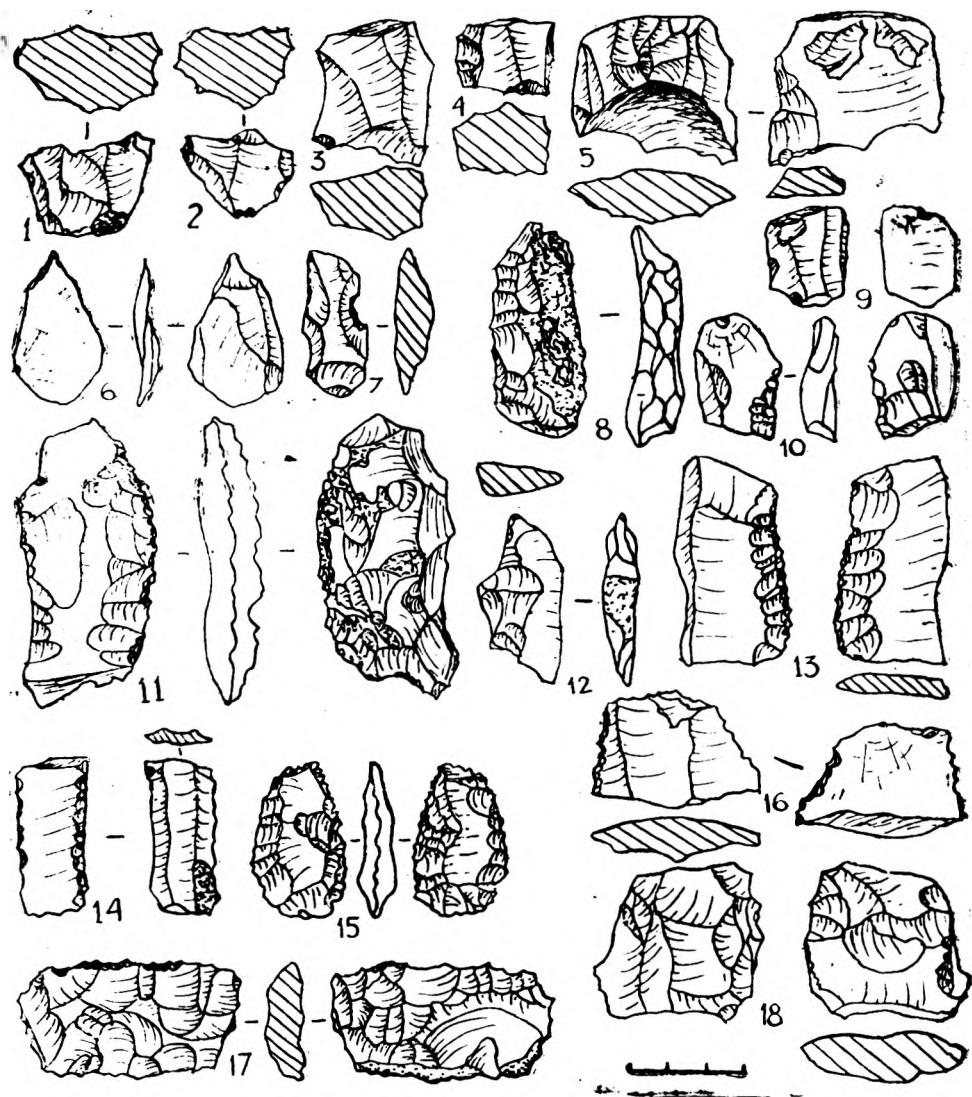

Рис. 4. Мекегинское поселение. Изделия из кремня.

ных изделий поселения состоит из 192 предметов: кремневые изделия — 184 (рис. 4), обсидиан — 1, изделия из речных галек — 5 (отбойник-наковаленок — 1, обломок песта — 1, ретушер — 1, без видимых следов употребления — 2); клиновидный каменный топор из окремнен-

ного известняка — 1, зернотерка — 1. В верхнем слое найдено 109 предметов (кремь — 108, обсидиан — 1). Среди них: нуклеусы и их обломки — 8 (призматических — 3), краевой скол нуклеуса — 2 (с двусторонней частичной ретушью по одному краю — 1), пластины и пластинчатые сколы — 1, без следов вторичной обработки — 1, отщепы со следами вторичной обработки — 7 (с ретушью — 4, с зубчатым краем — 1, с выемкой — 1, острие — 1), долотовидное изделие — 1, кремневый вкладыш серпа с двусторонней обработкой — 1 (рис. 4₁₇), отщепы без следов вторичной обработки — 48 (с желвачной коркой — 12, обсидиановый — 1), обломки — 38 (с одним ретушированным краем — 1).

В нижнем слое найдено 76 предметов: краевой скол нуклеуса — 1 экз., пластины и пластинчатые сколы — 7 (пластина трапециевидного сечения, с краевой ретушью с бруска по одному краю — 1, естественно плоские пластины и их обломки — 3, обломки пластинчатых сколов — 3), отщепы со вторичной обработкой — 4 (с ретушью плоской — 1, зубчатой краевой — 1, долотовидные и стамескообразные изделия на отщепах — 2; двустороннеобработанное орудие (незаконченный вкладыш серпа) — 1, обломки с забитостью краев — 2, отщепы без вторичной обработки — 25, обломки и осколки — 36.

В коллекции представлены только две правильные призматические пластины (рис. 4_{9, 14}), 12 естественно-плоских пластин или пластинчатых сколов с ретушированными краями (рис. 4_{5, 13, 16}). Основная масса изделий состоит из отщепов с ретушью (11 экз.) и без следов вторичной обработки (73 экз.) и обломков (74 экз.). Процесс деградации пластинчатой индустрии, преобладания отщепов над пластинами, наметившийся в конце энеолита, в эпоху ранней бронзы получают свое полное выражение. Примечательно, что в коллекции присутствуют изделия с двусторонней обработкой (вкладыши серпов), не свойственные для энеолита Восточного Кавказа и появляющиеся здесь только в эпоху ранней бронзы⁴. Судя по кремневому инвентарю, Мекегинское поселение может быть отнесено к раннему периоду эпохи ранней бронзы. Этому не противоречит и остальной вещественный инвентарь: это костяные шилья, трюколки, ложила, металлические предметы. Последние представлены шилом и двумя бронзовыми стерженьками, изготовленными из медно-мышьякового сплава с малым содержанием мышьяка (0,4—0,7%)⁵. С металлургией и металлообработкой связана также находка топора с желобчатым перехватом, использовавшегося для дробления руды и обломков глиняной литейной формы.

Наиболее массовым и выразительным материалом является кера-

⁴ Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев. — В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 27.

⁵ Анализы произведены в лаборатории археологической технологии института истории АН Азерб. ССР И. Р. Селимхановым.

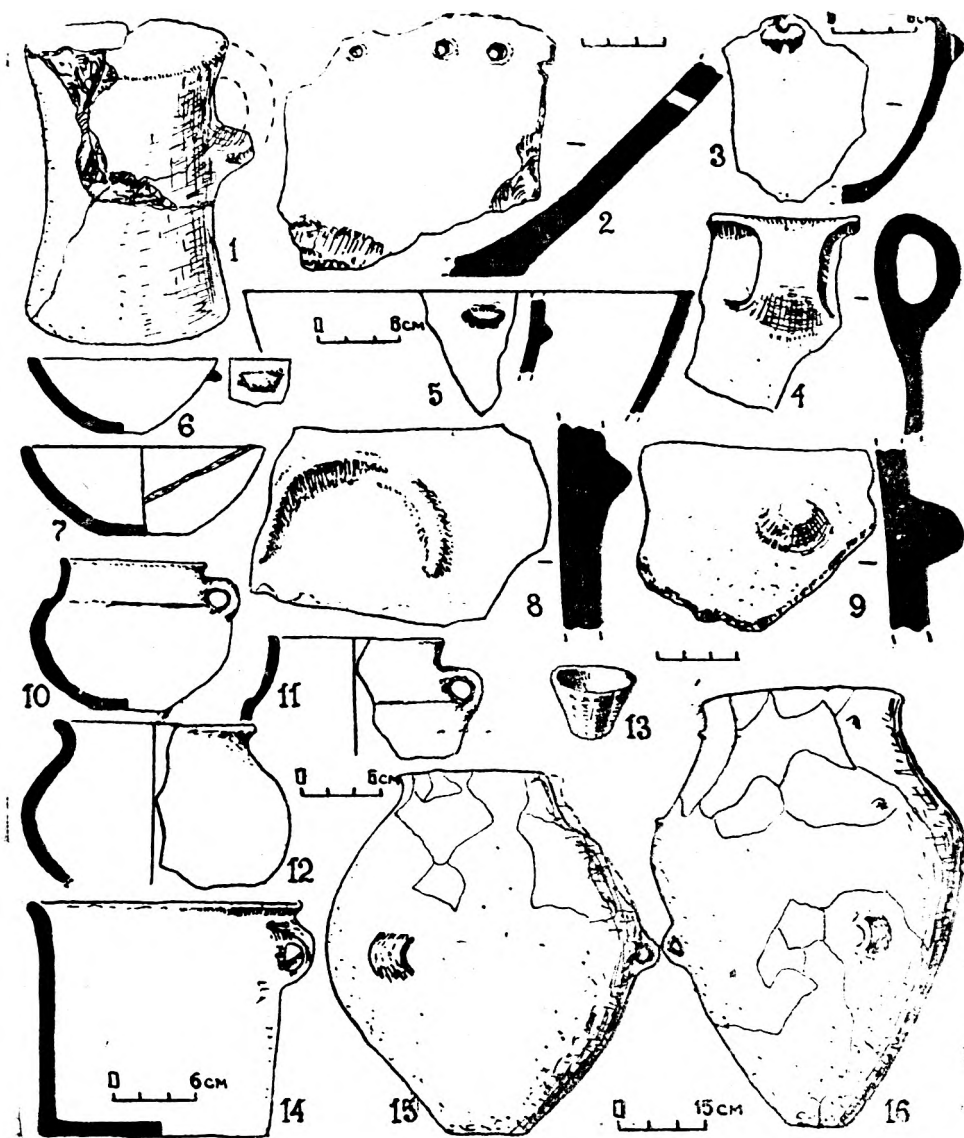

Рис. 5. Мекегинское поселение. Керамика.

мика. С технологической стороны мекегинская керамика характеризуется ручной лепкой, грубоватым тестом с примесями дресвы, хорошим обжигом и разноцветной (от красного до черного) поверхностью. Внутренняя поверхность розового или красного цвета, встречается более, чем на трети всей керамики. В остальных случаях внутренние поверхности серые. По способу обработки наружной поверхности вся керамика подразделяется на гладкостенную (с тщательно заглаженной или залощенной поверхностью) или грубо заглаженную. На Мекегинском поселении совершенно отсутствует керамика с обмазанной жидкой глиной поверхностью, известная на некоторых раннебронзовых памятниках Дагестана. Гладкостенная керамика — это в основном столовая и тарная посуда. Столовая посуда представлена почти стандартными формами.

I. Миски в виде перевернутого усеченного конуса с ручками в виде горизонтального выступа (рис. 5₅₋₇).

II. Горшочки одноручные, нередко толстостенные с цилиндрическими горловинами, отделенными от тулова уступом. Часто подобные сосуды имеют лощеную до блеска поверхность (рис. 5_{10, 11}).

III. Крупные банки с одной ленточной ручкой с прямыми стенками, заканчивающимися закругленной закраиной, либо отогнутым наружу венчиком (рис. 5₁₄). Среди посуды столового назначения встречаются также мелкие сосуды этих же форм (кружки, банки, чаши) (рис. 5₁₃).

Тарная посуда характеризуется крупными пифосообразными сосудами с округлым, яйцевидным туловом, непропорционально узким дном и широким горлом, иногда отделенным от тулова уступом. Они снабжались тремя широкими ленточными ручками, прикрепленными ниже середины тулова. Внешняя поверхность разноцветная: серого, бурого, коричневатого или красноватого оттенков со следами лощения. На одном из сосудов имеется орнамент в виде трех наклепных шишечек, расположенных симметрично под венчиком (рис. 5_{15, 16}). Подобные сосуды служили для хранения пищевых запасов, жидкостей и устанавливались в специальных углублениях или целиком закапывались в землю.

Керамика с грубо заглаженной поверхностью, видимо, служила в качестве кухонной посуды. Ее преимущественно темно-коричневая поверхность нередко закопчена. Она представлена в основном различными горшками со вздутым туловом и сильно отогнутым венчиком, к которым иногда прикреплялись ленточная ручка или псевдоручки в виде горизонтального налепа с круглым отверстием (рис. 5₁₂).

К керамике кухонного назначения следует отнести также глиняные сковороды со сквозными отверстиями под закраиной (рис. 5₂), плоские дисковидные плиты-жаровни, которые устанавливались над центральным очагом на глиняных очажных подставках в виде «рогатых» кирпичей или катушек с ручками и округлыми сквозными отверстиями вдоль и поперек их продольной оси (рис. 5₁).

Особенностью мекегинской керамики в целом является почти пол-

ное отсутствие орнамента, за исключением упомянутых конических выпуклин на сосудах из обоих слоев и единичных случаев находок в верхнем слое обломков, украшенных горизонтальным или дугообразным валиками (рис. 58, 9, 16).

Керамика Мекегинского поселения, как и жилые постройки, свидетельствует о его принадлежности к кругу памятников куро-аракской культуры. Особенно показательны в этом отношении сосуды с цилиндрическими горловинами, отделенными от тулова уступами, миски, банки, сковороды, различные очажные подставки, являющиеся ведущими формами керамики куро-аракской культуры⁶.

Не совсем ясно было хронологическое положение Мекегинского поселения в ряду памятников данной культуры. Исходя главным образом из типологии керамики куро-аракская культура обычно делится на три периода или этапа. Памятники приморской части Дагестана (Каякент, Великент и др.), в которых встречается керамика с рельефным спирально-концентрическим орнаментом, принято относить к среднему этапу, характеризующемуся керамикой с такой орнаментацией⁷. На Мекегинском же поселении подобная керамика не представлена, как и посуда с обмазанной внешней поверхностью, столь характерная для памятников прикаспийской части Дагестана. Первоначально В. Г. Котович сомневался в том, являются ли эти различия локальными особенностями раннеметаллической культуры горного Дагестана или их следует считать признаками, свидетельствующими о большей древности данного памятника по сравнению с прикаспийскими поселениями⁸. Однако в последней своей работе он «омолодил» возраст Мекегинского поселения, отнеся его ко второму из выделенных им трех этапов развития культуры эпохи древней бронзы в Дагестане, который, по его мнению, характеризуется «как период бытования в основном неорнаментированной гладкостенной керамики»⁹. Этому этапу, названному Мекегинским, по его мнению, предшествовал ранний Великентский этап, к которому им были отнесены поселения прикаспийского Дагестана с керамикой, украшенной рельефным спирально-концентрическим орнаментом¹⁰.

Однако стратиграфические наблюдения, сделанные в процессе новых раскопок Великентского и Каякентского поселений, позволили выделить два продолжительных этапа их обживания. Для раннего этапа характерна преимущественно неорнаментированная гладкостенная кера-

⁶ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 181—190.

⁷ Там же, с. 195.

⁸ Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. УЗ ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, с. 337; Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, с. 285.

⁹ Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 113.

¹⁰ Там же.

мика, а для позднего — керамика с рельефной спирально-концентрической орнаментацией в сочетании с грубо обмазанной внешней поверхностью¹¹. Основываясь на этом, мы считаем, что Мекегинское поселение, в котором встречена только гладкостенная, в основном неорнаментированная керамика, следует отнести к начальным этапам эпохи ранней бронзы. С такой хронологией хорошо согласуются охарактеризованный выше кремневый инвентарь, характерный для раннего периода древней бронзы, когда в связи с распространением металлов на Восточном Кавказе происходит деградация пластинчатой кремневой индустрии, устанавливается типичный для этого времени ограниченный набор кремневых изделий, среди которых впервые появляются двустороннеобработанные орудия (вкладыши серпов).

Мекегинское поселение с его фундаментальными каменными постройками было рассчитано на постоянное проживание. Оседлый быт его обитателей базировался на земледельческо-скотоводческом хозяйстве. О занятии земледелием свидетельствуют вкладыши серпов, зернотерки, отпечатки зерен голозерного ячменя на керамике. В стадах преобладал мелкий рогатый скот, что также весьма характерно для хозяйства племен куро-аракской культуры¹².

В этой же центральной части внешнепредгорного Дагестана, помимо Мекегинского, известны еще четыре поселения у сс. Гапшима Акушинского¹³, Верхнее Лабкомахи¹⁴, Карлабко¹⁵, Кулеца Левашинского района, которые, судя по небольшим коллекциям поверхностных сборов, состоящих в основном из обломков керамики, могут быть отнесены к эпохе ранней бронзы.

Наиболее полно исследованы Чиркейское и Сигитминское поселения в северной части Дагестана.

Чиркейское поселение находится на левом берегу Сулака (теперь Чиркейского водохранилища) у оставшегося под водой бывшего с. Старый Чиркей. Поселение расположено на горе Тадшоб — останце

¹¹ Гаджиев М. Г. К периодизации куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе — Х Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1980, с. 1, 2. Примерно такая же последовательность в развитии керамики была установлена Р. М. Мунчаевым в 1954 г. в шурфе, заложенном на Великентском поселении, где керамика с обмазанной внешней поверхностью встречается только в верхних горизонтах. См.: Мунчаев Р. М. Древнейшая культура..., с. 97.

¹² Всего определено 43 особи. Среди них домашние мелкие жвачные — 46%; крупные — 13,9%, собак — 2,3%, свиней — 4,6%, прочих — 32,7%. Диких животных — 37,2%; Золотов К. Н. О животноводстве в древнем Дагестане. — Труды Дагестанского сельскохозяйственного института, т. 18. Махачкала, 1968, с. 237.

¹³ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане, с. 23, 24.

¹⁴ Давудов О. М. Отчет о работе Верхнелабкомахинского отряда ДАЭ в 1972 г. РФ ИИЯЛ, д. № 383, с. 11, 12.

¹⁵ По сведениям О. М. Давудова на поселении Карлабко, расположенном на вершине и южном склоне скальной платформы, до превращения его в каменный карьер на поверхности видны были круглопланные каменные постройки.

древней террасы высотой 70—100 м в виде треугольника, вытянутого с запада на восток с обрывистыми крутыми склонами. Останец представляет собой созданную самой природой естественную крепость, куда можно было проникнуть по крутым тропинкам и скальным ступенькам. Обитатели поселения пренебрегли всеми неудобствами, чтобы обезопасить себя. Верхняя площадка горы делится как бы на две части проходящей по средней линии ложбинкой, переходящей в восточной части горы в овраг. Остатки древнего поселения выявлены в северной части горы на склоне, обращенном на юг, в сторону оврага (рис. 6).

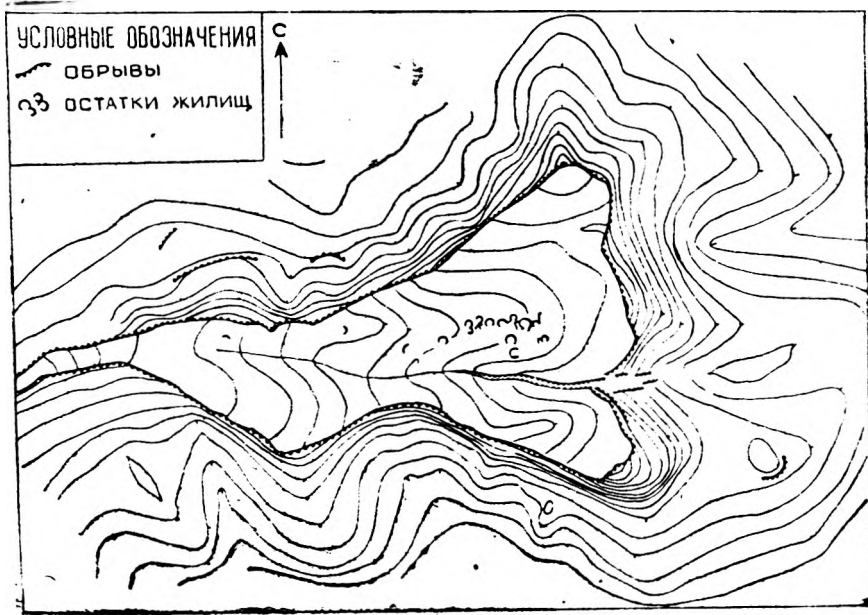

Рис. 6. План Чиркейского поселения.

На поселении исследовано ок. 1500 м² площади, на которой выявлены остатки более 20 построек¹⁶. В основном они сосредоточены в восточной части горы над оврагом на склоне и узкой продолговатой площадке. Остатки каменных домостроений располагались тремя ступенчато возвышающимися друг над другом рядами на частично врезанных в склон искусственных террасах.

¹⁶ Поселение исследовано Чиркейской археологической экспедицией Института ИЯЛ в 1965, 1966 гг. под руководством автора. См.: Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., Федоров Г. С. Отчеты об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965, 1966 гг. РФ ИИЯЛ, д. № 227.

Чиркейское поселение застроено почти стандартными домами, состоящими из круглопланного жилого помещения, к которому, как установлено в ряде случаев, пристраивали небольшие переднии — сени (рис. 7). Опишем одно из хорошо сохранившихся жилых помещений, погибшего, как установлено в процессе раскопок, в результате пожара (рис. 8). Помещение круглоплановой формы было заполнено завалом мелких камней вперемешку с землей толщиной 40 см от обвалившихся стен. Под завалом на всей площади помещения выявлена прослойка глины толщиной 4—6 см, под которой находились обгорелые балки,

Рис. 7. Чиркейское поселение. Круглопланное жилище.

прутья и другие культурные остатки. Судя по ним, перекрытие помещения было плоским и состояло из рядов параллельно сложенных балок, перекрытых настилом из тонкого хвороста. Такого рода перекрытия, по-видимому, опирались на центральные столбы. Диаметр помещения 5,20 м. Стены возведены из известняковых камней с естественными и нередко специально обработанными плоскими прямоугольными гранями. Стена сохранилась на высоту 1 м, толщина ее 0,6—0,7 м. Вход в помещение как и во всех других круглоплановых постройках находился с южной стороны. Он представлял собой конически суживающийся во внутрь коридор длиной ок. 2 м, шириной на выходе 1,70 м, внутри, со стороны помещения — 0,9 м. Напротив дверного проема у стены находилось подпрямоугольное каменное возвышение — лежанка длиной 2,2 м, шириной 1,75 м, а вдоль всей стены восточной половины

Рис. 8. Чиркейское поселение. Круглопланное жилище.

помещения располагалась сложенная из камней лавка длиной 7,2 м, шириной — 0,5 м, обмазанная глиной. В углу, между лежанкой и лавкой находилась округлая яма диаметром 0,7 м, глубиной 0,3 м, дно и стенки которого обмазаны глиной. Яма была заполнена обуглившимся зерном. В центре помещения располагался круглый, вкопанный в землю, очаг (диаметр — 0,5 м, глубина — 0,35 м) с обмазанной стенкой и широким глиняным бортиком, приподнятым над полом.

В западной половине помещения находились два крупных (высота — 0,65—0,70 м) сосуда-хранилища, вкопанные в землю и закрытые тонкими каменными плитами. Под венчиками сосудов имеются по 1—2 отверстия, служившие, повидимому, для вентиляции.

Описанный интерьер, различаясь в некоторых незначительных деталях, повторялся во всех исследованных круглоплановых жилищах Чиркейского поселения.

К подобным жилищам пристраивались небольшие сени овальной или неправильной угловатой в плане формы, в которой, как правило, находились двухчастные печи с разделенными топками и обжигательными камерами и сводчатыми перекрытиями. Такой свободно стоящий дом, конструктивно не связанный с другими подобными же, рядом находящимися домами, характерен и для других поселений горного Дагестана рассматриваемой эпохи.

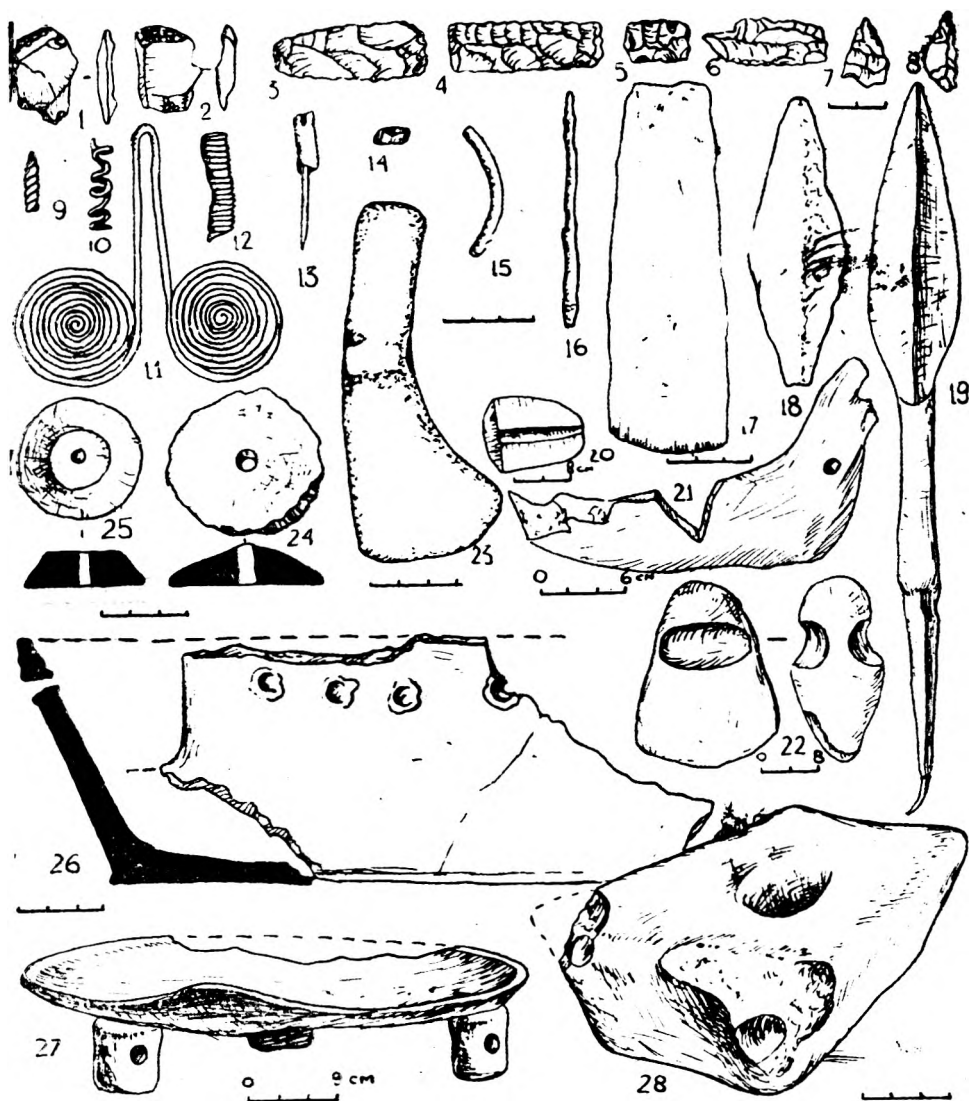

Рис. 9. Чиркейское поселение. Изделия из кремня (1—8), камня (20, 22, 23), кости (21, 24, 25), металла (9—12), керамика (26—28).

Из Чиркейского поселения происходит большое количество хозяйственно-бытового инвентаря, характеризующего различные стороны хозяйственной деятельности, быта и культуры его обитателей. Найдены разнообразные продолговатые и круглые терочки, мотыжки из расколотых речных валунов, песты, в том числе конусовидные, с плоской рабочей поверхностью. Большой интерес представляют каменные топоры, особенно боевые, отполированные до зеркального блеска (рис. 9₂₃), т. н. «выпрямители» древков стрел (рис. 9₂₀).

Среди множества каменных изделий сравнительно мало кремневых предметов. Всего обнаружено их около 70, в том числе два нуклеуса для получения отщепов, долотовидное орудие (рис. 9₂₂), обломок скребка, вкладыши серпов с двусторонней ретушью (9₃₋₆), флажковидные или ассиметричные наконечники стрел (2 экз.) (рис. 9_{7, 8}). Остальное — отщепы и осколки, среди которых имеются только единичные экземпляры со следами вторичной обработки. Примечательно также полное отсутствие пластин. Упадок кремневой индустрии связан с широким внедрением в быт бронзы — нового материала для изготовления орудий труда и предметов вооружения. При раскопках найдены наконечник копья с четырехгранным насадом, изготовленный из металлургически чистой меди (рис. 9₁₉), тесло (рис. 9₁₇), ромбический клинок ножа с невыделенным черешком (рис. 9₁₈), шилья (рис. 9_{13, 16}), спиральные пронизки (рис. 9_{9, 10, 12}), браслеты (рис. 9₁₅), очковидные подвески (рис. 9₁₁), изготовленные из мышьяковистой бронзы¹⁷. С металлообработкой связан найденный на поселении каменный топор с желобчатым перехватом, использовавшийся для дробления руды (рис. 9₂₂).

Наряду с камнем и металлом, в качестве поделочного материала в Чиркее использовалась и кость из которой изготавливались проколки, шилья, ложила, струги (рис. 9₂₁), пряслица, украшения и др.

Важное место в быту обитателей поселения занимало гончарное производство. Его продукция в Чиркее более разнообразна, чем в Мекеги. Керамика в основном светлая; серая, розовая, разноцветная. Чернолощенная посуда почти неизвестна. В изломе цвет в основном серый. Внутренняя поверхность нередко розовая. Очень редко встречается керамика с грубообмазанной поверхностью. Тесто содержит неорганические примеси, в основном дресвы. Некоторые керамические изделия непосредственно связаны с интерьером жилищ. Так, с центральным очагом связаны очажные подставки катушковидной цилиндрической формы с отверстиями или в виде рогатых кирпичей (рис. 9₂₈). На подобные подставки над центральным очагом устанавливались дисковидные плоские плиты-жаровни (рис. 9₂₇) или сковороды с невысокими бортиками с рядом сквозных отверстий под закраиной (рис. 9₂₆).

¹⁷ Корневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана. — В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 41, 42.

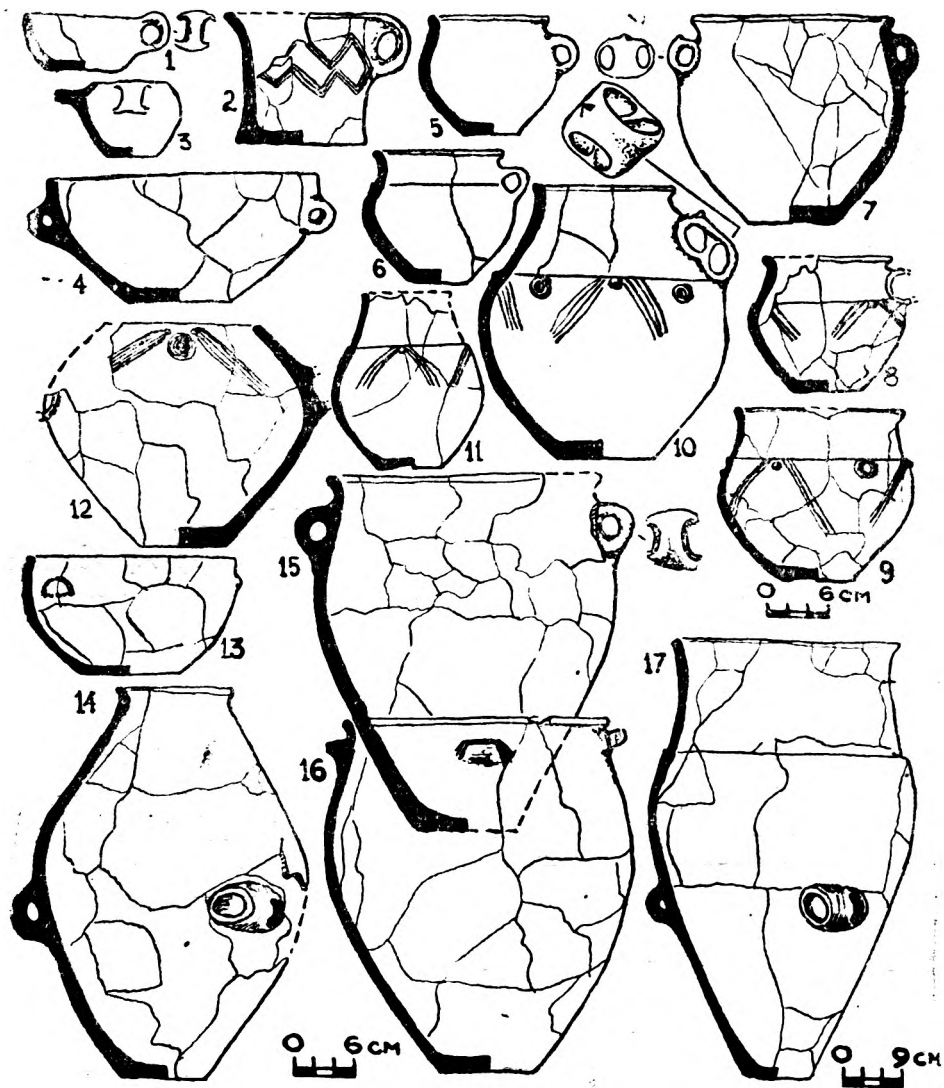

Рис. 10. Чиркейское поселение. Керамика.

Тарная посуда представлена в основном тремя типами: I — сосуды с широкой цилиндрической горловиной, отделенной от яйцевидного тулова уступом и с непропорционально маленьким донцем. Ниже середины тулова прикреплены по три широкие ленточные ручки. Некоторые сосуды этого типа орнаментированы выпукло-вогнутым орнаментом в виде трех симметрично расположенных ниже перегиба букв «М» (рис. 10₁₇). II. — Узкогорлые с отогнутым венчиком трехручные сосуды яйцевидной формы (рис. 10₁₄). III — широкогорлые корчаговидные сосуды с непропорционально узким дном, грубозаглаженной, иногда обмазанной поверхностью. Они имеют по две ленточные ручки, над которыми под закраиной прикреплены горизонтальные выступы-держки (рис. 10_{15, 16}).

К кухонной керамике, наряду с жаровнями и сковородами, о которых говорилось выше, с определенной долей вероятности можно отнести пифообразные двуручные сосуды с заглаженной, иногда со следами обмазки внешней поверхностью. Округлобокие котлы со стянутым верхом (загнутым внутрь краем) с двумя ленточными ручками на выпуклой части тулова. Один из таких сосудов орнаментирован резным узором из концентрических кругов и отходящих от них косых полос (рис. 10₁₂). Устойчивую серию составляют низкие со вздутым туловом широкогорлые гладкостенные горшочки с отогнутыми наружу венчиками, под которыми прикреплялись преимущественно по одной ленточной ручке (рис. 10_{5, 7}). Такие сосуды могли быть использованы как кухонные и столовые.

К столовой керамике относится гладкостенная с тщательно заглаженной или лощеной внешней поверхностью посуда, представленная почти стандартными типами.

I. Миски: 1) прямостенные или округлобокие с одной ленточной ручкой, прикрепленной к закраине (рис. 10₁); 2) глубокие округлобокие с двумя ленточными ручками под закраиной (рис. 10_{4, 13}).

II. Одноручные горшки с цилиндрической горловиной, отделенной от вздутого тулова уступом, плечики которых украшены орнаментом из нарезных или реже параллельных линий, косо отходящих от рельефных шишечек, вмятин (в одном случае полосы состоят из рельефных валиков (рис. 10_{6, 8-11})).

III. Баночные сосуды с жестким, четко выраженным углом между дном и плавно отходящим наружу стенкой. На одном из таких сосудов имеется нарезной орнамент в виде зигзагообразных полос (рис. 10₂).

IV. Небольшие чашки, кружки, повторяющие в основном формы более крупной столовой посуды.

V. Сосуды специального назначения представлены двумя небольшими одноручными чайничками (рис. 10₃).

Керамика Чиркейского поселения более разнообразна не только по формам, но и по способу обработки поверхности (наличие обмазки), форме ручек (например, мекегинские миски снабжались ручками-вы-

ступами, а чиркейские — только петлевидными ленточными), орнаментации (мекегинская керамика почти лишена орнаментации, а чиркейская — довольно часто украшена рельефными и резными узорами). Различия эти нам представляются не локальными, а хронологическими, и указывают на более поздний возраст Чиркейского поселения по сравнению с Мекегинским. Об этом свидетельствуют и отмеченные выше особенности развития производственного инвентаря этих двух поселений (ограниченное количество кремневых изделий, более широкое распространение металла в Чиркее по сравнению с Мекеги и др.).

Хозяйство у обитателей Чиркейского поселения комплексное, земледельческо-скотоводческое. О большой роли земледелия говорят многочисленные орудия, связанные с земледелием (зернотерки, терочки, вкладыши), зернохранилища, находки зерен злаков (пшеница, ячмень, полба). Скотоводство имело преимущественно овцеводческое направление. По определенным костям (1919 костей) из раскопок 1965 года был установлен следующий состав животных: крупный рогатый скот — 25 особей, овцы и козы — 126, лошади — 2, свиньи — 6, собака — 1, дикие животные (олени, серны, зайцы, рыси и т. д.) — 29 особей¹⁸.

Сигитминское поселение находилось на границе предгорий и сте-

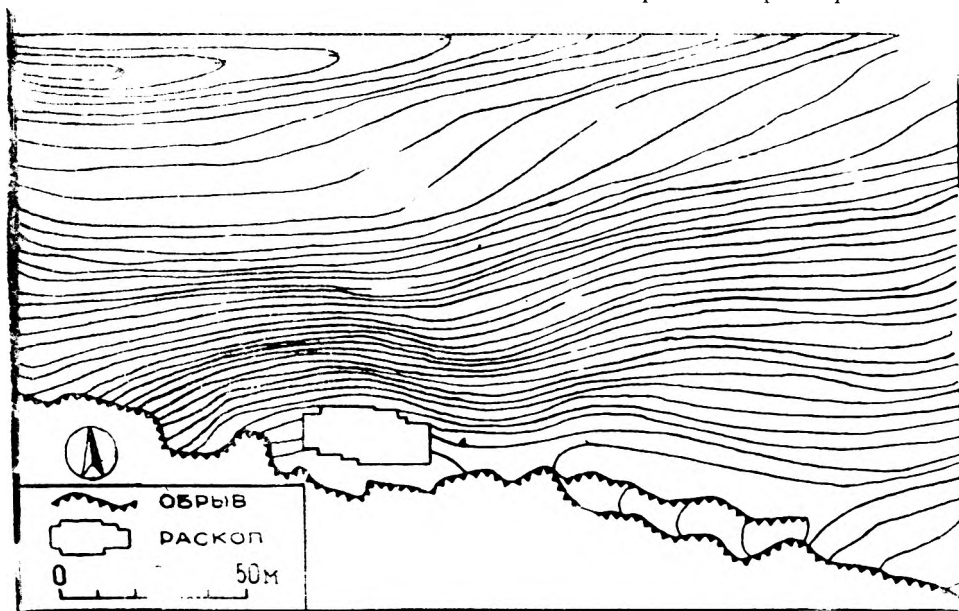

Рис. 11. План Сигитминского поселения.

¹⁸ Золотов К. Н. О животноводстве в древнем Дагестане, с. 243—244.

пей, что в значительной степени определило особенности материальной культуры его обитателей. Оно расположено на горе Сигитма на правом берегу Сулака в 3 км к югу от с. В. Чирюрт, занимает ок. 500 м² площади у гребня и северного склона горы. Скалистая гряда почти отвесно обрывается к югу и круто падает к северу. Местность представляла собой хорошо укрепленное природой надежное убежище на труднодоступной скале. Поселение исследовано полностью¹⁹ (рис. 11).

По своей планировке это было обычное горное поселение (рис. 12). Строения располагались по склону горы в два ряда таким образом, что верхний ряд ступенчато возвышался над нижним. Верхний ряд состоял из трех жилищ и двух площадок, служивших, по мнению исследователей поселения, основаниями жилищ или летних навесов. В нижнем ряду, отделенном от верхнего полосой, наклонной скалы, шириной 1,5—2 м, располагались два жилища. Жилище и площадка являлись смежными помещениями и по существу составляли один комплекс. Они в плане имели формы, близкие к квадратам с закругленными углами и в разной степени углублены в скалу. Входы в жилища, как правило,

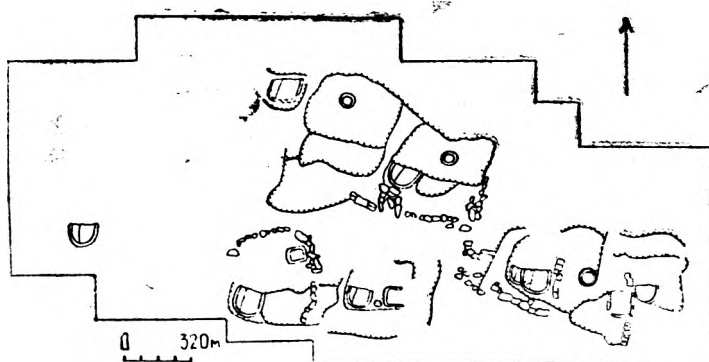

Рис. 12. Сигитминское поселение. План остатков построек.

расположены с южной стороны. Одно из жилищ верхнего ряда было углублено южным краем в скалу на 1 м. В плане оно имело не вполне правильную форму, близкую к квадрату с закругленными углами длиной 4 м, шириной 3,6 м. Стены возводились из камня сухой кладкой.

¹⁹ Раскопки производились в 1956, 1957 гг. археологическими экспедициями Института ИЯЛ под руководством В. И. Канивца и Г. М. Бурова. (См. Отчеты В. И. Канивца и Г. М. Бурова о полевых исследованиях 1956, 1957 гг. РФ ИИЯЛ, д. №№ 68, 69. *Канивец В. И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1957, с. 158, 159.

Для поддержания кровли, как считают исследователи поселения, служили столбы, закрепленные в углублениях в скале.

Внутри жилища направо у входа у южной стены располагались печь и лежанка, высеченная в скале. Сводчатая печь представляла собой квадратное в плане сооружение размером $1,3 \times 1,2$ м, состояло из глиняного пола и расположенного слева от него топочного канала, совершенно такого же типа, что в Мекеги и Чиркее. Край перекрытия печи украшен врезным орнаментом в виде зигзага из трех параллельных линий. Это жилище было возведено на месте старого жилища длиной 4,8 м (ширина не установлена), от которого сохранились ровный скальный уступ-лежанка и развал печи.

В стратиграфическом отношении интересен комплекс строительных остатков в восточной части верхнего ряда построек. Выделяются два этапа обживания помещения. Первоначально оно занимало скальное углубление неправильно трапецевидной формы с закругленными углами размером $5-4 \times 3,8$ м. В нем находились две двухчастные печи с обычными разделенными глиняным бортиком топочными и обжигательными камерами. Стратиграфия заполнения жилища: а) тонкий (0,10—0,15 м) слой серой зольной земли, б) слой красной земли с обломками печины (0,30—0,35 м), в) в северной части останца на скале залегал тонкий (5 см) слой саж.

Заполнение печины с золой и землей стало основанием нового жилища. На этом заполнении была возведена каменная стена из необработанных плит колотого песчаника сухой кладкой (4—5 рядов), разделившая углубление на западную и восточную части, и с соединявшим их проемом. Южная и восточная стены сохранились хуже. С запада углубление ограничено высоким покатым выступом, высеченным в скале. Позднее помещение занимало не только углубление в скале, но и прилегающий с востока более высокий участок скалы. Поздние постройки в целом имели форму трапеций длиной по южной стене 6,8 м, шириной 4,2 м. Вход в помещение находился с восточной стороны. Таким образом, постройка второго этапа обживания поселения состояла из 3-х частей: двух смежных камер трапецевидной формы, разделенных поперечной стеной, и возвышенного участка скалы, расположенного к востоку. В западной камере в юго-восточном углу находилась обычная двухчастная печь, которая перекрывала аналогичную печь нижнего слоя. В восточной камере в центре, находился аналогичный чиркейскому, суживающийся к низу круглый очаг, впущенный в слой первого этапа обживания жилища. Диаметр очага 0,7 м, глубина 0,18 м. Плоский край очага украшен налепами — четырьмя ориентированными по сторонам света рельефными кольцами и симметрично расположенными между ними четырьмя налепами в виде стилизованных рогов барана (рис. 13₁₀).

Как видим, в архитектурно-планировочном отношении Сигитминское поселение характеризует уже иную строительную традицию, отлич-

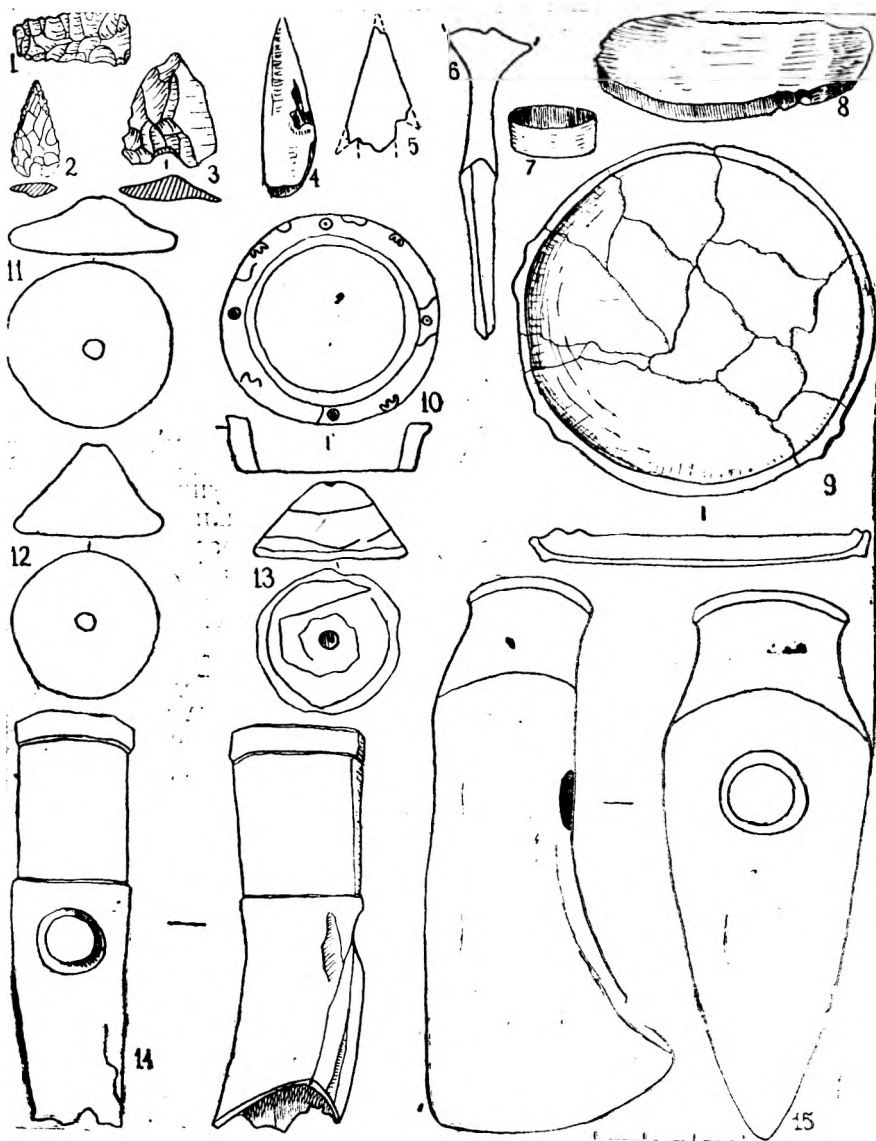

Рис. 13. Сигитминское поселение. Изделия из кремня (1—3), камня (8, 15), кости (4, 5, 7, 14), металла (6), керамики (9—13).

ную от традиции круглоплановой архитектуры, свойственной для Чиркейского и Мекегинского поселений. Основным конструктивным элементом сигитминского дома являлось сооружение из прямых стен, хотя и с закругленными углами. В жилом помещении обычной становится наземная двухчастная пристенная печь, а центральный углубленный очаг, типичный для круглопланых помещений, хотя еще и сохраняется, теряет свое прежнее значение (на поселении обнаружено только три таких очага, а двухчастных печей — 16). Но, несмотря на эти новшества, на Сигитминском поселении основным типом домостроения остается свободно стоящий дом, состоящий из жилого помещения и примыкающего к нему двора — площадки. И только на позднем этапе обживания поселения в результате перестроек возникают уже смежные двух-трехкамерные постройки.

Среди каменных изделий здесь преобладают земледельческие орудия: зернотерки (рис. 13₈), терочки, песты. Небольшая коллекция кремневых изделий состоит из двустороннеобработанного вкладыша серпа (рис. 13₁), двух треугольных наконечников стрел с выемкой в основании (рис. 13_{2, 3}) и свыше 20 обломков. Оригинальны т. н. «выпрямители древков стрел» — песчаниковые плитки с желобками и шлифованный боевой топор из черной кристаллической породы с расширенной и опущенной лезвийной частью, молоточковидным круглого сечения обухом и круглым отверстием (рис. 13₁₅).

Костяные предметы включают проколки (рис. 13₄), ложило, черешковые наконечники стрел с коническим и четырехгранным острием, гарпун (рис. 13₅), колечко (рис. 13₇) и боевой топор, аналогичный шлифованному каменному топору (рис. 13₁₄).

Кроме каменных и костяных орудий, связанных с земледелием, скотоводством и охотой, хозяйственную деятельность жителей поселения освещают палеоботанические находки (зерна пшеницы) и костные остатки, преимущественно мелкого и крупного рогатого скота, лошадей, а также диких животных, служивших объектами охоты — оленя, дагестанского тура, безоарового козла²⁰. В нижнем слое определено 67 особей: домашних — 36 (мелкий рогатый скот — 23, крупный — 13), диких — 31. В верхнем слое — 47 особей: домашних — 35 (мелкий — 22, крупный — 13), диких — 12²¹.

Изделия из металла представлены медной спиральной пронизкой из узкой ленты и бронзовым наконечником копья с четырехгранным насадом, аналогичным чиркейскому (рис. 13₆).

Как обычно для древних поселений, основную массу вещевого материала из Сигитмы составляет керамика.

Исследователи выделили на поселении два слоя. К верхнему были отнесены незначительные строительные остатки, перекрывавшие или

²⁰ *Канивец В. И.* Дагестанская археологическая экспедиция, с. 159.

²¹ *Золотов К. Н.* О животноводстве..., с. 237, 245, 246.

разрушавшие первоначальные сооружения. Между двумя слоями четкая стратиграфическая граница отсутствовала, но в общем керамический материал позднего периода, как отмечают исследователи памятника, повсюду лежал над культурными остатками раннего периода. В почве выделялись два горизонта: гумусный и зольный. Керамика, характерная для позднего периода, встречалась только в гумусовом горизонте и почти отсутствовала в зольном.

Керамика нижнего слоя характеризуется посудой разной степени обжига, изготовленной вручную из теста с примесью дресвы и сланцевой глины. Сосуды серого, желтоватого и оранжевого цвета. Преобладают светлые тона. В изломе черепки двух-трехцветные. Поверхность обычно гладкая, реже лощеная. Орнамент налепной, резной, вдавленный.

Выделяются группы кухонной, тарной и столовой посуды. К кухонной относятся сковороды со сквозными отверстиями под закраиной (рис. 14₉) и круглые плиты-жаровни со слегка приподнятыми (рис. 13₉) краями. Находки подобных сосудов, связанных с центральным очагом, единичны. Не встречены также связанные с центральным очагом и очажные подставки.

К кухонной керамике относятся и найденные здесь разнообразные горшки (конические, пифосообразные с ручками или упорами у венчика (рис. 14₁₃₋₁₆), вздутым туловом, в разной степени отогнутым наружу венчиком (рис. 14₂₃₋₂₅), баночные (рис. 14₁₀). Некоторые сосуды снабжены обычными ленточными ручками или ручками с замкнутыми дугообразными валиками. Горшки обычно не орнаментированы, за исключением двух сосудов, из которых один сплошь покрыт ногтевыми вдавлениями, другой — имеет выступ у венчика. Имеются также сосуды специального назначения, в частности дуршлаги (сосуды со сквозными отверстиями).

Тарная посуда сходна с Чиркейской и представлена двумя типами. Первый характеризуется пифосообразными сосудами высотой до 0,5 м и с более широким, почти цилиндрическим, горлом, двумя или тремя ручками, расположенными на выпуклой части тулова. Иногда в верхней части такие сосуды орнаментировались горизонтальной бороздкой (рис. 14₂₆₋₂₃). Второй тип представлен трехручными амфоровидными сосудами, имеющими выпуклое тулово, сравнительно узкое донце и суживающееся кверху горло. У отдельных сосудов горло отделено от тулова небольшим уступом или валиком. Иногда они орнаментировались налепами в виде стилизованных рогов барана или выступа типа двухлезвийной секиры (рис 14₂₉).

К столовой посуде относятся: широкодонные или узкодонные округлобокие или прямостенные миски с петлевидными ручками или выступами-держакми (рис. 14₁₋₇); разнообразные горшки, среди которых нередки с цилиндрической горловиной, отделенной от вздутого тулова

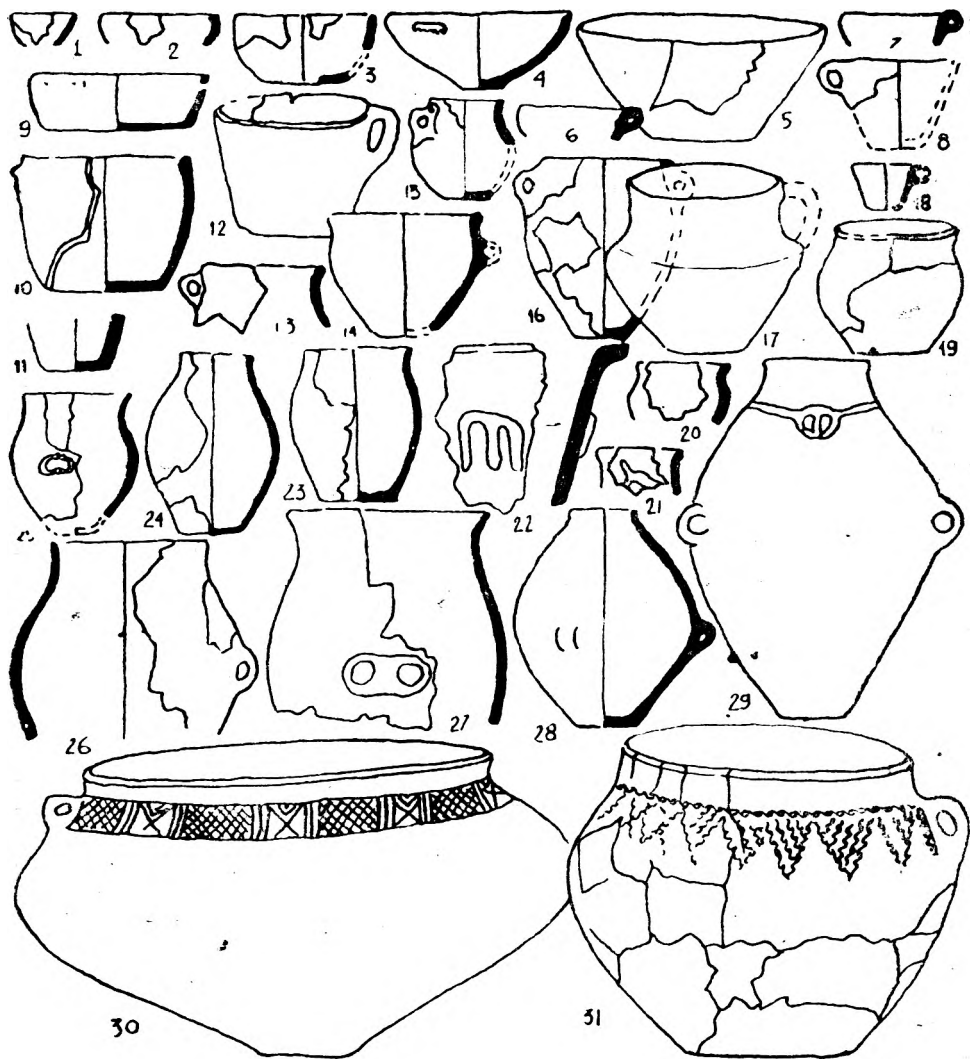

Рис. 14. Сигитминское поселение. Керамика.

уступом, а также с вогнутым дном (рис. 14^{17, 19}), конические и цилиндрические кружки, баночки (рис. 14^{8, 10-12}).

В верхнем слое встречается, наряду с гладкостенной, керамика другого характера. Она изготовлена из глины с примесью шамота, обжиг хороший. Цвет снаружи и изнутри коричневато-серый. Черепок в изломе одноцветный. Поверхность сосудов часто обмазана жидкой глиной — в некоторых случаях целиком, чаще до плечиков сосудов. Украшались сосуды налепными валиками с косыми насечками или пальцевыми вдавлениями, расположенными на плечиках под венчиком, в редких случаях — насечками по краю, нарезам под краем или резным орнаментом из треугольников и окаймляющих их вертикальных насечек. Реконструируются некоторые формы: баночные сосуды, горшки с сужающимся горлом, миски со слегка загнутым во внутрь краем.

Большой интерес представляют находки сосудов со шнуровым орнаментом. Обломки одного из таких сосудов обнаружены в жилище 1 (верхний ряд) на развале двухчастной печи первого этапа обживания. Второй сосуд найден в помещении 5 (нижний ряд). Это широкогорлый одноручный горшок с выпуклым туловом и отогнутым венчиком. Поверхность сглаженная, коричневого цвета с оранжевыми и серыми пятнами. Плечики украшены веревочным орнаментом, состоящим из горизонтальной линии и опускающихся от нее небрежно заштрихованными треугольниками. Ручки также орнаментированы отпечатком веревочки в виде косога креста, от которого отходит один отросток (рис. 14³¹). Найдки эти отнесены исследователями поселения к раннему этапу. Но обнаружение одного из них на развале печи жилища раннего этапа скорее говорит о связи их с более поздним этапом обживания. В этой связи надо сказать, что отсутствие стерильной прослойки и культурного разрыва между двумя периодами обживания поселения противоречит предложенной авторами периодизации, согласно которой ранние комплексы датированы эпохой ранней бронзы, а поздние — эпохой поздней бронзы (каякентско-хорочоевская культура)²². Хронологический разрыв более чем на 5 веков между этими слоями нам представляется нереальным. Скорее всего, наслоения обоих строительных горизонтов отражают две сравнительно короткие фазы в рамках заключительного периода развития культуры эпохи ранней бронзы, когда происходят кардинальные перемены в развитии архитектуры (смена круглоплановой архитектуры прямоугольной), керамического производства (сложение керамического комплекса эпохи средней бронзы), затухает куро-аракская культура, усиливаются связи со степными племенами (керамика со шнуровым орнаментом), и в конечном итоге

²² Канивец В. И., Буров Г. М. Отчет о работах Чирюртовского отряда ДАЭ в 1956 г. РФ ИИЯЛ, д. № 68, лл. 60, 63; Канивец В. И. Отчет о раскопках памятников бронзового века на Сулаке в 1957 г. РФ ИИЯЛ, д. № 66, л. 39.

на Северо-Восточном Кавказе складываются археологические культуры и комплексы эпохи средней бронзы. Большая часть археологических материалов из Сигитмы в основном перекликается с чиркейскими, что свидетельствует об отсутствии между ними сколько-нибудь значительного хронологического разрыва.

До сих пор речь шла о памятниках эпохи ранней бронзы, выявленных и изученных в области внешнего, предгорного Дагестана. В настоящее время значительная группа памятников интересующей нас эпохи известна и в горном внутреннем Дагестане. Здесь в бассейне четырех дагестанских Койсу — притоков р. Сулак в пределах треугольника, ограниченного с юго-запада Главным Кавказским хребтом, с севера — Андийским, а с востока — Салатау, обследовано более 10 памятников. Наиболее изучена группа памятников, выявленных в Андийской котловине, находящейся на крайнем севере внутреннего Дагестана на границе с Чечено-Ингушетией. Андийская котловина представляет собой сравнительно небольшую обособленную в геоморфологическом отношении область внутреннего Дагестана, окруженную грядой горных массивов высотой свыше 2000 м над уровнем моря.

В настоящее время в котловине известно четыре поселения и могильник эпохи ранней бронзы. Наиболее исследованным является поселение **Галгалатли I**. Оно находится к югу от с. Гагатль Ботлихского

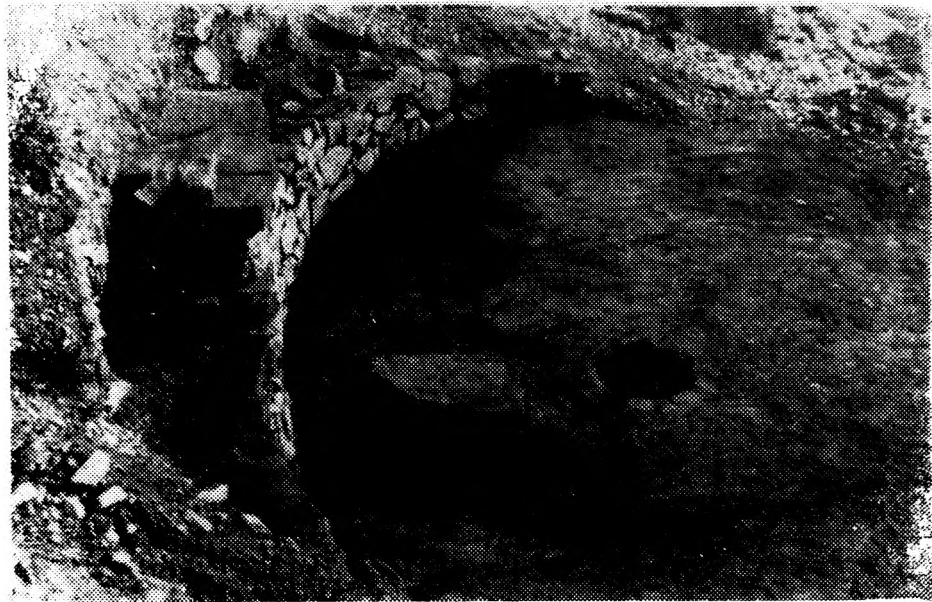

Рис. 15. Поселение Галгалатли I. Остатки жилища.

района на продолговатой горе Галгалатли, доминирующей над Андийской котловиной. Поселение занимало гребень горы и крутой склон, обращенный на ЮЮЗ. В 1968, 1970 гг. на поселении исследовано 220 м² площади, где вскрыты остатки 7 округлых каменных жилищ, расположенных тремя горизонтальными рядами, ступенчато возвышавшимися друг над другом (в нижнем и среднем рядах — по 3 жилища, в верхнем — 1)²³. Дома строились на крутом склоне (ок. 40°), на искусственных террасах, наполовину врезанных в склон. От всех домов сохранились участки дугообразных стен с пристроенными к ним лавками, обмазанными глиной (рис. 15). Стены закреплялись вертикальными каменными тумбами-контрфорсами. В каждом доме находился центральный круглый очаг с обмазанными глиной стенкой и бортиком. Следы обгорелых балок и положение каменных плит в одном из жилищ позволили реконструировать для дома Галгалатли плоское перекрытие из крупных каменных плит, уложенных на деревянные балки.

Для примера приведем характеристику остатков одного из домов, раскопанных в нижнем ряду, от которого сохранились часть дугообразной стены протяженностью около 7 м и ограниченная этой стеной часть пола. Диаметр жилища ок. 6 м, на глубину 2 м оно было врезано в склон горы. Наиболее сохранившийся участок стены имеет высоту 2 м. Стена сложена однорядной кладкой из хорошо подобранных, иногда и обработанных камней, скрепленных глиняным раствором. С внутренней стороны стена укреплена контрфорсом шириной 1 м, выступающим от поверхности стены на 0,4—0,60 м. По обе стороны от контрфорса вдоль дугообразной стены сооружены обмазанные сверху каменные лавки шириной 0,40—0,70 м, высотой 0,40—0,60 м. В южной части помещения к лавке пристроено возвышение прямоугольной в плане формы длиной 1,5 м, шириной 0,80 м, высотой 0,40 м. Сверху оно покрыто плоскими плитами. В центре него имелась небольшая яма, заполненная крупноразмолотым зерном. Рядом с ямой лежала крупная зернотерка. Тут же рядом на лавке вдоль стены находились развезы крупных сосудов с обуглившимся зерном. Судя по всему, это было специально оборудованное для хозяйственных целей место, где хранились продукты, в частности зерно, производился его размол и готовилась пища. Недалеко от него находились вырытые в полу два круглых очага с обмазанными глиной стенками и верхними кольцами-бортиками. Полom служил материковый слой глины с щебенкой, замазанный тонким слоем глины.

Специфика археологических комплексов пос. Галгалатли I состоит в том, что здесь в отличие от других поселений эпохи ранней бронзы

²³ Раскопки производились Горным отрядом археологической экспедиции Института ИЯЛ. См.: *Гаджиев М. Г.* Отчет о работе I горного отряда ДАЭ в 1968 г. РФ ИИЯЛ, д. № 287; *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И.* Отчет о работе I горного отряда ДАЭ в 1970 г. РФ ИИЯЛ, д. №

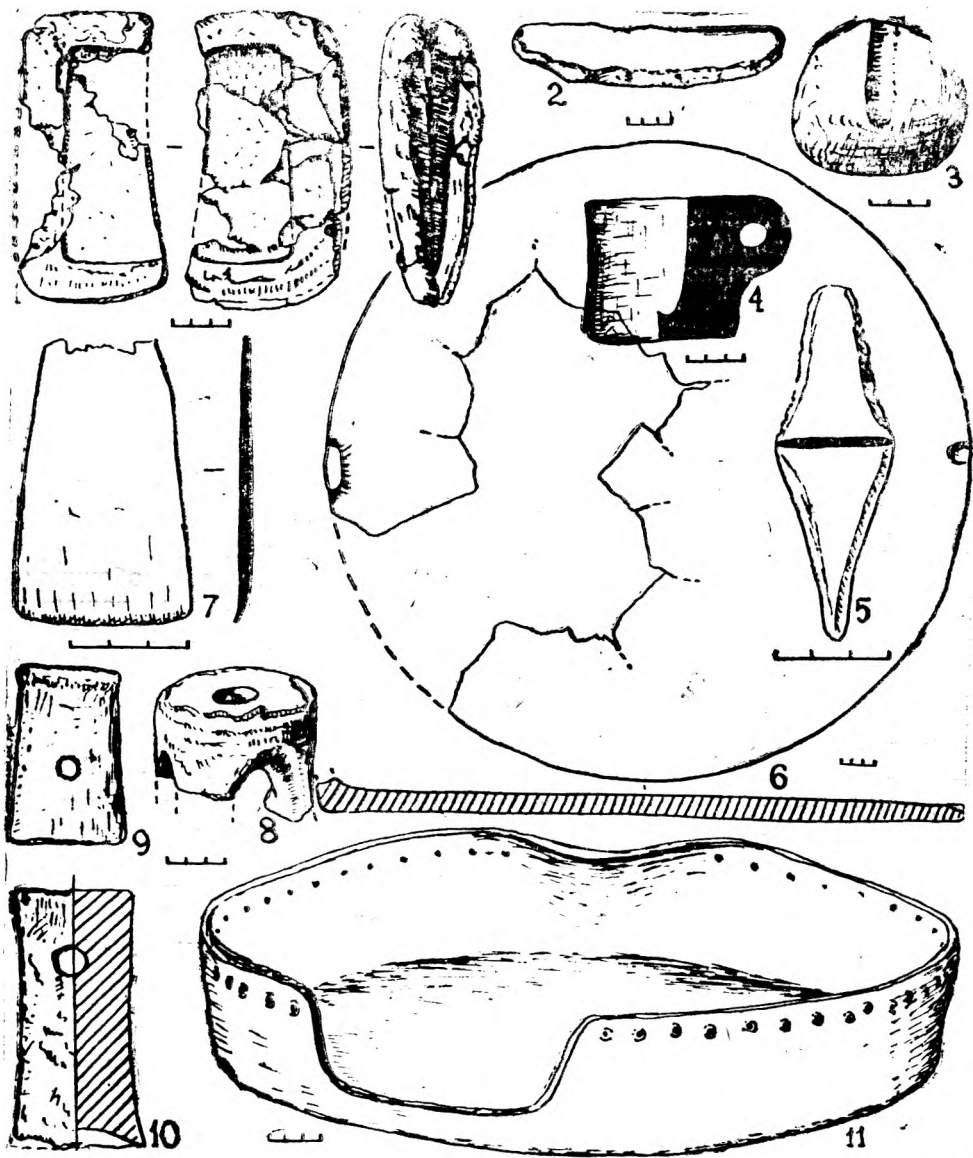

Рис. 16. Поселение Галгалатли I. Литейная форма (глина) — 1; изделия из камня (2, 3), металла (5, 7), керамика (1, 4, 6, 8—11).

совершенно не встречены кремневые и костяные изделия. Каменный инвентарь состоит из зернотерок и пестов из речных галек, терки с желобком (рис. 16_{2, 3}). Для характеристики хозяйственной деятельности обитателей поселения, в частности земледелия, весьма важны палеоботанические находки — большого количества обуглившегося зерна (ок. 15 кг) — пшеницы и ячменя. По костным остаткам из раскопок 1968 года (405 костей) определено 27 особей²⁴. Их соотношение (овцы—козы — 20, крупные жвачные — 3 и свиньи — 4) говорит о развитии животноводства, преимущественно овцеводческого характера.

Уровень развития металлообрабатывающего производства характеризуют находки металлических предметов: короткого тесла с дефектом литья на тыльной стороне (рис. 16₇), ромбовидного клинка ножа с зубчатым лезвием (пилка) (рис. 16₅), изготовленных из мышьяковой бронзы²⁵ и глиняной двухстворчатой литейной формы для отливки древнейших форм кавказских топоров с прямым обухом (рис. 16₁). Последняя является наиболее яркой находкой, документирующей самостоятельное изготовление таких орудий местными кузнецами и тем самым существование местной металлообработки.

Многочисленные керамические изделия позволяют составить достаточно полное представление о гончарном производстве. Керамика ручной лепки изготовлена из глины с примесями дресвы и обожжена в разной степени. Поверхности сосудов преимущественно лощеные, реже заглаженные. Совершенно отсутствует посуда с обмазанной поверхностью. В большинстве случаев поверхности сосудов имеют неравномерную пятнистую окраску (розовая, желтая, красная, серая, черная).

Кухонная керамика характеризуется традиционными сковородами с отверстиями под закраиной и плоскими плитами-жаровнями, которые ставились на очажные подставки цилиндрической формы со сквозными отверстиями (рис. 16_{6, 8-11}). Кроме того, к кухонной керамике относятся корчагообразные сосуды с широкой горловиной и небольшим дном типа чиркейских. Под венчиком прикреплялись ручки-держки в виде горизонтальных выступов, а ниже них — проемные ручки. Поверхности таких сосудов заглаживались, от чего сохранились следы в виде беспорядочных тонких полосок (рис. 17_{1, 14, 15}).

Тарная посуда представлена крупными трехручными сосудами (достигают высоты до 80 см) с очень узким (почти острым) дном, яйцевидным туловом и широкой высокой горловиной, отделенной от тулова перегибом, орнаментированным валиком с пальцевыми зажимами, лунками, косыми нарезками (рис. 18₈). Иногда они дополняются выпукло-вогнутым узором в виде вписанных ромбов, треугольников. На

²⁴ Определение произведено доцентом Дагсельхозинститута К. Н. Золотовым.

²⁵ Корневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана, с. 42.

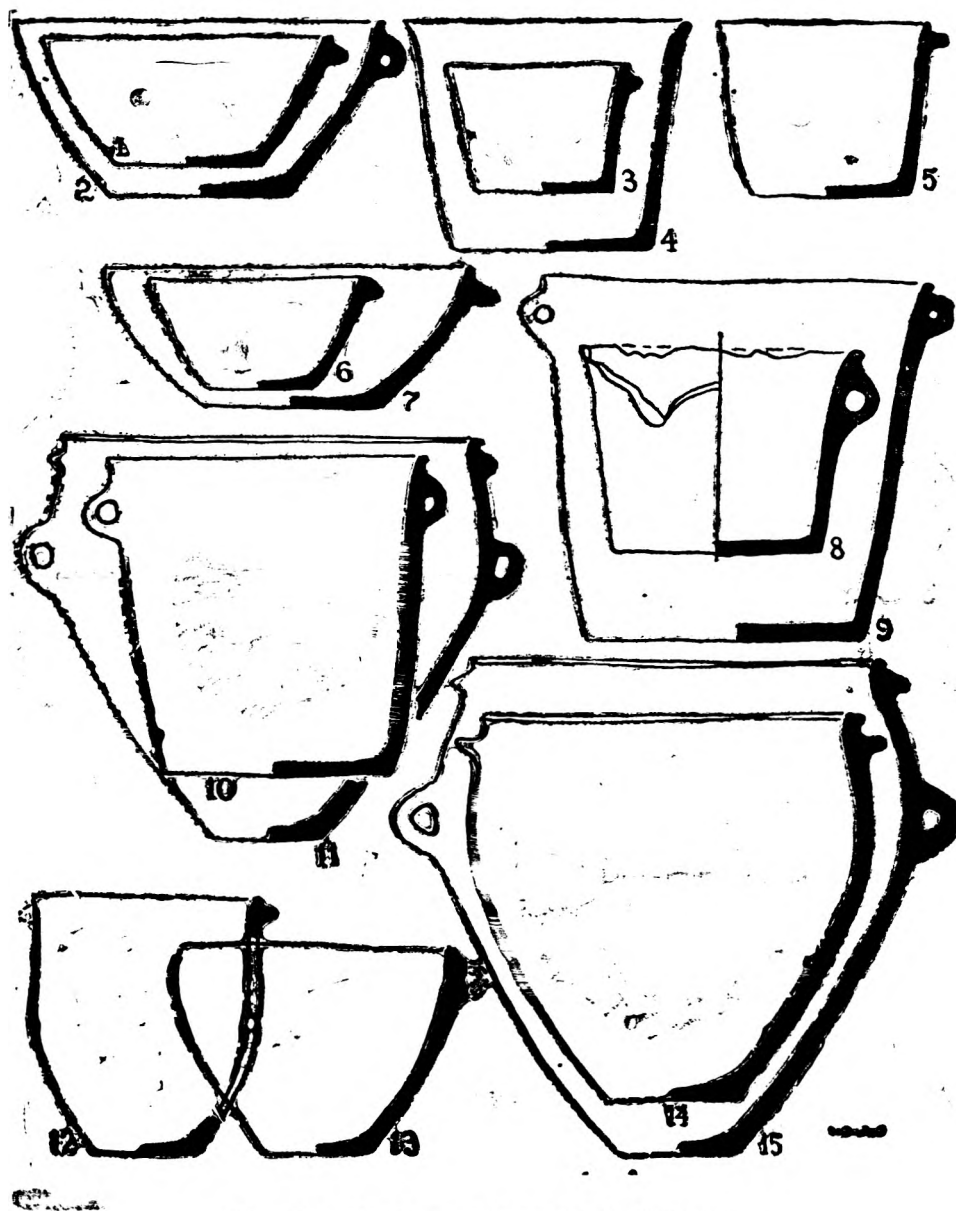

Рис. 17. Поселение Галгалатли I. Керамика.

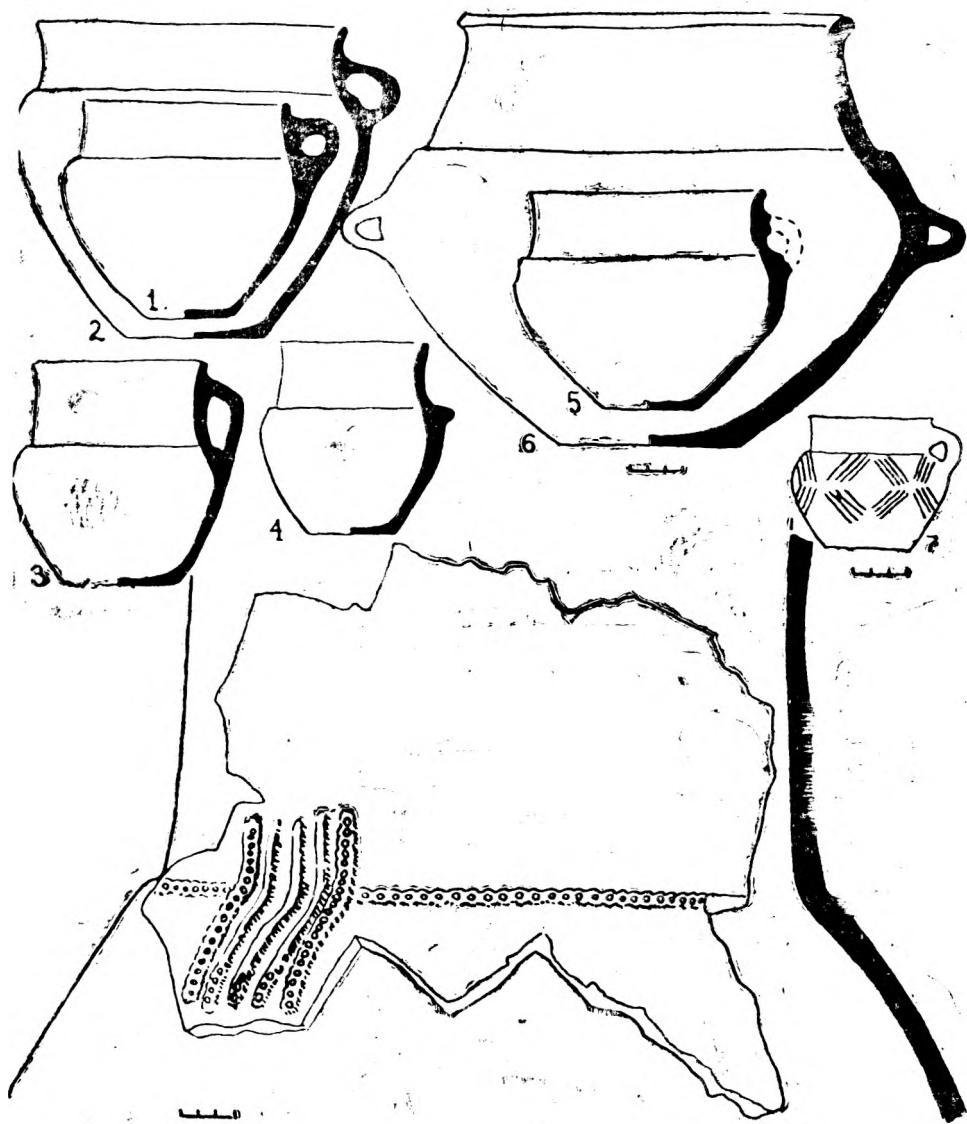

Рис. 18. Поселение Галгалатли I. Керамика.

горловинах тарных сосудов обычно проделано сквозное отверстие, очевидно, для вентиляции.

Стандартными формами представлена столовая посуда. Это миски прямостенные или глубокие округлобокие с проемными ручками или ручками-держакми в виде горизонтального выступа (рис. 17_{1, 2, 5, 7}), горшки или кувшины с цилиндрическими горловинами, отделенными от вздутаго тулова уступом (рис. 18₁₋₇). Один из таких горшочков орнаментирован фризом из резного узора в виде вписанных квадратов, расположенного под перегибом (рис. 18₇), а другой — одним коническим выступом (рис. 18₄). Характерны также различных размеров баночные сосуды (рис. 17_{3-5, 8-10}). Для определения относительной хронологии поселения Галгалатли I имеет значение отсутствие керамики с обмазанной поверхностью, наличие ранних форм металлических изделий (тесла, ножи) и литейной формы для отливки топора арханчской формы, свидетельствующие о большей древности поселения Галгалатли по сравнению с Чиркейским.

Остальные три поселения, выявленные в Андийской котловине, находятся в окрестностях с. Ашали²⁶ и Анди²⁷. На них собрана керамика того же типа, что и в Галгалатли.

Меньше пока у нас данных о поселениях эпохи ранней бронзы из южных и юго-восточных районов внутреннего Дагестана, хотя, судя по поселениям Чох²⁸, Гинчи и Ругуджа²⁹, здесь в междуречье Андийского и Казикумухского Койсу находился один из ранних очагов сложения и развития оседло-земледельческой культуры. Продолжалось обживаться в эпоху ранней бронзы и сезонное поселение Чинна (Хунзахский район), возникшее еще в энеолите³⁰. Имеются сведения о двух поселениях у с. Ингердох и Местерух (Ахвахский район), у с. Кучраб (Чародинский район)³¹, временном пещерном поселении у с. Чирката (Гумбетовский район)³², поселении у с. Кули (Кулинский район)³³.

Таковы наши сведения о поселениях эпохи ранней бронзы в горных районах Дагестана. Надо сказать, что они не отражают полностью реальной картины заселенности горного Дагестана в ту эпоху. Несомненно, что все благоприятные для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства области горного Дагестана должны были быть заселе-

²⁶ Гаджиев М. Г. Отчет о работе I горного отряда ДАЭ в 1968, л.

²⁷ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ... с. 94.

²⁸ Амирханов Х. А. Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане. — Природа, 1982, № 5, с. 20.

²⁹ Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения горного Дагестана. — В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1981, с. 5—20.

³⁰ Там же, с. 21—26.

³¹ Атаев Д. М., Котович В. М. Отчет о работе 2 горного отряда ДАЭ в 1957 г. РФ ИИЯЛ, ф. 26, д. № 2, с. 98—99.

³² Исаков М. И. Чиркатинские древности в Дагестане. — СА, № 4, 1961, с. 250—253.

³³ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, с. 32.

ны тогда достаточно густо, о чем, в частности, свидетельствуют данные по Андийской котловине, оказавшейся исследованной лучше, чем другие подобные районы. Основываясь на имеющихся данных, можно сказать, что в эпоху ранней бронзы горный Дагестан был широко освоен земледельческо-скотоводческими племенами. Заселены были уже не только горные речные долины, освоенные еще в энеолите, но и высокогорья, где, наряду с сезонными стоянками, возникшими в энеолите³⁴, появляются фундаментальные поселения, рассчитанные на постоянное обитание. Они большей частью располагались на высоких труднодоступных, естественно укрепленных местах — мысах, на гребнях и склонах гор, скальных платформах на высоте до 1800—2000 м. Появление и функционирование таких поселений является следствием постепенного земледельческого освоения высокогорий, сложения террасного земледелия, гарантировавшего возможность постоянного обитания высоко в горах больших групп населения³⁵.

Конечно, выбор конкретного места для подобных поселений зависел от целого ряда факторов, среди которых особо нужно отметить наличие необходимых площадей для земледелия (естественно выровненных участков и горных склонов, пригодных для земледельческих террас), источников воды, возможности аккумуляции солнечного тепла, естественная защищенность места поселения от внезапного нападения.

Наряду с постоянными, существовали и сезонные поселения (Чинна, Чирката). Этот тип поселения, возникший еще в энеолите, своим происхождением связан со скотоводческим хозяйством. Особенности его организации в горных условиях вызвали необходимость существования временных стоянок пастухов на местах отгона скота на летние пастбища. Такие стоянки часто располагались в местах, непригодных для обживания в зимнее время. На них не строились фундаментальные каменные дома, пастухи, обслуживающие стада в короткий летний период, жили у пещер, под скальными навесами, или в легких постройках, как это засвидетельствовано в этнографии. Поэтому на подобных поселениях культурные наслоения по мощности незначительны и слабо насыщены культурными остатками, только сезонное их обживание, отсутствие на них интенсивной человеческой жизнедеятельности не способствовали накоплению культурных остатков. Однако в том случае, когда такие стоянки устраивались в местах благоприятных для земледелия, они впоследствии превращались в постоянные. В этом, очевидно, следует видеть одно из проявлений закономерностей развития отгонного скотоводства на Кавказе³⁶, при котором особенно велика роль мобильных скотоводческих групп в первоначальном хозяйственном освоении

³⁴ Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения горного Дагестана. с. 18—26.

³⁵ Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане, с. 10—12.

³⁶ Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, XXIII, 1955.

и последующем постоянном заселении высокогорий, о чем, в частности, свидетельствуют и древние поселения горного Дагестана.

По своей планировке постоянные поселения представляли собой обычные горные селения со ступенчато расположенными друг над другом горизонтальными рядами домов. Такая архитектура стала складываться здесь одновременно с постоянным заселением высокогорий, происходившего наиболее интенсивно в эпоху ранней бронзы. Но начало этого процесса несомненно относится к более глубокой древности, не позже эпохи энеолита, когда в высокогорьях Дагестана впервые стали складываться временные поселения типа Чинна и Ругуджинских стоянок³⁷.

Особо следует остановиться в этой связи на значении открытых на поселениях горного Дагестана остатках фундаментальной каменной архитектуры, свидетельствующих о существовании здесь в эпоху ранней бронзы достаточно развитой, уже сложившейся строительной традиции, выработанных принципов планировки как отдельных домостроений, так и поселения в целом. Основным элементом этой архитектуры являлось круглоплановое жилое помещение с плоской крышей, центральным углубленным в пол круглым очагом и лавкой, расположенной вдоль стены. К таким жилищам со стороны входа пристраивали небольшие передние овальных или угловатых, прямоугольных очертаний. В развитии этой архитектурной традиции охарактеризованные выше поселения занимают уже последнюю ступень. Предшествующую ступень характеризует поселение Гинчи, где, правда, круглоплановые постройки сохранились плохо³⁸. Начало же этой традиции в горном Дагестане, как об этом свидетельствуют данные новейших исследований Чохского поселения, восходит к неолиту. В верхнем неолитическом слое Чоха, датированном на основе новейших исследований первой пол. VI тыс. до н. э., выявлено каменное жилище округлого плана площадью ок. 60 м² с центральным очагом и входным коридором³⁹. Это говорит о существовании в горной части Северо-Восточного Кавказа еще в конце каменного века иного пути развития архитектуры и строительной техники, отличного от сырцово-круглопланово-купольной архитектуры шулавери-шомутепинской культуры Восточного Закавказья или пещерных жилищ Западного Кавказа. Все сказанное характеризует горную часть Восточного Кавказа как один из очагов сложения и длительного (неолит, энеолит, ранняя бронза) стабильного развития архитектуры круглоплановых жилищ и каменной строительной техники. Она проникла и в древний погребальный обряд в виде круглых погребальных сооружений — склепов, строившихся в подражание реально существовавшим жилищам⁴⁰. Раз-

³⁷ Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения..., с. 18—26.

³⁸ Там же, с. 11—13.

³⁹ Амирханов А. А. Чохское поселение..., с. 20.

⁴⁰ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 103—108.

витие этой архитектурной традиции было прервано однажды и окончательно в конце эпохи ранней бронзы, когда на смену ей пришла новая архитектурная традиция прямоугольных смежных многоквартирных домов, дожившая в горном Дагестане до современной этнографической действительности. Начало смены архитектурной традиции фиксирует Сигитминское поселение, где в домостроительстве уже прямоугольного плана сохраняются некоторые черты древней традиции круглопланной архитектуры (закругленные углы четырехугольных в плане жилищ, сохранение однокомнатного дома с передней — двориком, центрального круглого в плане углубленного в пол очага и др.). Завершение процесса сложения новой архитектуры в горном Дагестане документирует Верхнегуньбское поселение с его террасообразно расположенными горизонтальными рядами домов из прямоугольных смежных помещений⁴¹. Смена архитектурной традиции, происшедшая в Дагестане в конце эпохи ранней бронзы, отражает одну из сторон сложных этнокультурных процессов, происходивших на Северо-Восточном Кавказе на рубеже эпохи ранней и средней бронзы, завершившихся сложением новых археологических культур.

Вопрос о взаимоотношении прямоугольных и круглоплановых жилищ далеко выходит за рамки первобытной археологии Северо-Восточного Кавказа. Он является по существу частью общей проблемы происхождения, истории и в целом взаимоотношении двух архитектурных традиций в обширном кавказско-ближневосточном регионе⁴², освещение которого выходит за рамки задач, поставленных в данной статье.

Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы объединяет ряд общих признаков, позволяющих определить их культурную принадлежность:

1) существование двух типов поселений: постоянных и сезонных, сложение и функционирование которых были обусловлены особенностями ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства в горных условиях;

2) домостроения, сочетающие принципы круглопланной и прямоугольной архитектуры: круглопланные (или с закругленными углами) однокомнатные дома с центральными стационарными очагами и небольшой передней или двориком прямоугольного плана;

3) распространение красной, серой, черной, часто пятнистой гладкостенной, нередко лощеной, керамики, состоящей в типологическом

⁴¹ Котович В. М. Верхнегуньбское поселение, с. 70—78. В свете новых данных следует признать не точным прежнее представление о развитии архитектуры в древнем Дагестане от прямоугольной к круглопланной и вновь к прямоугольной. См.: Котович В. М. Верхнегуньбское поселение, с. 97—99; Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы, с. 107, 108).

⁴² Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 303—340, 418—423; Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э., Тбилиси, 1973; Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981, с. 143—144, 194—196.

отношении из мисок, кувшинов и горшков, крупных тарных сосудов с цилиндрическими горловинами, резко отделенными от тулов перегибами или уступами, баночных сосудов и жаровень.

4) наличие разнообразных изделий (орудий труда, оружия) преимущественно из медно-мышьякового сплава.

Все эти черты, характеризующие древние поселения горного Дагестана и облик их материальной культуры, являются ведущими, определяющими признаками куро-аракской культуры Восточного Кавказа, и свидетельствуют о принадлежности к ней всех охарактеризованных выше поселений, кроме Сигитминского, представляющего культуру периода переходного от эпохи ранней бронзы к средней. Следовательно, горный Дагестан в эпоху ранней бронзы не то, что испытывал влияние куро-аракской культуры, как это можно было предполагать еще сравнительно недавно, а составлял неотъемлемую часть еще точно не установленного обширного ареала, где рано сложилась и длительно развивалась данная культура. Здесь, как и в прикаспийском Дагестане, в рассматриваемое время неизвестна иная археологическая культура кроме как куро-аракская.

Исходя из стратиграфии прикаспийских поселений, в раннебронзовом периоде развития куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе выделяются два больших этапа; различия между ними наблюдаются, главным образом, в керамике⁴³. Ранний этап характеризуется гладкостенной, преимущественно лощеной керамикой, а поздний — широким распространением, наряду с ней, специфичной для бронзового века Северо-Восточного Кавказа керамики с грубо обмазанной внешней поверхностью. Как уже отмечалось выше, из поселений горного Дагестана к раннему этапу могут быть отнесены Мекегинское, как ранний, и Галгалатли, как поздний, памятники в рамках данного этапа, а к позднему — соответственно Чиркейское и несколько более позднее Сигитминское поселения. Большинство исследователей относит куро-аракскую культуру к III тыс. до н. э. или к концу IV—III тыс. до н. э.⁴⁴ Более ранних дат придерживались и придерживаются О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили, относящие куро-аракскую культуру в основном к середине IV — середине III тыс. до н. э.⁴⁵, что хорошо согласуется с калиброванными радиоуглеродными датами кавказских и ближневосточных памятников⁴⁵.

⁴³ Муначев Р. М. Древнейшая культура..., с. 97; Гаджиев М. Г. К периодизации куро-аракской культуры..., с. 1, 2.

⁴⁴ Обзор датировок куро-аракской культуры (см.: Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры..., с. 178—182).

⁴⁵ Джапаридзе О. М. Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии. — В кн. VI Международный конгресс археологов и этнографов. М., 1964, с. 7; Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура..., с. 229—269.

⁴⁶ Кавтарадзе Г. Л. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных, Тбилиси, 1981, с. 138—142.

Что касается датировки соответствующих памятников данной культуры в Дагестане, то в качестве верхнего хронологического рубежа наиболее реальной представляется середина III тыс. до н. э. — дата, предложенная для Каякентского поселения Р. М. Мунчаевым, специально изучавшим проблему хронологии куро-аракской культуры⁴⁷. К середине — ко 2-й четверти III тыс. до н. э. ориентировочно можно отнести Чиркейское поселение, а Сигитминское — ко второй половине, ближе к последней четверти III тыс. до н. э. При определении хронологии раннего этапа развития культуры эпохи ранней бронзы, представленного в горном Дагестане памятниками типа Мекеги, Галгалатли, надо, очевидно, иметь в виду, что на Каякентском поселении в Прикаспийской низменности под поздними слоями, которые датируются серединой III тыс. до н. э., выявлено еще 1,5 м культурных наслоений с минимум двумя строительными горизонтами⁴⁹. Такой же толщины культурные слои с четрырьмя горизонтами, относящимися к этому же раннему этапу, выявлены на другом Каякентском поселении Геме-Тюбе II⁵⁰. Это свидетельствует о том, что ранний этап развития данной культуры на Северо-Восточном Кавказе, предшествовавший появлению или сложению здесь своеобразного керамического комплекса, включающего посуду с обмазанной внешней поверхностью (Каякент — верхний слой, Мамайкутан, Чиркей и др.), был весьма длительным. Отсутствие существенного культурно-хронологического разрыва между памятниками горного Дагестана эпохи энеолита (Ругуджа, Гинчи, Чинна — V — первой пол. IV тыс. до н. э.)⁵¹ и раннего этапа эпохи ранней бронзы, в частности, поселением Мекеги, за исключением изменений в основном эпохального характера (упадок кремневой индустрии, распространение металла и др.) говорит в пользу глубокой древности этого этапа, уходящего, вероятно, в конец IV тыс. до н. э.

Таким образом, материалы рассмотренных нами поселений горного Дагестана позволяют ликвидировать одну из значительных хронологических лакун в древней истории Дагестана, существовавших в наших знаниях о периоде ранней бронзы, наполнив ее конкретным культурно-историческим содержанием.

⁴⁷ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура..., с. 160.

⁴⁸ Гаджиев М. Г. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане. — АО, 1979, М., 1980, с. 101.

⁴⁹ Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Исследование Прикаспийской экспедиции. — АО, 1977, М., 1978, с. 112, 113.

⁵⁰ Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения..., с. 8—27.

СВЯТИЛИЩЕ У ВЫСОКОГОРНОГО СЕЛЕНИЯ ХОСРЕХ

В 1977 году на небольшом возвышении, расположенном в 3 км к югу от сел. Хосрех Кулинского района на довольно ровной правой надпойменной террасе реки Кулинка при дорожных работах были выявлены разнообразные железные и бронзовые предметы. Место находок расположено в альпийской зоне, на высоте 2700 м над уровнем моря, у основания Главного Кавказского хребта и его бокового отрога — Самурского хребта. По словам местных жителей, это возвышение неоднократно разравнивалось бульдозером.

Рис. 1. Хосрехское святилище.

В результате раскопок памятника было выявлено квадратное в плане (8×8 м) каменное сооружение со стенами толщиной до 80 см. Внутри него была циркулярная каменная выкладка (диаметр 5,6 м) с алтарем в центре (размеры: $1,0 \times 0,35 \times 0,7$ м — высота). Это квадратное сооружение ориентировано углами по странам света (рис. 1; 2; 5). Изнутри к северо-западной стене наружной квадратной постройки

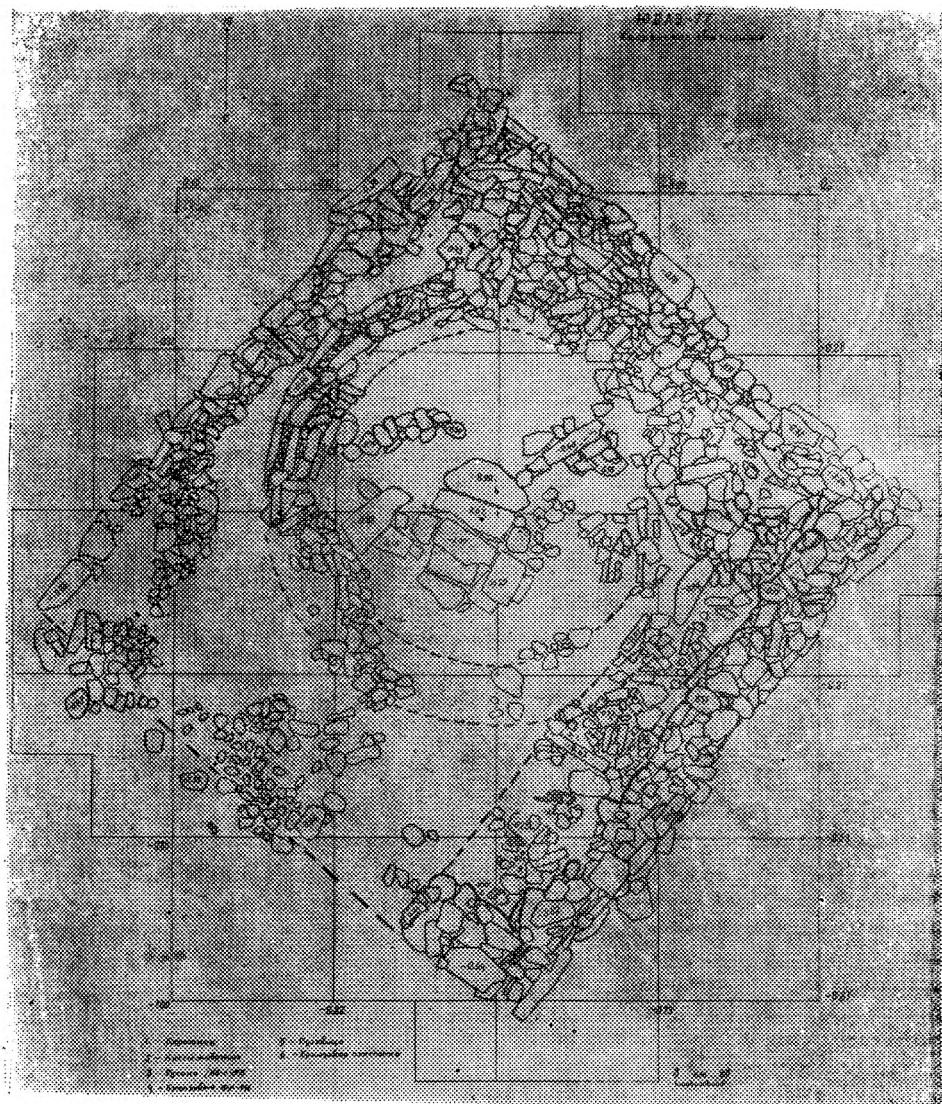

Рис. 2. План Хосрехского святилища.

примыкает небольшое возвышение шириной до 1,15 м, где под тонкими песчанниковыми плитами в золе и копоти в изобилии встречаются кости жертвенных животных, их черепа, в основном с распиленными рогами, астрагалы*, а также разнообразные предметы материальной культуры, в том числе фрагменты толстостенной лепной керамики из глины с примесью грубо истолченного речного песка (от сосуда баночной формы); черной лощеной керамики; умбоновидная бронзовая бляха; обломок роговидного псаля; два обломка браслета; фрагменты поясных накладок и бронзовое пластинчатое кольцо. Здесь же найдены пять нанизанных друг на друга браслетов и колец (рис. 6; 7). Следы костра и черепа жертвенных животных встречены и на поверхности внутреннего циркульного сооружения. Приалтарная площадь и дорога, соединяющая алтарь с серединой юго-западной стены вымощены (рис. 3). Однако в основании юго-западной стены не было дверного

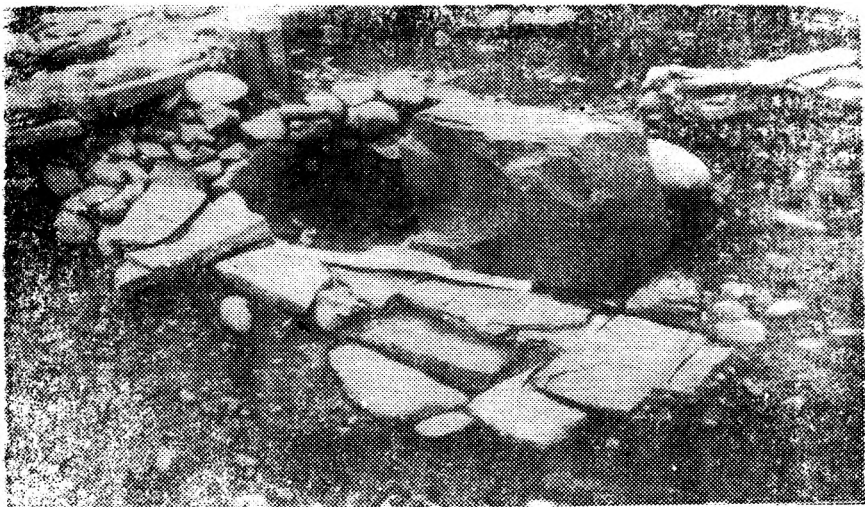

Рис. 3. Алтарь и приалтарная вымостка Хосрехского святилища.

проема. Скорее всего этот проем возвышался над фундаментом. У подножья алтаря с юго-запада лежал крупный камень с беспорядочно нанесенными на поверхность знаками. Под приалтарной вымосткой и под самим алтарем найдены тайники в виде (аккуратно оформленных из правильных форм камней) четырехугольных ямок. В первом тайнике

* Их было 1172 экз. Из них 457 фрагментированы и не поддаются определению. Из остальных 716 целых астрагалов 146 (20,39%) принадлежали оленям, 254 (35,34%) — овцам, 21 (2,87%) — козам, 293 (40,92%) — крупным рогатым животным, 2 (0,27%) — безоаровой козе (определение костей К. Н. Золотова).

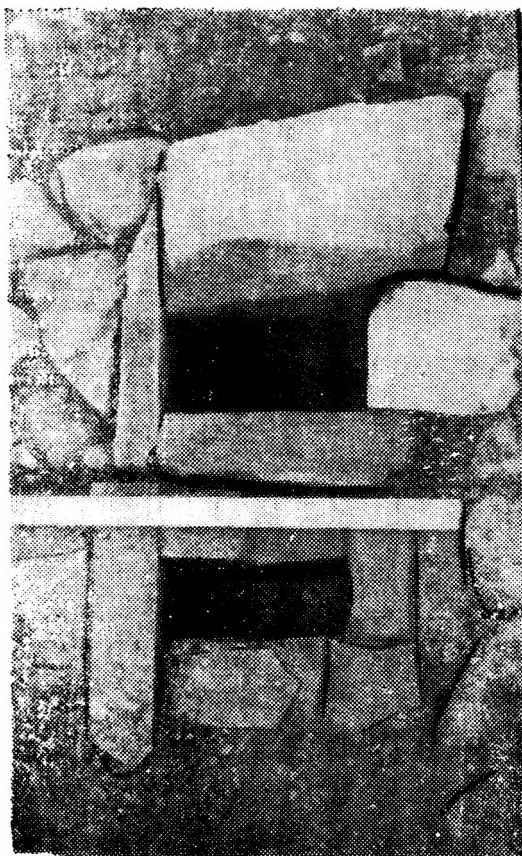

Рис. 4. Тайники, найденные под алтарем и приалтарной вымосткой Хосрехского святилища.

(22×20×40 см) была земля с угольками, во втором (22×15×34 см) — кроме земли с угольками — два астрагала крупных и один астрагал мелкого животных и обломок точильного бруска с отверстием на одном конце (рис. 4).

Между центральным алтарем и циркульным сооружением имеется отрезок круглой стены, залегавшей в нижнем слое. Этому отрезку соответствует часть обмазки пола в западном углу сооружения. Эти остатки относятся к другому стратиграфическому слою.

Местные жители передали нам выявленный здесь при строительных работах железный кинжал «акинак» с прямым навершием и почковидным перекрестьем; биметаллический кинжал т. н. «кабардино-пятигорского» или киммерийского типа; бронзовые ножны кинжала; один железный и четыре бронзовых наконечника копий; шесть разнообразных по форме и размерам бронзовых блях с петлями на обороте, в том числе один с ажурным геометрическим орнаментом, другой — с железной инкрустацией; брон-

зовые наконечники; поделки в виде браслетов из трубочек, свернутых из тонкого бронзового листа; две поясные накладки, кольцо из тонкой бронзовой пластинки с елочным орнаментом на поверхности; бронзовые щипцы; зооморфные (быка и оленя) и антропоморфные (парные) статуэтки; два обломка просверленных с одного конца мергелевых точильных брусков; бусы из кости, фаянса, гагата (рис. 6; 7).

За наружной стеной западного угла сооружения выявлена обильная зола, копоть и следы сильного огня. То же самое отмечено под фундаментом сооружения и на значительной части самого помещения. Характер сооружения и находок не оставляет сомнения, что мы имеем здесь

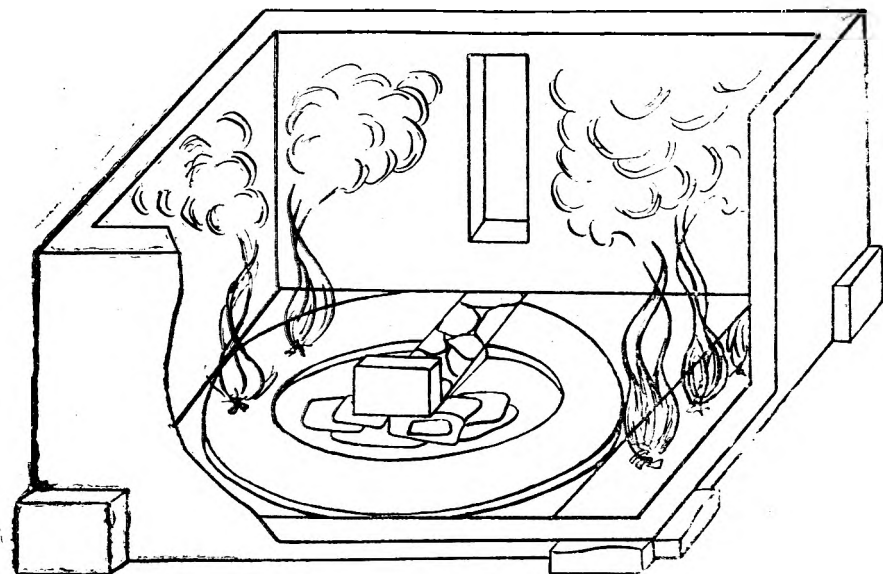

Рис. 5. Реставрация Хосрехского святилища.

святилище. Причем наши наблюдения и сопоставления с аналогичными сооружениями позволяют восстановить первоначальный облик самого святилища: здание в целом имело квадратное в плане форму. Проход в него был в юго-западной стене на высоте 1 м. Внутри находилась выложенная из правильных камней циркулярная выкладка с алтарем в центре. С наружной стороны к концам стен святилища примыкали крупные каменные блоки (несколько таких блоков было отброшено строителями при дорожных работах) (рис. 5).

Наиболее близко наше сооружение святилищу, выявленному В. Г. Петренко под насыпью одного из скифских курганов VII в. до н. э. в Ставропольском крае¹. Однако это святилище воздвигнуто из сырцового кирпича, обмазано глиной и ориентировано сторонами по странам света, а наше — целиком сделано из камня и ориентировано углами по странам света. Если исходить из справедливо отмеченной У. Симпсоном² единой идеи, воплощающей как в храмовой, так и в погребальной

¹ Петренко В. Г. Ставропольская экспедиция.—АО—1974, М., 1975, с. 125; она же, доклады на Всесоюзных археологических конференциях в г. Сигнахи в 1978 г. и в г. Краснодаре на VI Крупновских чтениях.

² Simpson W. Some Suggestion of Origin in Indian Architecture.—Journal of the American Oriental society. New-York — Nev-Haven, 1888, p. 55, 57.

архитектуре — идеи о мире и микрокосмосе³, мы вправе сопоставить наше сооружение и с мавзолеями 4, 5-а и 7 Тагискентского могильника IX—VIII вв. до н. э., сочетавшими в планировке круг с квадратом⁴. Последующее развитие архитектуры с квадратно-циркульной планировкой от Тагискентских мавзолеев или даже гробницы Геюксюра идет через такие яркие памятники античности Средней Азии, как Мансур-Депе, Боланды-2, Кух-и Ходжа, Чирик-Рабада, Кой-Крилган-кала и далее до средневековых сасанидских Чортак и среднеазиатских мавзолеев⁵. В скифское и античное время такие памятники встречаются также и на территории Восточной Европы⁶ и Кавказа⁷. В более позднее время идеограммы и архитектурные комплексы, в планировке которых сочетается круг с квадратом, получили широкое распространение в азиатских странах вместе с распространением буддийской религии⁸.

Среди инвентаря Хосрехского святилища представлены изделия, по которым датируется памятник. Это прежде всего бронзовые наконечники копий с остролистным пером и гладкой втулкой (рис. 6, 7). Аналогичные наконечники происходят из Николаевского могильника Прикубанья, датируемого Н. В. Анфимовым VIII — первой половиной VII в.

³ Виноградова Н. А. Иконографические каноны японской космогонической картины вселенной — мандала. — В сб.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с. 65.

⁴ Толстой С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 81—85, 201—204, рис. 117; Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. — ВДИ, 1973, № 1, с. 121—130; она же. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. — В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 155—157.

⁵ Толстой С. П. Ук. соч., с. 81—85; 201—204; Воронина В. А. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. — СА, 1960, № 2, с. 50 и сл.; Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966, с. 18—35; он же и Пилипко В. Н. Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы. — В кн.: Каракумские древности, вып. 2. Ашхабад, 1968, с. 33 и сл.; Рец. Лелекова Л. А. на книгу: Schlumberger D. L'Orient hellénise. L'art grec et ses héritiers dans L'Asie ou méditerranéenne. Paris, 1970—СА, 1972, № 1, с. 292—295; Пугаченкова Г. А. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы. — В кн.: Труды ЮТАКЭ, Ашхабад, 1978, т. XVI, с. 16—30.

⁶ Roussel P. Delos colonie athenienne. Paris, 1916, p. 230 и сл.; Карасев А. Н. Архитектура. — В кн.: Античные памятники Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, с. 200; Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 18—23; Соколов Г. И. Дельфы. М., 1972, с. 33.

⁷ Вани Т. Археологические раскопки в 1947—1969 гг. Тбилиси, 1972; Лордкипанидзе Г. А. Алтари Ванского городища (Западная Грузия). — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 104—112; Лордкипанидзе О. Д. Город — храм Колхиды. М., 1978. Во всех этих изданиях квадратная кладка наружных стен святилища и его внутреннее циркульное сооружение Ванского городища рассматриваются как самостоятельные разновременные храмы. Однако обломок «жертвенника» из «круглого» храма в виде вырезанного на плите круга, заключенного в квадрат, повторяющего план самого храма (Лордкипанидзе Г. А. Ук. соч., рис. 1; 2, 1) скорее всего указывает, на то, что сооружения, хотя и расположенные в разном стратиграфическом положении, составляли один комплекс, функционировавший в одно и то же время.

⁸ Виноградова Н. А. Указ. соч., с. 65—81.

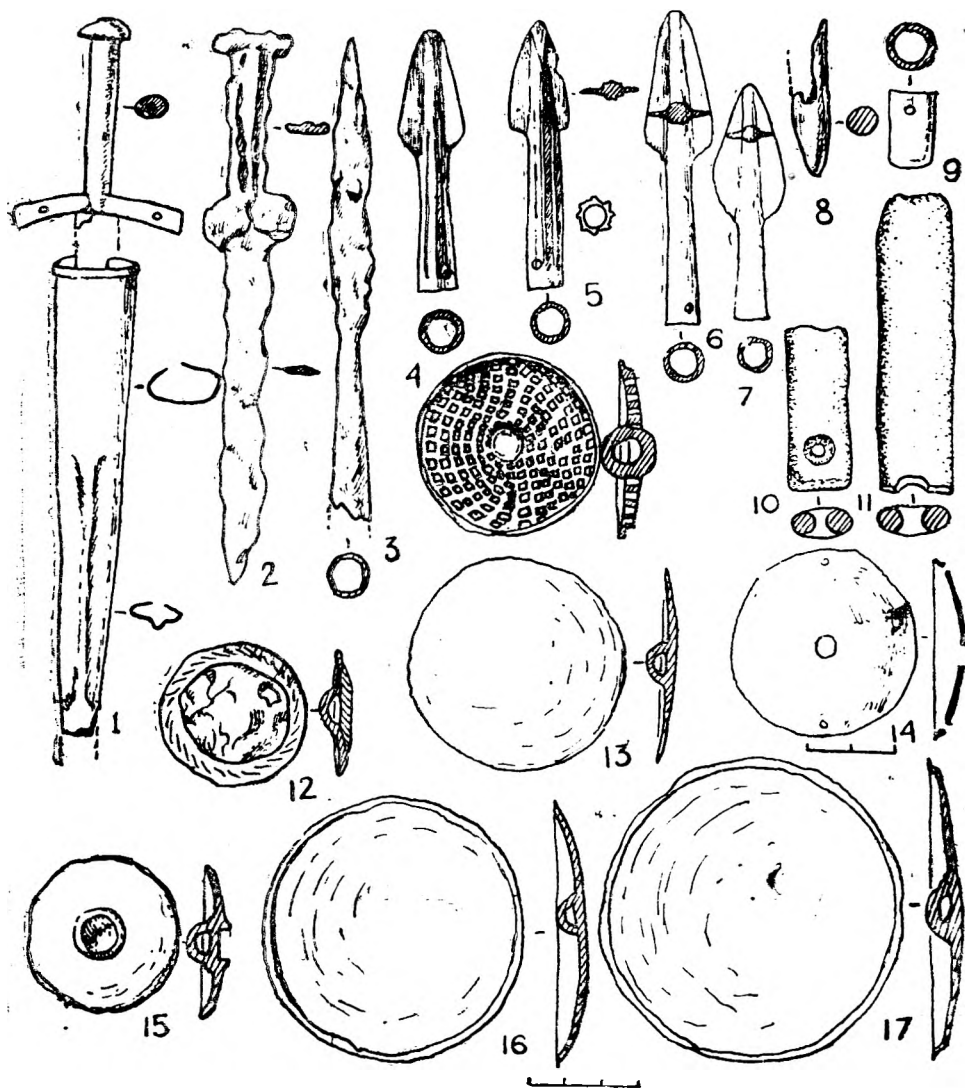

Рис. 6. Предметы вооружения и конского убора из Хосрехского святилища.
 2, 3 — железо, 13—17 — бронза, 1, 12 — железо с бронзой; 8 — кость;
 10, 11 — мергель.

до н. э.⁹ На памятниках Северного Кавказа новочеркасского этапа (Бештаугорский клад, «индустрия», Эчкиважский, Султангорский, ранние комплексы Серженьюртовского и др. могильники) встречаются аналогичные хосрехскому (рис. 6, 3) железные наконечники копий с узкими листовидными перьями, плавно переходящими в цельные втулки¹⁰. Первые железные наконечники копий в Закавказье появляются в конце II тысячелетия до н. э. и получают широкое распространение к VIII в. до н. э.¹¹ Хосрехский наконечник также укладывается в пределах IX—VIII — первой половины VII в. до н. э. Обломок рогового псаля из Хосрехского святилища (рис. 6, 8) относится к типу с тремя отверстиями (на концах и в середине). Аналогичные псаляны характерны для памятников второго этапа чернолесской (VIII — первая половина VII в. до н. э.) культуры¹².

Железный кинжал с бронзовой рукояткой так называемого «кабардино-пятигорского» типа, выявленный на нашем святилище (рис. 6, 1), имеет круглый ствол рукоятки, грибовидное навершие и прямое, слегка изогнутое снизу перекрестье с отверстиями на выступающих крыльях. Кинжалы этого типа долгое время были и ныне остаются предметами споров о их культурно-историческом облике и хронологии. Нам нет необходимости разбирать все сложные и противоречивые мнения по этому вопросу. Отметим лишь то, что наш хосрехский кинжал относится к тому же типу, что и мугерганский и хронологически следует за ним. А дата мугерганского типа М. И. Пикуль определила в пределах IX в. до н. э.¹³ Эта дата получила признание у специалистов.

Железный акинак с нашего святилища имеет большое брусковидное навершие и почковидное перекрестье. Ствол рукоятки украшен продольными валиками. Генетическая связь таких акинаков с местными кавказскими и ближневосточными кинжалами эпохи бронзы обоснована Н. Л. Членовой, М. П. Абрамовой и В. Г. Котовичем¹⁴. Нам представ-

⁹ Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с Николаевского. — СМАА. Майкоп, 1961, т. II, с. 106—119, табл. II, 3—6.

¹⁰ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — ВССА, М., 1954, с. 125, рис. 14; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 237, 282, 283; Виноградов В. Б., Рунин А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа. — АЭС, т. III, Грозный, 1969, с. 105; Козенкова В. И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. — В сб.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 82, табл. VII.

¹¹ Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 75.

¹² Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 85, рис. 4, 6; с. 86, рис. 4, 11.

¹³ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 30, 31, рис. 5, 20.

¹⁴ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 21; Абрамова М. П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время. — МИА. 1969, № 169, с. 9, рис. 1, 11, 12; Котович В. Г. О происхождении «Кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей. — МАД, Махачкала, 1978, № 8, с. 120, рис. 1, V, 1—6.

ляется, что трансформация указанных кинжалов в акинак с прямым навершием и почковидным перекрестьем окончательно произошла к VIII—первой половине VII в. до н. э. Именно этим временем и следует датировать наш акинак, соответственно и само Хосрехское святилище. Иными словами, оно относится к тому же времени, что и Новочеркасский клад — Камышевахи-Черногоровка, — памятники, связанные с ираноязычными племенами степей юга Восточной Европы. Среди инвентаря Хосрехского святилища нет материалов, которые противоречили бы этой дате.

Планировка, сочетающая в себе круг с квадратом, характерна для культовой (храмов, монастырей), гражданской (жилых домов, дворцов, храмов, инженерных сооружений) и погребальной (мавзолее) архитектуры индо-иранского мира¹⁵. В мифологии иранских народов наиболее четко мыслится круг в сочетании с квадратом как праобраз мира. Скифы представляли свою землю в виде квадрата со святилищем в центре¹⁶. В целом, и наш анализируемый храм выражает идею ираноязычных народов о мире — земле и небе. Жертвенные костры, выявленные на Хосрехском святилище, по иранской мифологии, должны были отражать идею всеобновляющего мирового пожара¹⁷.

Инвентарь Хосрехского святилища: биметаллические кинжалы с крестовидным перекрестьем и грибовидным навершием рукоятки, акинак с прямым навершием и почковидным перекрестьем, наконечники копий с гладкими и гранеными втулками, разнообразные бронзовые бляхи с петлями на обороте, точильные бруски с отверстиями на одном конце (рис. 6, 1, 2, 4—7, 10, 11) в большом количестве встречаются на обширных просторах степей Восточной Европы и Северного Кавказа, где кочевали ираноязычные «киммерийцы»¹⁸. Возможно, большинство перечисленных предметов кочевники заимствовали у оседлых кавказцев и распространили по территории Евразии. Это спорный вопрос. Но очевидно одно, — связь этих кочевников с упомянутыми предметами. К тому же население, оставившее Хосрехское святилище, было связано с последними. Более того, судя по браслетам с сомкнутыми заостренными концами (рис. 7, 22), украшенными сверху поперечными насечками, племена, оставившие Хосрехское святилище, были связаны с населением Карпатского бассейна, для которых характерны аналогичные украшения¹⁹.

¹⁵ Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. — В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 7 и сл.; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 105—107.

¹⁶ Геродот. История. IV, 52, 81, 101. /Перевод и примечания Стратановского Г. А. Л., 1972, с. 202, 208, 212, 213.

¹⁷ Лелеков Л. А. Указ. соч., с. 13.

¹⁸ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 24—25.

¹⁹ Kovács Tibor. The bronze age in Hungary. Budapest, 1977, fig. 62, 63.

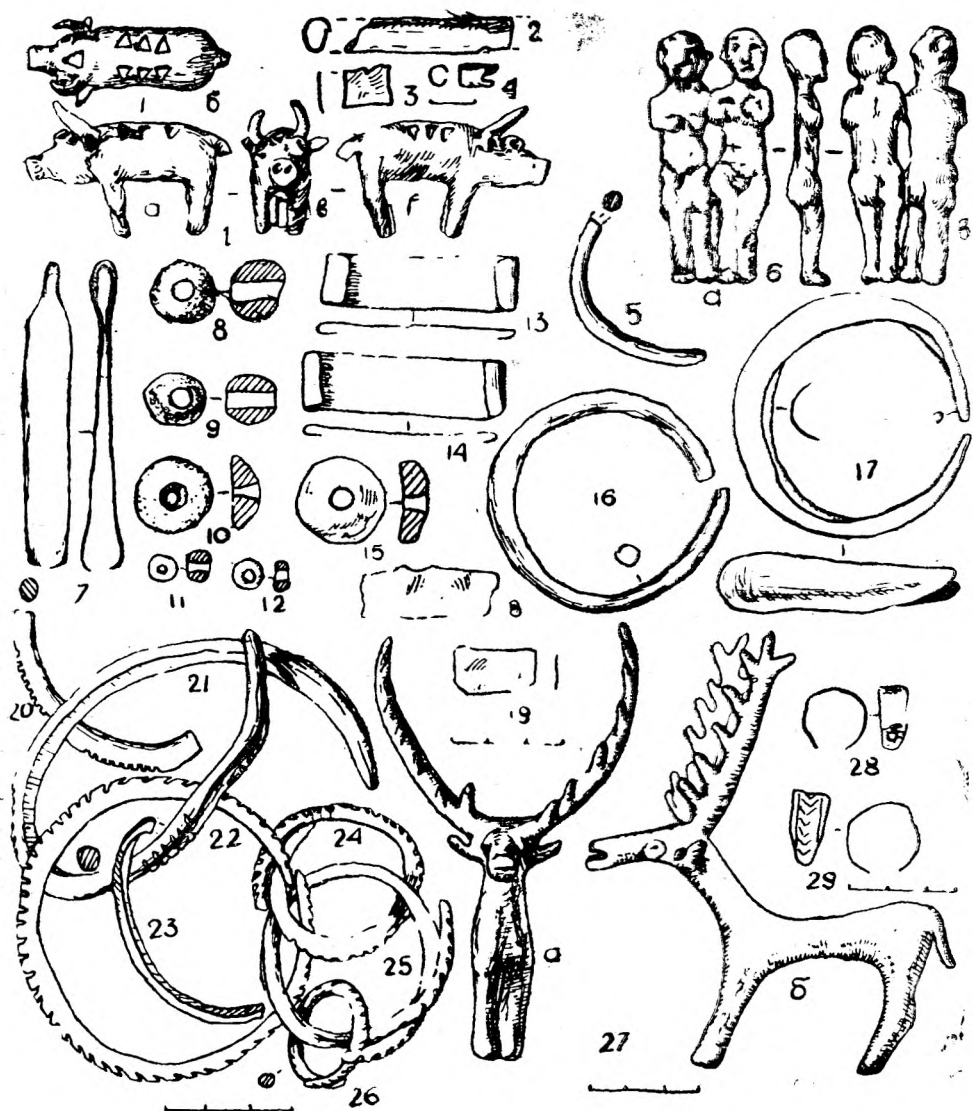

Рис. 7. Вотивные предметы и украшения из Хосрековского святилища.
 1—7, 13, 14—29 — бронза; 8, 9, 11, 12 — стеклянная паста; 10 — гагат; 15 — кость.

Статуэтка оленя из Хосрехского святилища (рис. 7, 27) по своим стилистическим особенностям изображения находит аналоги на памятниках Закавказья и Ближнего Востока²⁰. Следовательно, жители, оставившие Хосрехское святилище, могли быть знакомы и с ближневосточно-закавказскими центрами металлопластики. Но передача образа оленя на Северном Кавказе имеет более сложную историю. Олень был одним из наиболее почитаемых животных на Кавказе. Его ритуальные изображения, восходящие к эпохе ранней бронзы, встречаются среди разнообразных наскальных изображений Кавказа (в том числе и Дагестана) и на печатях Ближнего Востока (Тепе-Гавра, Сиал-III, Суры-А)²¹. Причем на ближневосточных памятниках типа Ага-Эвлар (1450—1350 гг. до н. э.), Алак-Хойук (погр. В. М. и М. А. — 2300—2100 гг. до н. э.), Талыша (1350 г. до н. э.) встречаются бронзовые литые статуэтки оленей²². Трактовка образа этого животного в металлопластике Кавказа увеличивается в эпоху поздней бронзы и становится наиболее популярной с начала I тысячелетия до н. э.²³ Поэтому нам важно подчеркнуть мысль не о находке оленьих изображений вообще, а о стилистических особенностях нашей статуэтки. А по этим признакам она близка к оленьим статуэткам Закавказья начала I тысячелетия до н. э.

Другая статуэтка — быка (рис. 7, 1 а—г) выполнена в обычном для дагестанской металлопластики стиле: имеет круглое тулово, мощную короткую шею, вытянутую вперед морду с «как бы обрубленной пастью», придающей животному сходство со свиньей и направленными вперед острыми рогами. На боках, лбу, шее и животе фигурки имеются треугольные углубления с инкрустацией. Треугольник отражал идею плодородия²⁴. Треугольные метки ставились у многих народов Кавказа на лбу жертвенных быков²⁵. Жертвенный бык в первобытных религиозных верованиях олицетворял само божество. В Шумерской мифологии

²⁰ МАК, VI, с. 135, 136, рис. 74, 75; Мнацаканян А. О. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР.— КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 100, рис. 41; Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 146, 147, табл. XIV; Schaeffer Cl. Stratigraphie Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale (III-e — et II-e millénaires). London, 1948, p. 287, 288, fig. 177, 10.

²¹ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 368, 375, 379; рис. 70, 72; Давудов О. М. Еще раз о пряжках бежитинского типа.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 114.

²² Schaeffer Cl. Op. cit., fig. 177, 10; 178, 4; 217, 11; 221, 13; 233, 18; 236, 10, 11.

²³ Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 171, 172; рис. 115, 1—6; Там же см. литературу по этому вопросу; Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 70, № 346; рис. 3, 3; Садыхзаде Ш. Г. Древние украшения Азербайджана. Баку, 1971, табл. XII, 11.

²⁴ Котович В. М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976, с. 85.

²⁵ Сихарулидзе А. Н. К вопросу о значении изображения быка на триалетских вишапах и вишапондах. — КЭС. Тбилиси, 1972, IV, с. 32.

бык выступает в образе «небесного быка цвета огня», воплощавшего лунного бога НаннаСина или Наннара»²⁶. Образ быка как олицетворение оплодотворяющих сил животного, связанного с небом и солнцем, популярен в искусстве древнего Востока, эгейского мира и Кавказа²⁷. В то же время он не нашел отражения в искусстве населения Евразийских степей конца II—начала I тысячелетия до н. э. Отдельные изображения быков, встречаемые на скифских памятниках, заимствованы из древневосточного или древнегреческого искусства²⁸. На анализируемом святилище помимо статуэтки быка встречено много черепов быков с распиленными рогами. Под алтарем в тайнике были обнаружены два астрагала быка. Все это безусловно связано со сложным ритуалом жертвоприношения быка—церемониалом, посвященным земледельческим культам, тесно связанным с образом быка. Жертвоприношение священного животного и поедание его мяса связано с идеей приобщения к божеству, которое олицетворяло убитое животное²⁹. Обряд жертвоприношения быка в Дагестане отмечен не только на Хосрехском святилище. В квадратной грунтовой могиле конца II тысячелетия до н. э. Мугерганского могильника был найден череп быка вместе с аккуратно сложенными костями четырех ног животного. Видимо, все это первоначально лежало на шкуре быка. Обряд заклания быков и ритуальное их поедание документирован находками на могильниках III—II тысячелетия до н. э. Закавказья. На Тriaлетском могильнике, например, череп и кости конечностей быка были встречены вместе со шкурой быка. Аналогичные шкуры с черепами и конечностями животных изображены на вишапах армянских гор³⁰.

Кости черепа и четырех ног быка, уложенные на шкуру убитого животного, встречаются в погребениях катакомбной и особенно срубной и андроновской культур³¹. Если нанести на карту пункты с находками костей черепа и конечностей жертвенного быка вместе с его шкурой, то образуется линия, связывающая Восточную Европу с Закавказьем через Северо-Восточный Кавказ. Это наводит на мысль о возможности прохождения по этой территории племен, почитавших быка, каковыми яв-

²⁶ Флитнер Н. Д. Земледельческие культы древней Месопотамии.— Тр. Отдела Востока Эрмитажа. Л., 1939, т. I, с. 13.

²⁷ Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двира. Ереван, 1977, с. 45—59; См. там же и литературу. Брентвес Бухард. От Шанидара до Аккада. М., 1976, с. 50—51;

Mellart J. Catal Huyük. London, 1967, fig. 19—29. 33—37, 41—42.

²⁸ Ильинская В. А. Образ коня и быка в раннескифском искусстве.— В кн.: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972, с. 41—44.

²⁹ Кушнарева К. Х. Указ. соч., с. 53; Соколова Э. П. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 184; Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1928, вып. IV, с. 29; Арутюнян С. Б. Реликты богословия при общественном жертвоприношении.— ИФЖ, 1971, № 3, с. 260.

³⁰ Кушнарева К. Х. Указ. соч., с. 54; рис. 65; там же: литература.

³¹ Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 80—88.

ляются индо-европейцы. В то же время следует отметить, что население, оставившее Хосрехское святилище, судя по находке статуэтки быка, бычьих черепов и костей, были причастны к идеологическим земледельческим представлениям, связанным с производительной силой, дающей благо, изобилие и размножение. Обряды, связанные с культом быка до сих пор сохранились у народов Дагестана. Так, у лакцев женщина, у которой умер муж, при оплакивании покойника наступает на бычью шкуру для выражения своего желания выйти вторично замуж³². У лакцев, по сведениям этнографов, головной убор невесты снаряжали в виде бычьих рогов, а у рутульцев под платок невесты надевали деревянную колодку в форме бычьих рогов³³.

Парная статуэтка двух обнаженных мужчин (рис. 7, 6) с обеими руками на поясе выполнена в характерной для дагестанской металлопластики технике по восковой модели с применением формовочной массы. В изображении отдельных частей тела наблюдается явная диспропорция. Обращенные вперед лица моделированы грубо (высота 7 см). Антропоморфные статуэтки стоящих в молитвенной позе с руками на поясе людей популярны в Дагестане эпохи раннего железа и средневековья. Правда, все они одиночные³⁴. Наши статуэтки ближе к скульптурной композиции металлопластики из окрестностей сел. Шали Чечено-Ингушской АССР, передающей двух итифальных мужчин в фас³⁵. Они обнимают друг друга за плечи, свободные руки с растопыренными пальцами прижаты к груди, как бы выражая популярную среди скифов идею братской дружбы — побратимства. По Лукиану скифы построили храм друзьям — героям Оресту и Пилладу, приносили им жертвы, устраивали в их честь праздники и торжественные собрания³⁶. В скифском побратимстве нетрудно видеть довольно широко распространенный в древнем мире культ близнецов. По мнению А. М. Золотарева, обычай побратимства и культ близнецов своими корнями уходит в дуальную организацию первобытно-общинных родовых коллективов³⁷. Особенно широко распространен был этот культ у индо-европейских племен. Встречается он и у народов Кавказа, в том числе и Дагестана. Так, помимо нашей находки парная статуэтка всадников конца II—начала I тысячелетия

³² Котович В. М. Указ. соч., с. 85.

³³ Булатова А. Г. Традиционное и новое в одежде народов Дагестана (рукопись). РФ ИИЯЛ, с. 45.

³⁴ Zakharov A. Materials for the archaeology of the Caucasus. Antropomorphic bronze statuetes.—Swiatowit, Warszawa, 1933, т. XV, p. 78—82, 84, fig. 57, 59, 65—70, 71.

³⁵ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 37.

³⁶ Геродот. История. IV, 70; Лукиан. Токсирид или дружба, 37. У скифов был храм друзьям-героям Оресту и Пилладу, приносили им жертву, устраивали в их честь праздники.

³⁷ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 121—131; 175—184, 193—201; Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии (исследования, статьи, лекции). Л., 1936, с. 73—108, 127—139.

до н. э. была встречена в Дагестане³⁸. Аналогичные дагестанским парные статуэтки происходят и из Бомборской долины, Луристана и др. районов Закавказья и Передней Азии конца II—начала I тысячелетия до н. э.³⁹

Мотивы близничного культа встречаются и в фольклоре народов Дагестана⁴⁰.

Однако, следует отметить характерную для близничного культа черту — смешение функций Диоскуров с функциями Кабиров — низших божеств, ведавших плодородием земли, подземным огнем, спасавших мореходов от бурь, путников и др.⁴¹ Изучены и храмы этих божеств. Так, например, в Старой Нисе раскопан храм, близкий по планировке нашему святилищу. Этот храм, по мнению Г. А. Пугаченковой, был посвящен богам Кабирам-Диоскурам⁴². Видимо, Хосрехское святилище также принадлежало Кабирам-Диоскурам. При этом следует отметить, что в столь раннее время культ Диоскуров и самое главное, — квадратно-циркульные сооружения были характерны для ираноязычных племен, и прежде всего киммерийцев, скифов, саков и др. Из этих племен в VIII—первой половине VII в. до н. э. в Дагестан могли проникнуть и контактировать с оседлыми племенами киммерийцы. Следовательно, и храм был построен киммерийцами. Из вышеприведенного анализа находок Хосрехского святилища видно, что население, оставившее его, было знакомо с культурами Ближнего Востока, Закавказья и Придуная.

³⁸ Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана. — СА, 1973, № 2, с. 189.

³⁹ Там же, с. 188; Лукин А. А. Археология Бзыбской Абхазии. — Тр. ОИПК, Л., 1941, табл. XXIII.

⁴⁰ Халидова М. Р. Об эволюции мотивов культа близнецов в дагестанском фольклоре. — В кн.: Поэтика фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1981, с. 25—43.

⁴¹ Диоскуров обычно изображают с конями, однако на римских монетах они часто переданы и без них. (Кошеленко Г. А. Серебряная «ваза с Диоскурами». — СА, 1968, № 2, с. 268; Ботвинник М. Н., Коган М. А., Рабинович М. Б., Селецкий Б. П. Мифологический словарь. Л., 1961, с. 109).

⁴² Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 102 и сл.

ГОРОДИЩЕ ТАРГУ

Находящееся в средней части Прикаспийского Дагестана весьма значительное по размерам городище Таргу (не менее 30 га) отличается исключительно выгодным стратегическим расположением на месте скрещения Прикаспийского пути с одной из главных внутренних дагестанских коммуникаций, шедшей вверх по долине р. Гамри-озень в глубину горных районов Дагестана, а вниз — к приморской низменности. Этот памятник был зафиксирован еще в 1948 г.¹, обследован в 1953 г.², но только после разведок в 1964 г. интерпретирован как остатки крупного раннесредневекового города³, а затем и сопоставлен с упомянутым армянским историком Вардапетом Гевондом (нач. VIII в.) «гуннским городом Таргу»⁴. Город этот сыграл весьма заметную роль в арабо-хазарских войнах: в 713/4 гг. у его стен потерпел поражение выдающийся арабский полководец Маслама, не смог завладеть этим городом и другой арабский полководец Джаррах, осаждавший его в 721/2 гг., и только огромному войску будущего халифа Мервана удалось штурмом взять и разграбить его в 738/9 г. По своей величине, степени укреплённости и географическому расположению городище Таргу заметно выделяется среди других, известных ныне средневековых бытовых памятников данного района. Это позволило видеть в нем остатки крупного политического и культурного центра данной округи и отождествить его также и с упоминаемым местными историческими преданиями городом Хамур-Дарго или Гамри-Дарго⁵. С начала 70-х годов, в течение нескольких полевых сезонов, раскопки на городище Таргу проводила Гамринская археологическая экспедиция Института ИЯЛ⁶.

¹ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана.—МАН, т. I, Махачкала, 1959, с. 218, № 259; Этот же памятник упомянут и на с. 221—222 под № 307.

² Пикун М. И. Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1953 г. РФ ИИЯЛ, д. № 1918.

³ Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1964 г. РФ ИИЯЛ, д. № 3394.

⁴ История халифов Вардапета Гевонда; писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1962, с. 28; Котович В. Г. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. (Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР). Баку, 1965, с. 155.

⁵ Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. В кн.: Древности Дагестана, Махачкала, 1974, с. 220—226.

⁶ Работы проводились с 1971 по 1978 гг. (кроме 1973 и 1977 гг.) под руководством В. Г. Котовича.

Городище Таргу расположено в глубине предгорий, между нынешними сс. Алхаджикент Каякентского района и Маммааул Сергокалинского района. Оно находится на южной оконечности одного из предгорных хребтов, протянувшегося в междуречье Гамриозени и Инчхеозени, с северо-запада на юго-восток. Южная оконечность хребта круто поворачивает к востоку и представляет собой небольшой горный отрог, сложенный как и все предгорья, из третичных известняков, песчаников и сланцевых глин. Существенно различаясь по прочности, эти коренные породы в разной степени подвержены разрушению, чем и определяется асимметричное строение преобладающего большинства предгорных хребтов. Не представляет в этом отношении исключения и описываемый отрог.

С запада склоны отрога круто спускаются в короткую, резко понижающуюся лощину, в верхней части которой проходит узкий край, соединяющий его с остальным хребтом. С севера он ограничен глубоким ущельем с крутыми, местами обрывистыми краями. Самые высокие склоны по южной стороне отрога также чрезвычайно круто обрываются в сторону долины р. Гамриозени. Будучи таким образом естественно огражденным с трех сторон, этот отрог сравнительно полого понижается в направлении с запада на восток и упирается своим восточным концом в изгиб русла той же речной долины. Поверхность этого склона в двух местах прорезана мощными (до 2—3 м высоты) выходами известняковых складок, разделяющими ее на три широкие, последовательно понижающиеся «ступени». Именно это «трехступенчатое» строение рельефа описываемого отрога совпало со своеобразной трехчастной структурой располагавшегося на нем городища Таргу (рис. 1).

Топография и структура городища. Почти вся поверхность занятого городищем горного отрога, за исключением наиболее крутых участков южного и отчасти — западного склонов, интенсивно обживалась его древними обитателями. Но наиболее значительные по величине и плотности застройки части этого древнего населенного пункта были приурочены к трем упомянутым «ступеням» или террасам.

Доминирующее положение среди них принадлежало **верхней** ступени, представляющей собой наиболее возвышенную юго-западную часть описанного отрога, отделенного от нижележащей «ступени» высоким карнизом выхода известняковой складки. Внешне она выглядит как отдельная возвышенность заметно асимметричных очертаний: с крутыми западным и южным склонами и более пологими склонами на северной, северо-восточной и восточной сторонах. Венчающая ее вершина расположена в юго-западном углу. Она представляет собой небольшой продолговатый холм с чрезвычайно крутыми склонами и уплощенным гребнем (размерами 50×20 м), откуда открывается великолепный обзор в восточном, южном и юго-западном направлениях. Благодаря отмеченным особенностям рельефа, данная «ступень» является наиболее естественно укрепленной и труднодоступной частью

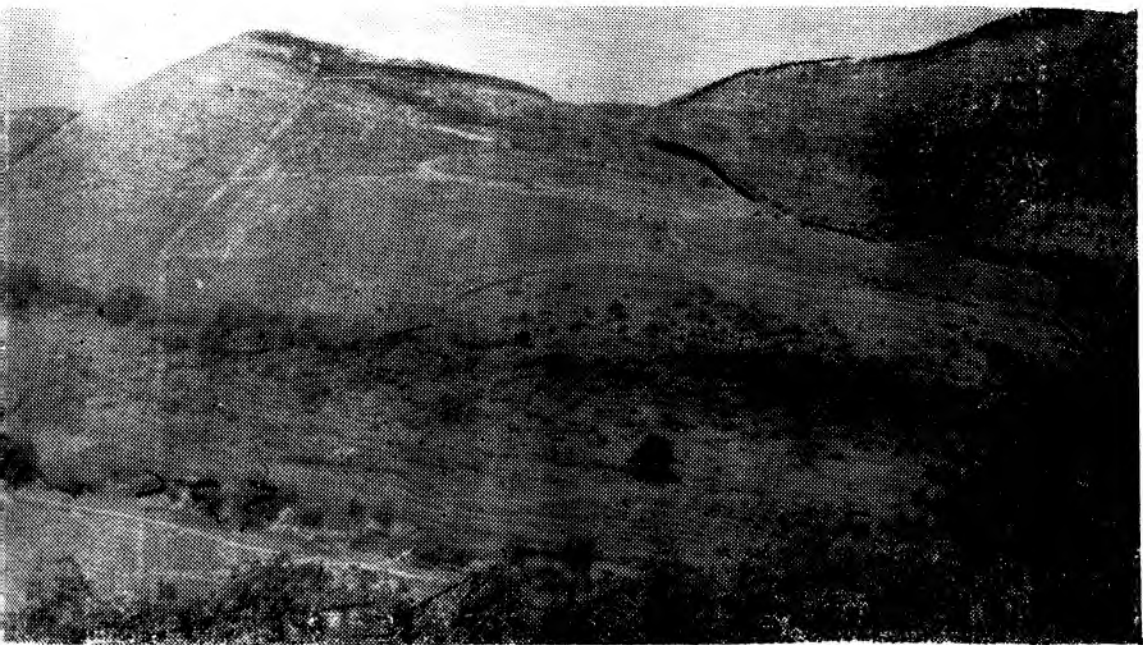

Рис. 1. Городище Таргу. Вид с юго-запада (фото).

территории городища, а ее вершина занимает господствующее положение как по отношению к его описанной части, так и по отношению к расположенным ниже другим его частям (рис. 2).

Повсеместно на поверхности этой возвышенности встречаются строительные остатки. На покрытых лесными зарослями северном и восточном склонах они представляют собой скопления развалов строительного камня, под которыми иногда угадывается планировка отдельных строений и целых усадеб. В нескольких местах здесь обнаружены небольшие прямоугольные люки или лазы, ведущие в подземные камеры-хранилища типа погребов. Края этих люков тщательно оформлялись каменными плитами, имевшими специально высеченные желобки для фиксации положения закрывавших их крышек.

На более крутых западном и южном склонах развалы строительного камня отсутствуют. Но на современной поверхности здесь нередко выступают края стен, которые вместе с находимой здесь же керамикой свидетельствуют об оживании и этих мест. Примечательно, что по этим склонам, как и на других участках с «повышенной крутизной» рельефа, прослеживаются следы искусственного террасирования, широко применявшегося в Дагестане с глубокой древности вплоть до нашего времени

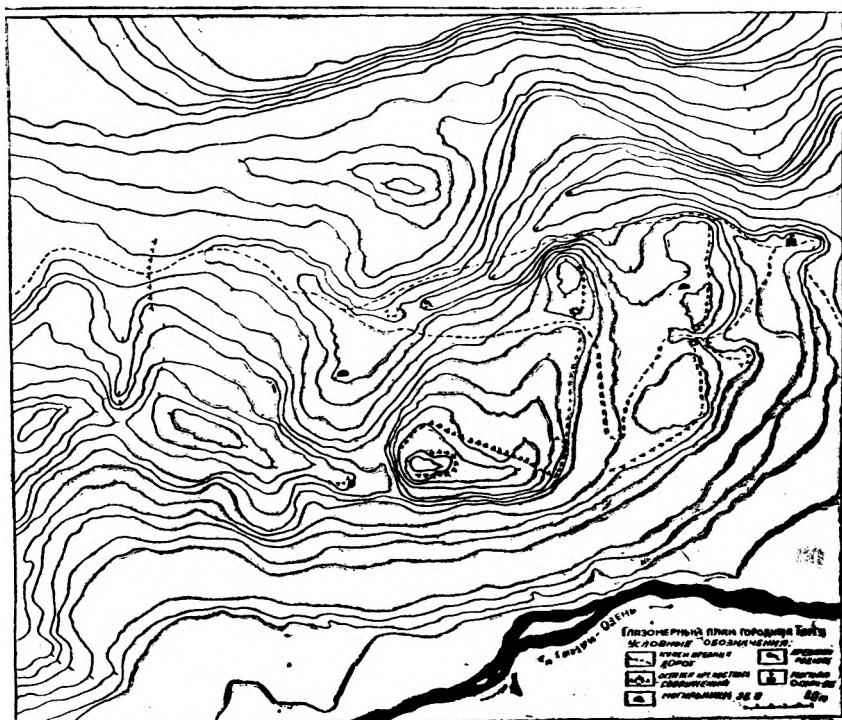

Рис. 2. Глазомерный план городища Таргу.

при домостроительстве на крутых склонах. Общий размер занятой строительными остатками площади в верхней части городища достигают с учетом неровностей ее рельефа примерно 11—12 га.

Эта часть городища отличается превосходной естественной укрепленностью. Однако не довольствуясь этим древние обитатели городища во многих случаях дополняли ее, возводя сложную систему оборонительных сооружений. Еще до производства раскопок остатки стен, шириной до 1 м были прослежены по краям холма, образующего вершину этой возвышенности, а также посередине западного склона возвышенности; развал длинной каменной стены тянется с перерывами по северному и северо-восточному склонам верхней части городища на расстояние примерно по 110—120 м. Обилие камня в развале этих стен, значительная протяженность и приуроченность к труднодоступным склонам позволяют с достаточным основанием считать их остатками именно фортификационных сооружений. Хорошо сохранившиеся участ-

ки подобных сооружений были прослежены еще в 1964 г. по восточному краю верхней части городища Таргу. Здесь, по верхней кромке известнякового карниза находились участки каменных стен толщиной до 1,5 м, образованных регулярной кладкой известняковых плит по всей их толще. Они сохранялись в высоту на 2—3 ряда кладки (до 0,6 м). Особенно хорошей сохранностью отличались участки оборонительных стен, примыкавшие с двух сторон к въезду, — искусственно высеченной в этой скале расщелине, через которую проходила колея древней дороги. Однако еще до начала работ экспедиции почти все остатки этой оборонительной стены оказались разрушенными при хищнической выборке строительного камня местными жителями.

В целом, все имеющиеся данные позволяют считать верхнюю часть городища главным элементом, своеобразным ядром в структуре существовавшего здесь древнего города, в какой-то мере соответствовавшим шахристану раннесредневековых городов Средней Азии. В пользу именно такой ее интерпретации может свидетельствовать ряд обстоятельств: наиболее крупные по сравнению с другими частями городища размеры, интенсивность застройки, мощность культурных отложений, наличие не менее двух поясов фортификационных сооружений, наконец, наличие цитадели. Последняя несомненно располагалась на холмообразной вершине в юго-западном углу описываемой части городища, господствующей над окружающим рельефом. Будучи естественно труднодоступной и искусственно укрепленной, она могла одновременно служить и одним из важнейших узлов городской системы обороны и резиденцией местных правителей, откуда было легче всего держать под наблюдением население самого города.

Следующая «ступень» занимает **среднюю** часть пологого склона отрога с городищем, заключенную между двумя выходами известняковых складок. Ее поверхность, лишенная лесной и кустарниковой растительности, наклонена в направлении с запада на восток. При этом в западной части, под выходом верхней известняковой складки крутизна падения склона более значительна, тогда как в восточной его наклон совсем невелик, а его юго-восточный угол представляет собой довольно ровную площадку.

На поверхности этой «ступени», площадь которой с учетом неровностей рельефа достигает 6—7 га, совершенно отсутствуют развалы строительного камня на местах древних построек — он вывезен отсюда жителями окрестных селений, длительное время использовавшими памятник в качестве своеобразного карьера строительного камня. О том, что и на этой части городища каменные постройки действительно существовали, свидетельствуют многочисленные выходы на современную дневную поверхность верхних краев стен, нередко сохраняющих регулярную кладку. Особенно много подобных следов строений прослежено в юго-восточном углу «ступени», а также вдоль ее особенно крутой западной стороны. Среди них обращает на себя внимание ог-

ромная насыпь округлых очертаний (диаметром до 15 м), расположенная вблизи упоминавшегося выше въезда, соединявшего эту часть городища с верхней. По склонам этой насыпи выступают ряды регулярной кладки, включающей порою крупные известняковые блоки типа квадров. Вероятно, описанная насыпь скрывает под собой остатки крепостного сооружения вблизи въезда.

В целом, средняя часть городища Таргу более доступна, по сравнению с ее верхней частью, хотя она также была окружена оборонительными сооружениями, следы которых сохранились по ее западному, восточному и южному краям. По западному краю проходил упоминавшийся карниз известняковой складки, разделявшей верхнюю и среднюю части городища. По его кромке, как уже отмечалось, проходила оборонительная стена. Аналогичным образом был укреплен известняковый карниз по восточному краю описываемой части городища, отделявшей ее от последней — нижней части. Здесь также по краю карниза местами прослеживаются участки кладки крепостных стен и имеется въезд, который, подобно, въезду вышележащего пояса оборонительных сооружений, был высечен в известняковом карнизе и представлял собой искусственную расщелину глубиной до 2,5 м при такой же ширине. Не вызывает сомнений, что эта «средняя» часть территории была менее привилегирована в структуре древнего города. Можно полагать, что своим появлением обязана разрастанию города за пределы его верхней части.

Последняя, нижняя «ступень» представляет собой нижнюю часть пологого склона, занятого городищем. Она ограничена на западе упомянутым карнизом известняковой складки, отделяющим ее от средней «ступени», а на востоке и юге — обрывается крутым уступом в долину р. Гамри-озени. Строение ее поверхности неодинаково: относительно ровные или слегка наклоненные участки перемежаются с крутыми склонами, которые, пожалуй, и преобладают в ее рельефе. Общий размер ее площади с учетом неровностей рельефа достигает 7—8 га. Здесь, как и в средней части городища, отсутствуют развалы строительного камня. Однако следы располагавшихся некогда здесь строений в виде выступающих на поверхность краев каменных стен встречаются повсеместно. Отчетливо прослеживаются в рельефе следы искусственного террасирования склонов.

В целом, нижняя часть городища Таргу еще более доступна, чем его средняя и, тем более, верхняя часть. Но, подобно им, она имела защиту в виде оборонительных сооружений. С западной стороны ее ограничивала крепостная стена, проходившая по кромке известнякового карниза, разделяющего среднюю и нижнюю части городища. При этом следует упомянуть руины мощной предвратной башни, располагавшейся с правой (северной) стороны въезда. Она значительно пострадала от хищнической выборки строительного камня. При разборке ее остатков обнажился выход культурного слоя со следами интенсивного по-

жарища. Фундамент еще одной, вынесенной вперед башни, обнаружен на небольшой площадке примерно в 60 м к востоку от въезда. Здесь выступают на поверхность края массивных блоков типа квадров. Можно полагать, что еще какие-то укрепления проходили по восточной и южной кромке уступа нижней части городища, ограничивающие его со стороны речной долины. Здесь местами также прослеживаются выходы фундаментов каких-то стен, повторяющих контуры очертаний этого уступа. И, наконец, еще одна линия каких-то заградительных или оборонительных сооружений проходила по основанию этого уступа. Она имеет вид сильно оплывшего вала шириной 2,5—3 м, высотой до 1—1,5 м, опоясывающего основание упомянутого уступа.

Примечательной особенностью нижней части городища Таргу является почитаемое место — святилище или «пир», расположенное на его северном крае. Это небольшая (2×3 м) постройка, возведенная в XVIII—XIX вв. над погребенной здесь в древности девушкой по имени Оглан-бег. В кладку стен вмонтированы обломки нескольких надгробных каменных стел с фрагментами текста на арабском языке, исполненных почерком «наск» (не ранее XV в.). Подновление постройки постоянно производится и в наши дни религиозно настроенными жителями окрестных селений, убежденных в особой святости погребенной здесь девушки. С ее личностью связано немало преданий и легенд. Согласно одному из них, Оглан-бег была родственницей правителя горда Таргу. Будучи побежденным пришедшими завоевателями, он был вынужден отдать ее в жены одному из завоевателей. Не смирившись с этим, она бросилась вместе с нежеланным мужем в ущелье и оба разбились⁷. Это предание находит себе неожиданные параллели в рассказе Табари-Балами об аналогичном случае, происшедшем с одним из военачальников арабского наместника на Кавказе Мервана, особо отличившимся при взятии города Хамрин (Гимран)⁸. Почти детальное совпадение обеих явно не зависимых друг от друга версий позволяет считать, что в них отражено действительное событие, происшедшее в этих местах во время арабо-хазарских войн, и отождествить упомянутый источниками «замок» страны Хамрин с городом Таргу—Хамрин⁹.

При обследовании территории нижней части городища Таргу встречены обломки средневековой — доарабской и послеарабской керамики, аналогичные найденным на средней части городища.

В целом, отмеченные особенности местоположения этой части городища Таргу позволяют считать ее наиболее поздней окраиной или

⁷ Приводимое здесь предание записано со слов жителей окрестных кумыкских и даргинских селений: Алхаджикент, Джавакент, Гаша, Кичи-Гамри, Маммааул и др.

⁸ Дорн Б. Известия о хазарах восточного историка Табари. /Пер. П. Тяжелова.— ЖМН, 1844, ч. XIII, № 7, 8, с. 91; *Тарихи Дербент-наме*. /Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с. 153—154; Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов..., с. 225.

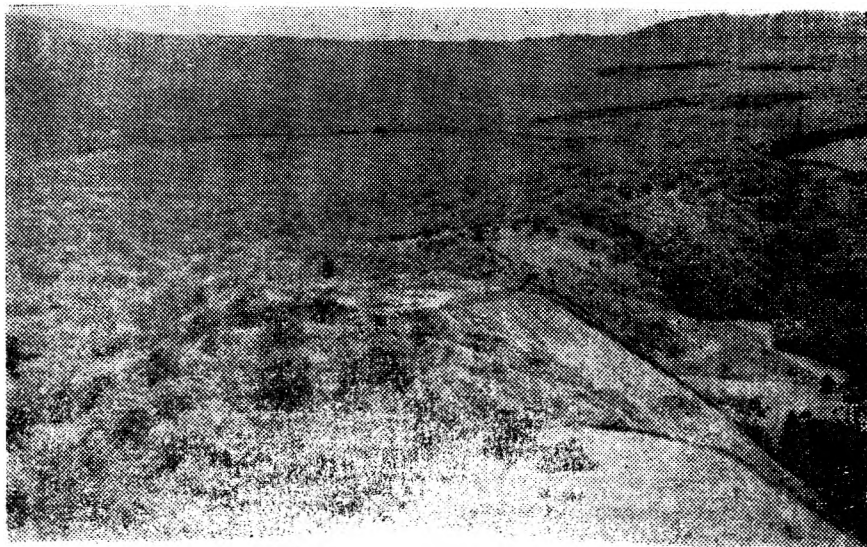
⁹ Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов..., с. 225.

пригородом, возникшей уже после того, как была перенаселена его средняя часть. Однако это отнюдь не умаляет важного значения нижней части городища в защите наиболее легко доступной и уязвимой восточной стороны.

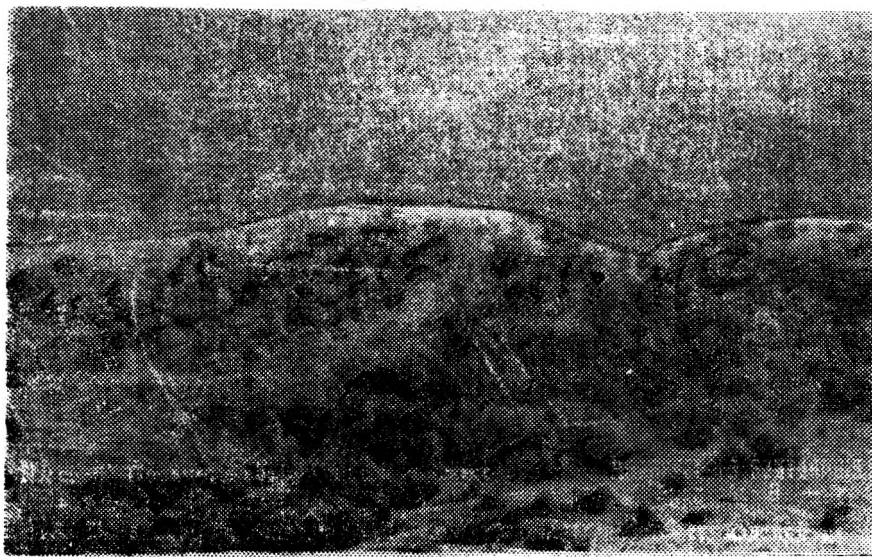
Еще один участок древней застройки находится на **южном склоне горы**. Здесь в основании южного склона отрога имеется неширокая (70—100 м) полоска сравнительно пологой поверхности, протянувшаяся по низу вдоль верхней и средней частей городища на расстояние более 500 м. Она покрыта густой травянистой растительностью, сквозь которую повсеместно выступают на поверхность края кладок стен древних построек. В имеющихся здесь обнажениях культурного слоя мощностью до 0,5 м встречена керамика албанского и раннесредневекового времени. Площадь этого участка достигает примерно 4—5 га. Можно полагать, что его обживание происходило одновременно с подобным же процессом на средней части городища.

Приведенные данные характеризуют внутреннюю структуру городища Таргу, дают представление о размерах каждой из образующих его частей в отдельности. В целом же, городище представляет собой остатки крупного по масштабам раннесредневековой эпохи города, о чем свидетельствуют незаурядные размеры его обжитой территории, общая площадь которой достигала примерно 30 га. Столь внушительные размеры существовавшего здесь населенного пункта не были присущи ему изначально. Как уже отмечалось, древнейшим ядром являлась его верхняя часть. После проведенных раскопок, имеющимися археологическими материалами установлено обживание верхней «ступени» в IV—III тысячелетиях до н. э. и позднее — с эпохи раннего железа (VII—IV вв. до н. э.) до середины VIII в. н. э.; на цитадели встречены и производственные комплексы послеарабского времени (IX—XII вв.). На средней «ступени» обнаружены материалы III тыс. до н. э., а также албанского и раннесредневекового периодов, в раннем средневековье часть этой территории была занята катакомбным могильником; местами здесь выявлены следы человеческой деятельности и в послеарабское время. Нижняя «ступень» обживалась в раннем средневековье, а участок у южного склона горы — в албанский и раннесредневековый периоды. Максимальный рост городской территории, вероятно, совпадает со временем расцвета самого города. Последний же, судя по свидетельствам письменных источников, падает на раннесредневековый период, вероятно всего на VI—первую половину VIII в. Поэтому мы вправе полагать, что максимальный рост обжитых участков города Таргу и, следовательно, максимальное увеличение численности городского населения, приходится здесь на тот же раннесредневековый период.

Фортификация. При описании отдельных участков городища приводились некоторые сведения о имевшихся на них фортификационных сооружениях. Раскопками выявлены в верхней части городища три линии крепостных стен, последовательно располагавшихся по склону.

Р и с. 3. Оборонительная стена и цитадель городища. Вид с запада.

Р и с. 4. Оборонительная стена (VII—IV вв. до н. э.). Вид с севера.

Первая из них кольцом окружала основание холма, служившего цитаделью (рис. 3). На южной и западной сторонах этого кольца был вскрыт участок крепостной стены общей протяженностью 120 м. Основания стен, сложенные из массивных и широких плит возводились на высеченных в материковых породах ложах. Ширина стен колебалась в пределах 1,85—2,3 м. Кладка стен панцирная, регулярная с использованием крупных плит и блоков, пространство между которыми заполнено обломками камня и глиняным раствором. Местами сохранилось до 0,75 м высоты этих стен. На западном участке кольца нижние ряды внешнего панциря стены оказались перекрытыми напластованиями раннеалбанского периода (III—I вв. до н. э.), что позволило отнести время ее сооружения к раннему железному веку, т. е. к VII—IV вв. до н. э. Это подтверждается найденными здесь же фрагментами керамики того же времени. Но преимущественно при раскопках этих стен была встречена раннесредневековая доарабская и албанская керамика, датируемая I—IV вв. н. э.

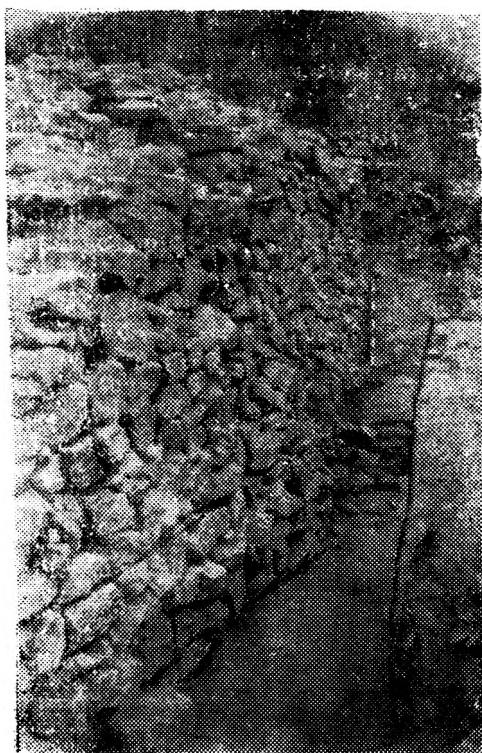

Рис. 5. Участок оборонительной стены (VII—IV вв. до н. э.).

В свете этих данных можно с достаточным основанием считать, что западная часть крепостной стены Гаргунской цитадели была сооружена еще в раннем железном веке и просуществовала с тех пор с небольшими перестройками и ремонтом вплоть до времени арабского завоевания.

Вторая линия крепостных стен верхней части городища проходила примерно посередине западного и северного склонов возвышенности (рис. 4). Остатки ее на восточном и южном склонах наблюдаются в виде находящихся примерно на том же уровне крупных развалов камня, либо выходов верхних краев кладки стен. В таком случае эта линия крепостных сооружений также представляла собой замкнутое кольцо. На северо-западной оконечности верхней части городища раскопан участок этой крепостной стены (рис. 5) протяженностью около 40 м. Ширина стены 2,4—2,5 м, при сохранившейся высоте 2,5—

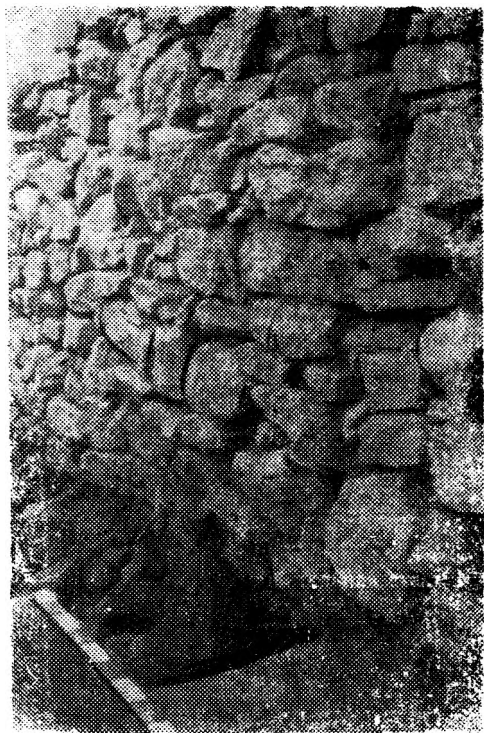

Рис. 6. Жертвенный сосуд в основании кладки оборонительной стены (VII—IV вв. до н. э.).

Благодаря этому не только экономились затраты труда на перевозку и транспортировку строительного камня, но и формировался на высоту 2—3 м отвесный, а потому особенно труднопреодолимый край карниза складки, служивший мощным фундаментом возведенной на нем крепостной стены. Не случайно подобные приемы практиковались в фортификационном строительстве античных городов. На этой оборонительной стене раскопками вскрыт участок протяженностью около 27 м. Весь этот отрезок значительно пострадал в результате современной хищнической выборки камня, жителями соседних селений. На отдельных участках прослежен внешний панцирь стены, образованный крупными известняковыми блоками, сохранившими один ряд кладки на высоту 0,4—0,6 м. Внутренний панцирь сложен из камня меньшего размера, а пространство между панцирями, образующими ширину стены до 1,6 м, заполнено бутом попеременно с землей. В трех местах

3,0 м. Стена возведена возведена из регулярно уложенных по всей толще известняковых плит и блоков на глиняном растворе и отличается прочностью и монументальностью (рис. 6). Основание стены подстилают культурные слои эпохи ранней бронзы. Судя по найденным здесь материалам (рис. 7; рис. 8), стена эта была возведена еще в эпоху раннего железа и, периодически обновляясь, просуществовала до раннего средневековья. В I—IV вв. перед ней на северо-западном участке была сооружена протейхизма.

Наконец, остатки третьей линии стен прослежены лишь по восточной стороне верхней части городища (рис. 2). Как уже отмечалось, она проходила по кромке, выступающей здесь на поверхность известняковой складки, отделяющей верхнюю часть городища от нижележащей, средней. Необходимый для нее строительный материал добывался прямо на месте путем выборки камня непосредственно из самого скального обнажения.

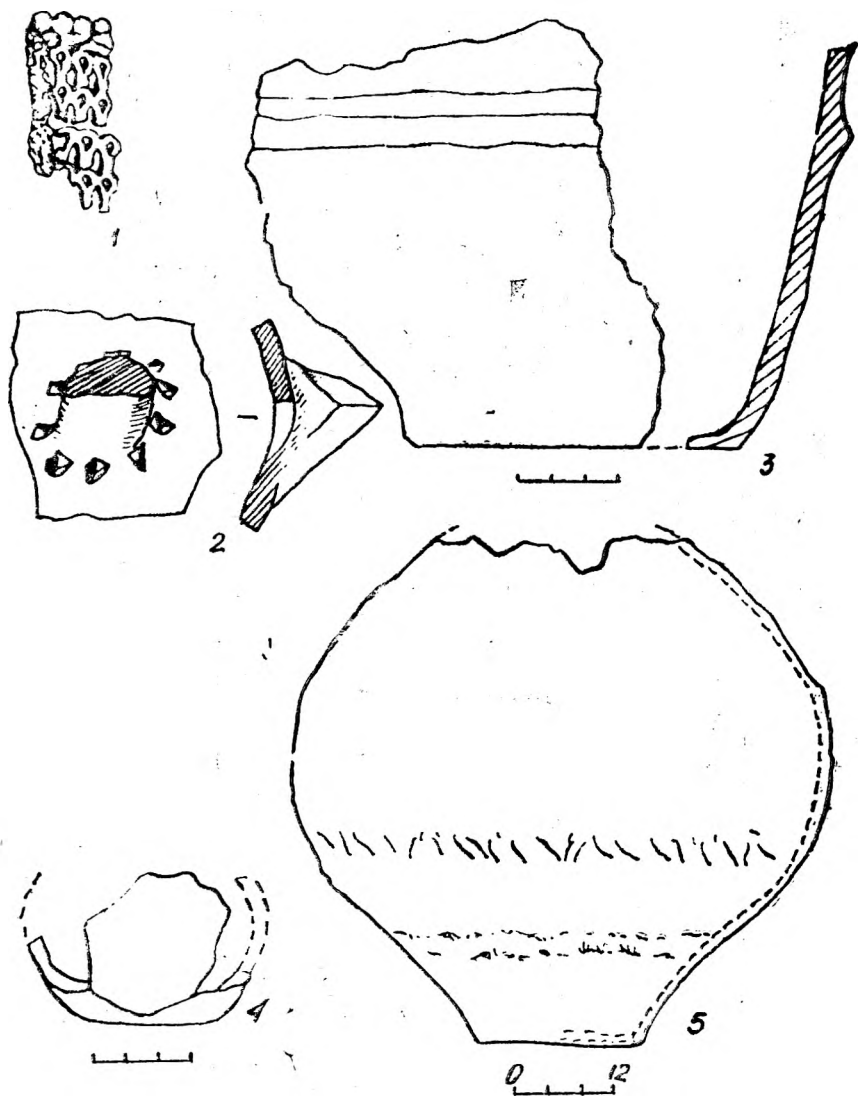

Рис. 7. Образцы материалов из раскопа 3-А (оборонительная стена VII—IV вв. до н. э.).

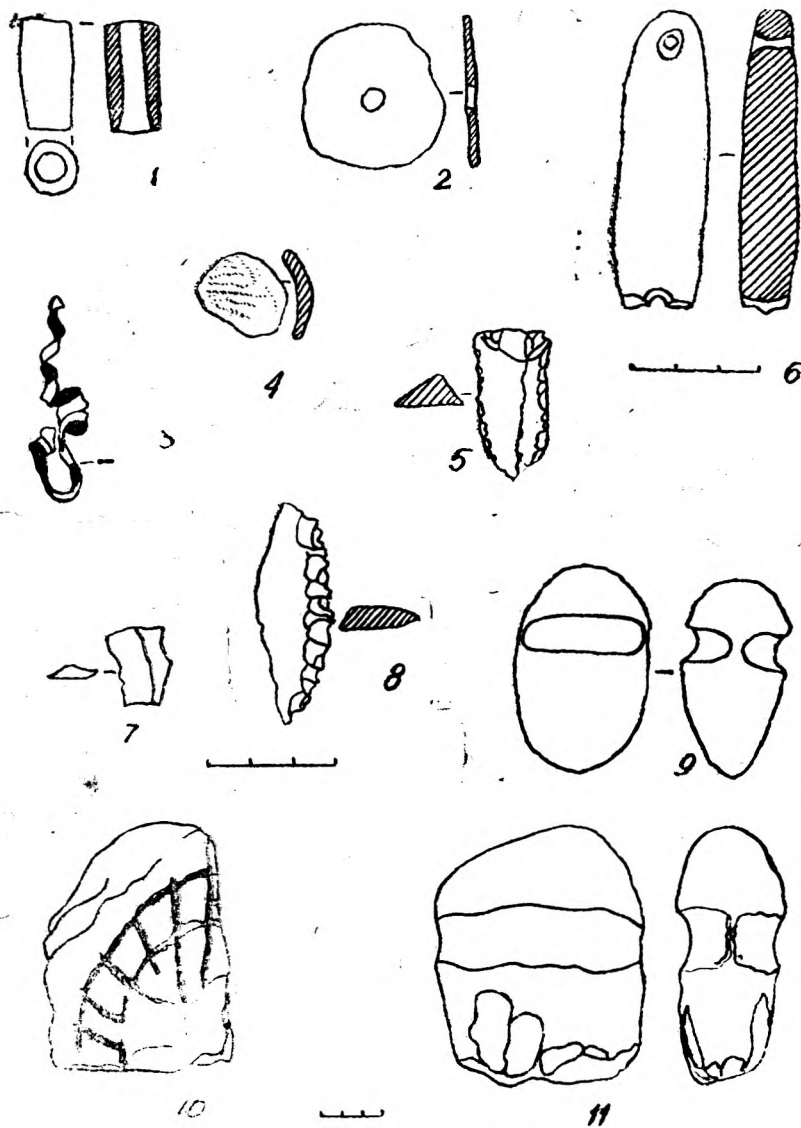

Рис. 8. Образцы материалов из раскопа 5 (цитадель).

здесь выявлены отрезки коротких стен, располагавшихся с внешней стороны панциря и спускавшихся вниз по склону. Можно предполагать, что эти отрезки представляют собой остатки контрфорсов, предназначенных поддерживать кладку внешнего панциря крепостных стен. Судя по найденной здесь керамике данный участок стены возводился или фундаментально перестраивался в раннесредневековое время.

Средняя часть городища, вероятно, имела одну линию укреплений. Остатки крепостной стены прослежены здесь на восточном и частично южном крае (рис. 2), где они приурочены к кромке выступающей известняковой складки, отделяющей ее от нижней части городища. Можно предположить, что она имела продолжение также вдоль всего южного и северного краев и, смыкаясь затем с карнизом известняковой складки по западной стороне, окружала таким образом весь этот участок городской территории. Раскопками на восточном крае укреплений вскрыты остатки мощных крепостных стен толщиной до 3—3,5 м. И хотя сохранность этих стен очень плохая, удалось выявить такую характерную деталь как своеобразная «уступчатая» их конфигурация. Благодаря подобной планировке, строителям удалось совмещать направление стены с направлением кромки уступа склона, а также использовать уступы на ломанной линии стены для ведения фланкирующей стрельбы. Судя по массовым находкам, эта стена была воздвигнута и функционировала на протяжении преарабского периода раннесредневековой эпохи, т. е. в VI—первой половине VIII в.

Нижняя часть городища, вероятно, имела две линии укреплений, проходивших одна над другой по верхнему краю и основанию уступа, ограничивающего этот участок городской территории с востока и юга. Выше уже описывались эти строительные остатки чрезвычайно плохой сохранности. Раскопочных работ здесь не производилось.

Оценивая по имеющимся данным систему фортификации городища Таргу в целом, нельзя не признать, что она достигла довольно высокого уровня. Ее создатели умело использовали все особенности труднодоступного, расчлененного рельефа, в необходимых случаях усиливая естественные преграды путем возведения оборонительных сооружений. И хотя образованные таким образом оборонительные рубежи не имели характерной для фортификационных сооружений равнины геометрически правильной, регулярной планировки, они создавали достаточно мощную, глубоко эшелонированную и надежную для своего времени систему городской обороны.

Дороги. Вокруг городища Таргу выявлена целая сеть древних коммуникаций, сходящихся к этому памятнику. От последних сохранились колеи древних дорог, представляющие собой канавообразные углубления с оплывшими краями, ширина которых достигает 1,5—2,5 м, глубина — 0,5—1,0 м, а протяженность прослеживаемых отрезков варьирует в пределах от нескольких десятков метров до 1,5—2,0 км. Местами по их краям сохранились остатки каменных стенок. Прием ограждения

дорог каменными стенками прослежен на Урцекском городище и некоторых других раннесредневековых памятниках Дагестана. Эта традиция в некоторых местах сохранилась здесь до этнографической современности. Ограждение краев дорог каменными стенками обычно практикуется в пределах возделываемых территорий: садов, огородов, пашен. Оно преследует цель четко фиксировать одно единственное направление дорожной колеи, что весьма немаловажно в условиях дагестанского малоземелья, а в летний период оберегает сады и посевы от путников и скота. В раннем средневековье подобные ограждения дорог могли выполнять и дополнительные функции, обусловленные конкретной обстановкой той эпохи.

Подобные колеи древних дорог имеются как на территории самого городища Таргу, так и его ближайших и дальних окрестностях. На поверхности городища удалось достаточно определенно проследить направление лишь одной дороги, проходившей через все части городской территории и соединявшей их между собой (рис. 2). Как и в других местах, она имеет вид неглубокого рва или канавы с оплывшими краями, над которыми иногда выступают камни ограничивающих ее стен.

Дорога эта начинается от переправы, находившейся против восточной оконечности городища Таргу. Место переправы отмечено участками дорожной колеи, которые, будучи расположенными в створе друг против друга по обе стороны реки, фиксируют направление пути, пересекавшего здесь речную долину. Идя навстречу друг другу колени глубоко прорезают высокие берега реки и затем теряются на противоположных краях ее низкой поймы. Последняя заметно расширяется в этом месте, а речное русло разветвляется на несколько рукавов и, тем самым, делает здесь достаточно удобной переправу вброд даже в периоды дождей и половодья.

На левой стороне речной долины от этой колеи сохранился короткий (около 12 м) отрезок, глубоко прорезавший край высокого берега и круто поднимающийся из поймы на его поверхность. Далее дорога теряется, очевидно, будучи пронивелированной в наше время при разбивке на этом участке фруктового сада, и вновь прослеживается уже на территории городища. Колея древней дороги поднималась на городище, следуя наискось по восточному уступу, отделяющему его от речной долины. При этом она дважды пересекала линии крепостных сооружений, шедших по основанию и верхнему краю восточного уступа. Однако заметных следов, указывающих на существование здесь специально оформленных въездов и предвратных сооружений, на современной поверхности не сохранились.

От северо-восточного угла городища дорожная колея, плавно изгибаясь, поднималась по северному краю его нижней части примерно до уровня нахождения святилища Оглан-бег, где разветвлялась по двум направлениям (рис. 2). Одно из них круто сворачивало к югу и шло вдоль выступающей здесь известняковой складки до высеченной в ней

узкой расщелины, на месте которой, как уже отмечалось выше, располагался в древности укрепленный въезд. Минуя его, дорожная колея входила в среднюю часть городища, а оттуда, сделав длинный крутой изгиб, поднималась к другому укрепленному въезду, ведущему уже в верхнюю часть городища. Здесь она проходила по его северному краю, а затем, миновав таким образом городскую территорию, уходила за его пределы. Отсюда прослеженные участки дорожной колеи тянутся по склонам и по водоразделу предгорного хребта до городища Гяур-Кала и далее, образуя соответственный участок Прикаспийского пути.

Другая дорога, после развилки с первой, огибала с северо-востока выход известняковой складки и затем поворачивала в западном направлении и шла вдоль средней и верхней части городища с их внешней стороны. В северо-западном углу верхней части городища она вновь сливалась с первой дорогой неподалеку от ее выхода за пределы городской территории.

Таким образом, обе эти дороги, будучи соединены на севере и на юге с трассой Прикаспийского пути, фактически представляли собой своеобразное ее разветвление в пределах территории городища Таргу. Поскольку первая дорога служила одновременно и главной городской коммуникацией, использование ее в качестве транзитного пути таило в себе в условиях той эпохи немалую угрозу для самого города и его населения. Избежать ее способствовала вторая дорога, обеспечивавшая транзитное передвижение вне пределов жизненно важных городских центров хотя и в непосредственной близости от них. Разумеется, в пределах городской территории имелись и другие внутренние коммуникации — улицы и переулки. Однако их заметных следов на современной поверхности не сохранилось.

Водоснабжение. В процессе обследования территории городища Таргу велись поиски источников водоснабжения, не давшие однако больших результатов. Были обнаружены следы лишь одного родника на северо-западной оконечности верхней части городища (рис. 2). Здесь в обрыве одного из многочисленных известняковых карнизов выклинивалась водоносная складка, под которой сохранились следы небольшого (диаметром около 3 м) углубления, вероятно служившего водосборником или водоемом. Протяженность водоносной складки достигает 2 м, ее края сильно сглажены водой. Все это может свидетельствовать о сравнительно большом водном дебете данного родника. И все же он один ни в коей мере не мог удовлетворить потребность в воде многочисленного городского населения. Очевидно существовали и другие источники водоснабжения. Главным из них, вероятно, служила протекавшая внизу р. Гамриозень. Неизбежные трудности при переносе воды из речной долины в город по крутым склонам компенсировались практически неограниченными ресурсами, этого источника. Однако пользование им было возможно только в мирное время, тогда как в случае военных действий или осады городское население оказывалось

полностью отрезанным от него. Между тем, только в начале VIII в. город Таргу-Хамрин успешно выдержал шестидневную осаду войсками Джарраха и месячную — войсками Мервана. Это позволяет считать, что в пределах городской территории существовали какие-то дополнительные источники водоснабжения помимо упоминавшегося родника. Можно предполагать, что на городище Таргу имелись вырубленные в толще известняков каптажные колодцы, подобные тем, которые были обнаружены на Урцекском и Чакавуркентском городищах и ряде других раннесредневековых памятников предгорной полосы Прикаспийского Дагестана.

Могильники. Как показывает археологическая практика, крупные, длительное время функционировавшие бытовые памятники обычно имели несколько могильников, захоронения которых в той или иной степени отражали социальную и этническую неоднородность городского населения.

Большой катакомбный могильник был обнаружен в средней части городища Таргу (рис. 2). Раскопками здесь выявлены слои, сильно перемешанные с культурными остатками послеарабского, албанского, раннежелезного и раннебронзового периодов. Однако в предарабский период этот участок не был заселен, а использовался для захоронений. Захоронения производились в катакомбах, при этом дромосы прорезали толщу более ранних культурных напластований, а камеры высекались в подстилавшем их плотном материковом суглинке на глубине от 3 до 4,5 м. Катакомбы содержали как одиночные, так и коллективные захоронения, иногда сопровождаемые захоронением собак, реже — коней. Инвентарь, содержащий помимо оружия, украшений, керамики, изделий из дерева, также остатки одежды и шелковых тканей, может быть датирован в пределах V—VIII вв., это дает основание предполагать, что катакомбные захоронения городища Таргу принадлежали не местному, а пришлому населению, вероятнее всего — гуннам.

Грунтовый могильник выявлен на северо-западной окраине верхней части городища (рис. 2). Здесь обнаружены остатки нескольких разрушенных и ограбленных в древности захоронений, относящихся, вероятно, V—IV вв. до н. э. В одном из раскопов на этой же территории обнаружены остатки раннесредневекового захоронения, совершенного в деревянном гробу с западной ориентацией.

Возможным местом расположения древнего могильника в нижней части городища предполагается участок вокруг святилища Оглан-бег. Здесь имеется несколько полуразрушенных каменных «оградок», которые невозможно связать с мусульманским погребальным обрядом. Это замкнутые прямоугольные сооружения размерами 2,5×2 м, ориентированные СЗ—ЮВ. Стены сохранились на высоту до 0,7 м. Кладка архаическая, без скрепляющего раствора, с включением крупных вертикально поставленных каменных блоков. Поверхность камней покрыта лишайниками, проникшими также в пазы кладки, что может свидетель-

ствовать о ее непотревоженности и древности. Все эти оградки служат объектом почитания, что пока препятствует проведению здесь раскопок.

Сельскохозяйственная округа. Поскольку земледелие и скотоводство играли весьма важную роль в экономической жизни городского населения Дагестана на всем протяжении албанской и раннесредневековой эпохи, каждый памятник этого времени имел и более или менее обширную сельскохозяйственную округу, где располагались его пахотные и пастбищные угодья. Древнему населению города Таргу для этой цели служили обширные пространства на горных отрогах и хребтах, располагавшихся к западу и северу от городской территории. Пологие склоны и ровные поверхности плато использовались для нужд земледелия, тогда как участки с более пересеченным рельефом служили для выпаса скота. Поскольку вся эта территория и поныне служит тем же целям, причем в последние годы здесь систематически проводится тракторная пахота, на ее поверхности не сохранились следы, по которым можно было бы составить сколько-нибудь определенное представление о действительных размерах возделывавшихся в древности площадей, о делении земельных участков и т. п. Отметим лишь, что по свежей пахоте здесь нередко встречаются фрагменты разовогоглиняной и красноангобированной керамики албанского и раннесредневекового времени. Причем, в ряде случаев такие находки сделаны на довольно значительном (до 2—3 км) расстоянии от городища Таргу. Если ориентироваться на столь широкое территориальное распространение подобных находок, можно полагать, что сельскохозяйственная округа этого памятника охватывала площадь не менее 1000 га.

Раскопки в верхней части городища. Наиболее значительные раскопочные работы были проведены экспедицией ИИЯЛ на цитадели городища Таргу (рис. 3; рис 9). Была расчищена вся поверхность холма площадью около 570 кв. м. Результаты раскопок подтвердили многослойность культурных напластований. На северном участке цитадели (раскопа № 5) прорезана двухметровая толща культурных напластований. Здесь под раннесредневековыми слоями обнаружены сильно перемешанные слои албанского (III в. до н. э.—IV в. н. э.) и раннежелезного (VII—IV вв. до н. э.) периодов. Ниже выявлен мощный (более 0,5 м) слой эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.). Однако не все слои сохранились одинаково хорошо. Многие другие пострадали нижние слои, датируемые эпохой ранней бронзы. В них, наряду с остатками каменных построек, встречены многочисленные находки керамики — фрагменты мисок, горшочков, крупных сосудов с ленточными ручками, замкнутыми в основании валиками. Вместе с ними встречены и фрагменты толстостенных сосудов весьма архаического облика, с грубо заглаженными поверхностями, иногда украшенными вдавленным геометрическим узором (рис. 10; рис. 7).

Особенно сильно потревожены слои раннего железа и раннеалбанского периода. Однако в напластованиях позднеалбанского периода

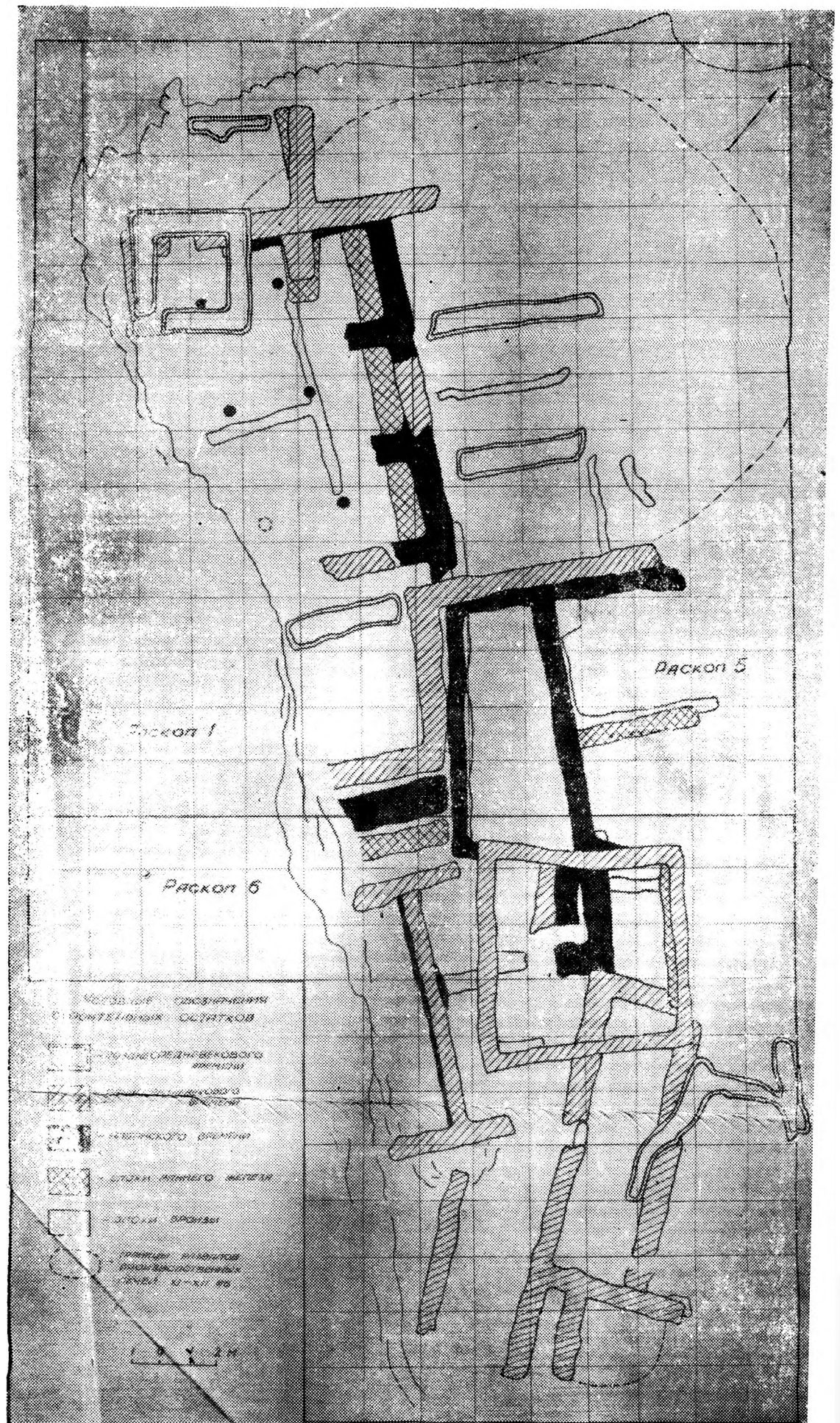

Рис. 9. План строительных остатков на цитадели.

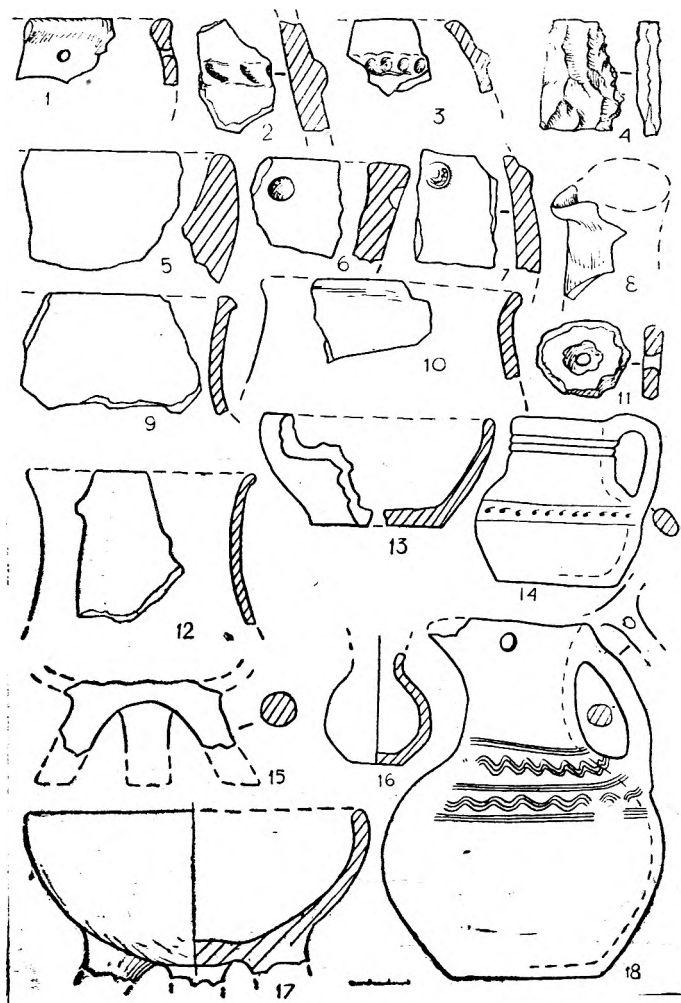

Рис. 10. Образцы материалов из раскопа 1 (цитадель).

(первая пол. I тыс. н. э.) встречены остатки монументальных каменных построек на глиняном растворе. Несколько лучше сохранились строительные остатки раннесредневекового периода. Они также сооружены из камня, но на сухой кладке. Сильная потревоженность разновременных строительных остатков цитадели обусловлена рядом причин, в том числе и тем обстоятельством, что после разрушения цитадели (не

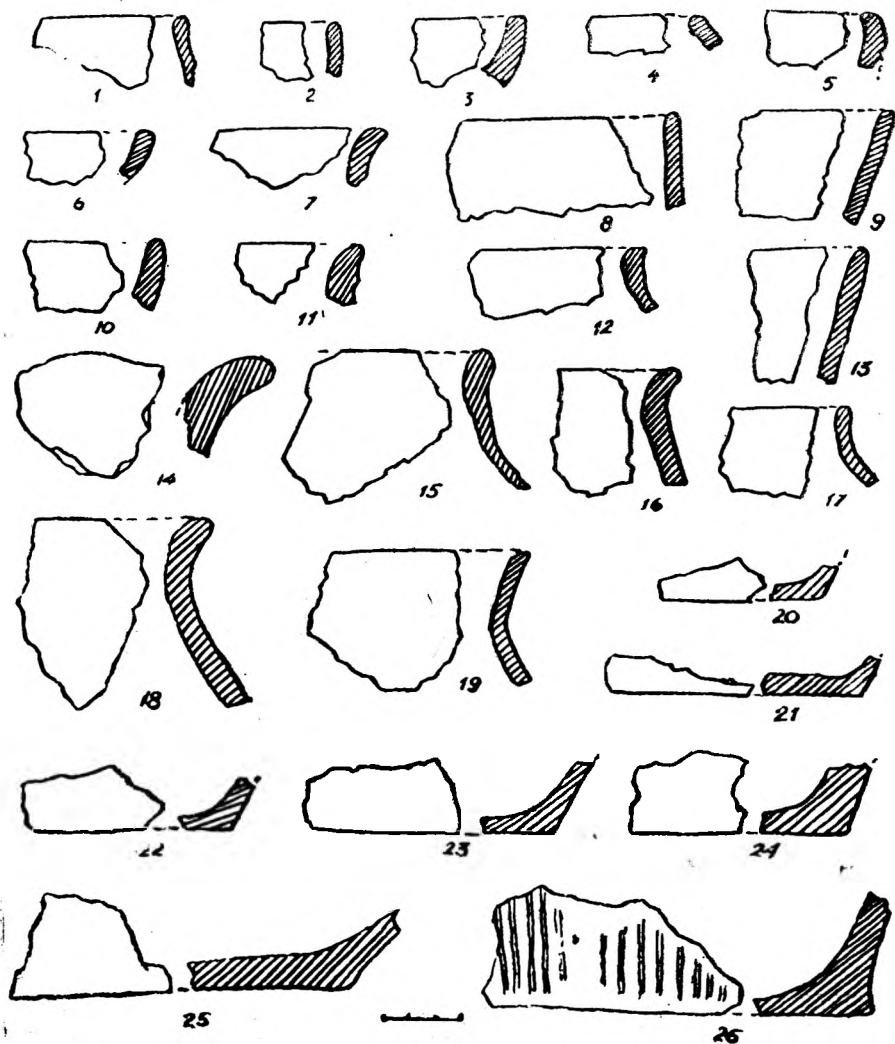

Рис. 11. Образцы материалов из раскопа 3-А (оборонительная стена VII—IV вв. до н. э.).

позднее второй половины VIII в.) этот холм использовался для сооружения весьма крупных обжигательных печей различного назначения. Здесь вскрыты остатки не менее шести таких печей, активно функционировавших в IX—XII вв. (рис. 9).

На юго-восточном склоне холма цитадели раскопом (№ 6) обнаружен въезд на цитадель со стороны шахристана и пасада. Въезд был огражден двумя каменными стенами и перекрыт кровлей, к его северо-восточной стене была пристроена небольшая башня. В процессе раскопок в проходе въезда обнаружено два обгорелых мужских скелета. Вероятно, это остатки защитников цитадели, погребенных под рухнувшей во время пожара кровлей. Вблизи них найдены только фрагменты розовоглиняных сосудов раннесредневекового времени. Аналогичная керамика встречена и во вскрытом там же помещении (8×8 м), располагавшемся на цитадели непосредственно у въезда (рис. 11, 14—18). Полы этого помещения вдоль стен были выложены каменными плитами на ширину 0,7—0,9 м.

В северо-западной части цитадели (раскоп № 1) раскрыты остатки сторожевой башни предмонгольского периода, ниже которых находились развалы более древних построек раннесредневекового и албанского периодов, вероятно, входивших в комплекс дворцовых сооружений (рис. 9).

В результате углубления всей площади раскопов (№ 1 и № 6 — более 250 кв. м) под средневековыми строительными остатками выявились другие постройки. Они отличаются особо высоким уровнем строительной техники — тщательной отеской строительного камня, нередко имевшего правильные подпрямоугольные очертания, использованием глиняного связующего раствора, монументальностью построек, стены которых иногда достигают толщины 0,9—1,0 м. В одном из таких помещений обнаружен развал какой-то каменной конструкции, сооруженной из крупных, длиной до 1 м, каменных плит, возможно, алтарь, в других — наземные печи — ульеобразные типа тондыров и двухъярусные типа кари. Найденные здесь археологические материалы позволяют датировать эти строительные комплексы первыми веками н. э. Установлено, что под ними залегают культурные напластования позднебронзового и раннеземледельческого периодов (рис. 12). Среди наиболее интересных находок можно отметить фрагменты энеолитической керамики (IV тысячелетие до н. э.) и несколько обломков чернолощеных сосудов (V—IV вв. до н. э.), возможно, — греческого импорта.

На западном и юго-западном участках холма цитадели под развалом крупной производственной печи XI—XII вв. обнаружены остатки монументальной каменной постройки позднеалбанского периода (начало I тыс. н. э.). От нее сохранились лишь северо-западная и северо-восточная стены, сложенные из известковых плит на глиняном растворе; толщина стен — 0,9—1,0 м. Юго-восточная стена, вероятно, была разобрана еще раннесредневековыми строителями; с юго-западной

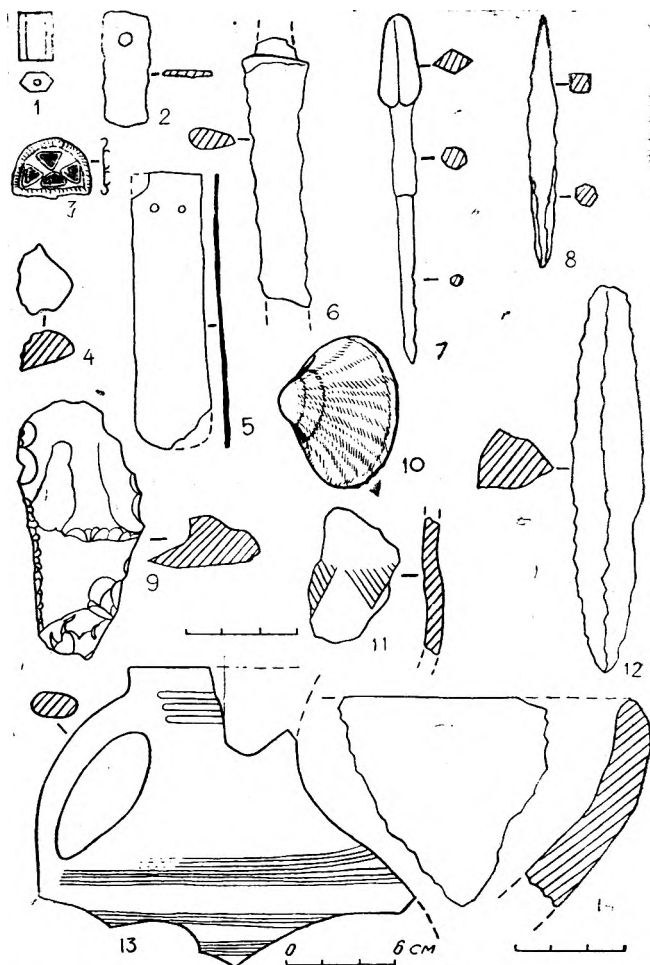

Рис. 12. Образцы материалов из раскопа 6 (цитадель).

стороны помещение ограничивают выходы скальных пород. В интерьере этой постройки зафиксированы весьма интересные детали. По длинной оси попарно располагались несколькими рядами барабанообразные каменные базы колонн: первая пара — в 1,7 м от северо-западной стены на расстоянии 2,3 м друг от друга; вторая — в 4 м к юго-востоку от первой на расстоянии 2,3 м друг от друга; третья — в 4 м к юго-востоку от второй на расстоянии 2,4 м друг от друга; от третьей сохра-

нился лишь один барабан, находившийся в 4,1 м к юго-востоку от второй пары (рис. 9; рис. 13). Из сохранившихся таким образом пяти барабанов четыре — круглые каннелированные и один — подквадратный, со стесанными углами (рис. 14). По северо-восточной стене в трех местах находились прямоугольные площадки (2,5×1,0; 1,8×1,1; 3,1×1,0 м), выложенные крупными известняковыми плитами, их длинные оси ориентированы посредине между рядами колонн. В целом помещение, напоминающее открытый с одной стороны портик с двумя рядами колонн, вероятно, является частью дворцовой или храмовой постройки на цитадели.

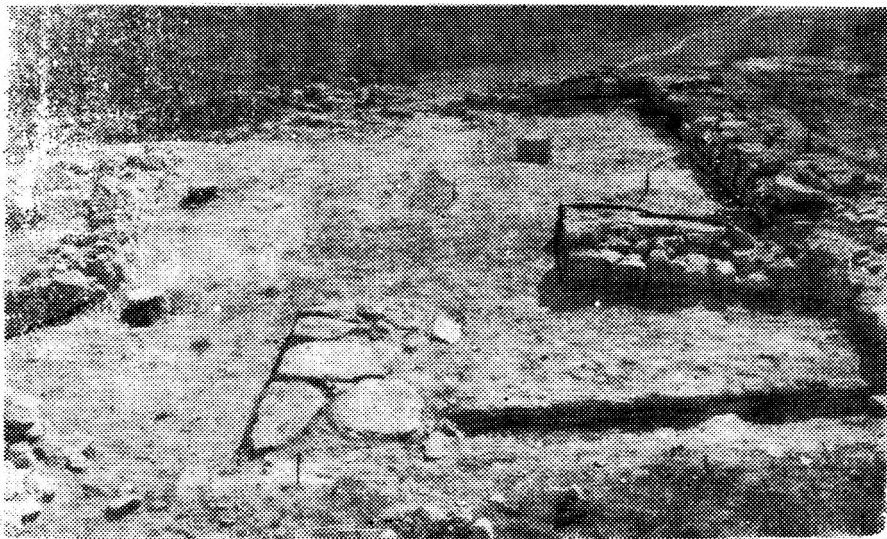

Рис. 13. Остатки храмовой постройки с колоннами. Вид с севера (фото).

Деревянные колонны на каменных базах широко применялись в дворцовом зодчестве Закавказья в ахеменидский и античный периоды, но не были известны до сих пор в северо-кавказских памятниках. Таргунские находки — первые свидетельства существования дворцовой архитектуры античного периода не только в Дагестане, но и на Северном Кавказе¹⁰. Существенно отличаясь от закавказских баз торовид-

¹⁰ Котович В. Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане. — В сб.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 87.

Рис. 14. Каменные базы колонн. 1, 2.

ного и аттического типов¹¹, они обнаруживают сходство с каннелированными базами из дворцовых и культовых построек в античных городах Северного Причерноморья¹². Эти факты еще раз подтверждают достоверность сообщения Страбона о контактах между населением Кавказской Албании и Северного Причерноморья¹³.

Объектом раскопочных работ стала и усадьба рядового горожанина, расположенная неподалеку от въезда в верхнюю часть городища. Здесь была раскопана часть огражденного дворика, где находился глубокий (до 3,5 м) погреб с каменными стенами и тщательно выложенным из каменных плит прямоугольным люком. За двориком располагался комплекс каменных построек жилого и хозяйственного назначения. Раскопано четыре хозяйственных помещений, в том числе две кладовые со вкопанными в земляные полы хумами. Здесь же встречено много каменных пряслиц, жернова от ручных мельниц, обломки столовой и кухонной посуды. Весь этот комплекс относится к преарабскому времени (VI—первая половина VIII в.).

О типологической характеристике городища Таргу. Проведенные исследования свидетельствуют, что городище Таргу не только самое крупное среди известных ныне памятников бассейна р. Гамриозень.

¹¹ Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, с. 46, 52; Бретаницкий Л. С. Реалии и традиции античности в искусстве средневекового Азербайджана.— В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 181.

¹² Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 96—106; Соколовский Н. И. Кепы.— В сб.: Античный город. М., 1963, с. 108.

¹³ Страбон. География. Кн. XI, 5, 8.

Помимо значительных размеров, его отличает также наличие сложной и мощной системы фортификации и развитая сеть дорог. Все это ярко характеризует важное торгово-экономическое и военно-стратегическое значение располагавшегося здесь раннесредневекового города, одного из исторически сложившихся политических и торговых центров на Прикаспийском пути, столицы небольшого политического образования — страны Хамрин¹⁴.

Раскопками установлено, что на месте цитадели городища Таргу еще в эпоху энеолита и ранней бронзы (IV—III тысячелетия до н. э.) существовало крупное поселение, а с эпохи раннего железа (VII—IV вв. до н. э.) — укрепленное поселение со временем разросшееся в город, бытовавший в албанский (III в. до н. э.—IV в. н. э.) и раннесредневековый — (V — первая половина VIII в. н. э.) периоды. Этапы бытования этого города обнаруживают большую близость с исторической картиной возникновения древних городов в Закавказье¹⁵.

Удачное расположение городища Таргу на геоморфологически обособленном горном отроге обеспечивало ему максимальную естественную защиту и в то же время решающим образом определило асимметричный, иррегулярный характер самого города, его внутренней планировки, расположения фортификационных сооружений, направления коммуникаций. Обусловленная рельефом трехчастная топография города еще более подчеркивалась возведением оборонительных сооружений по складкам рельефа, разделявшим его территорию на отдельные части. Все это придавало неповторимое своеобразие внешнему облику города Таргу и в то же время отражало социальную стратификацию его населения и, вероятно, последовательность обживания отдельных частей городской территории. По аналогии с другими раннесредневековыми городами можно полагать, что наиболее привилегированные слои городского населения жили в верхней части города, по склонам возвышенности, вершину которой венчала цитадель — резиденция его правителей, которые, вероятно были также правителями всей страны Хамрин. В других частях города очевидно обитали рядовые горожане.

В целом, отмеченные особенности данного памятника резко отличаются его от парфянских, сасанидских, среднеазиатских и иных подобных им городищ с правильной геометрической планировкой и регулярной фортификацией, наиболее приспособленных к условиям равнины, и в такой же степени сближают с античными городами Северного Причерноморья¹⁶ и Закавказья¹⁷, топография и планировка которых в каж-

¹⁴ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Работы в Прикаспийском Дагестане.— АО—1971 г., М., 1972, с. 153—154.

¹⁵ Котович В. Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане, с. 89—93.

¹⁶ Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 29, 81, 90; он же. Античный город.— В сб.: Античный город. М., 1963, с. 9, 10.

¹⁷ Апакидзе А. М. Результаты археологического изучения античных городов Грузии. Там же, с. 149.

дом отдельном случае обусловлена конкретными особенностями рельефа занимаемой ими местности. Подобная зависимость топографии и планировки памятников от рельефа места присуща многим другим городищам и укрепленным поселениям городского типа, таким как Урцеки, Шамшахар, Эскиюрт, Чакавуркент, Охли, Верхнее Лабкомахи, Нижнее Чугли и др. Можно полагать, поэтому, что эта характерная особенность топографии присуща также преобладающему большинству укрепленных бытовых памятников Дагестана албанской и раннесредневековой эпохи, расположенных в его предгорных и горных районах.

Многослойная стратиграфия городища Таргу включает разновременные культурные напластования широкого хронологического диапазона, свидетельствуя о длительности его существования и фиксируя качественные изменения в его структуре по мере роста. Такая же стратиграфия характерна и целому ряду других бытовых памятников Дагестана (Урцекское, Бавтугайское, Верхнелабкомахинское и др. городища, г. Дербент) и Закавказья (Болниси, Мцхета, Гарни и др.), что по-видимому отражает какие-то общие закономерности процесса урбанизации в рамках всего кавказского региона.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ДЕРБЕНТСКОМ ХОЛМЕ

(досасанидский период формирования исторической топографии Дербента)

Подобно большинству средневековых городов Дагестана, Дербент возник на месте древнего населенного пункта скифского и албаносарматского периодов, планировка и территория которого неразрывно вошли в структуру средневекового города, составив его древнейшее ядро. Это обстоятельство дало основание выделить древнейший период в сложении исторической топографии города в особый хронологически укладывающийся в рамки досасанидского существования Дербента, от возникновения первых оборонительных сооружений на дербентском холме до начала сасанидского фортификационного строительства здесь.

Досасанидский период развития Дербента, до начала систематических раскопок здесь, был совершенно неизвестен и в исторической литературе не освещался, поэтому процесс сложения города на первом, самом раннем, этапе представляет значительный интерес и требует детального освещения. Раскопки позволили дать ответ на сложные вопросы древней истории города, выявили время его основания, первоначальную планировку, динамику развития и формирования городской структуры, послужившей основой для ядра средневекового города.

В результате широких археологических исследований на вершине дербентского холма, значительная часть которого занята мощной цитаделью города сасанидской поры, под многометровыми культурными напластованиями средневекового периода, были вскрыты остатки древнего укрепленного пункта, появившегося здесь задолго до распространения власти сасанидского Ирана на Дербентский проход.

Раскопы, заложенные в различных районах Дербента¹, позволили выявить время возникновения и бытования этого пункта, а также проследить его территориальное развитие. Было установлено, что вершина дербентского холма² обживалась уже с глубокой древности, о чем сви-

¹ В самом городе (внутристенная территория более 150 га) и за пределами его стен было заложено: двадцать четыре небольших стратиграфических раскопа (№№ 1—24) размерами 3×3 м, 2×4 м, 4×4 м; тринадцать раскопов (РР I—XIII) площадью от 45 кв. м до 400 кв. м; восемь разрезов (RR I—VIII) общей площадью около 2700 кв. м.

² Древнейшие слои были обнаружены в Дербенте только на территории вершины дербентского холма (раскопы №№ 6, 9—17; 19—24; РР II—VII, XI—XIII), а межстенное пространство города стало обживаться лишь с сасанидского периода. Территория к северу от городских стен не обживалась до XX в.

детельствуют находки здесь каменных³ и бронзовых⁴ топоров и значительного количества керамики эпохи бронзы⁵.

Однако, как показали раскопки, лишь в начале эпохи раннего железа здесь возник мощный укрепленный пункт, который существовал и развивался на вершине холма, господствуя над проходом, вплоть до сасанидского проникновения и возведения иранцами тут нового типа оборонительных сооружений, частично воспринявших планировку древней фортификации Дербента.

Раскопками на дербентском холме была выявлена внушительная многослойность досасанидских культурных отложений Дербента, достигающих в северо-восточной части его до 2,6—2,7 м толщины. Здесь, на территории цитадели Нарын-кала, древние слои перекрыты мощными культурными напластованиями последующих эпох — раннесредневековой и средневековой. В остальных районах холма, почти не обжитых в эти периоды, толщина культурных отложений не превышает 1,5—2 м.

Наименьшая толща культурных напластований на вершине дербентского холма отмечена в ее южной и юго-западной частях, где она достигает всего 0,4—0,6 м.

В культурных наслоениях Дербента досасанидского времени удалось выделить шесть слоев, обильно насыщенных культурными остатками и две прослойки без них.

Хронологически выделенные культурные слои относятся к трем историческим периодам, названным, согласно утвердившейся в дагестанской историографии терминологии, предскифским, скифским, албано-сарматским.

К предскифскому времени в культурных наслоениях Дербента относится один слой, в котором отмечена керамика бронзового века и древнейшего этапа эпохи раннего железа, стратифицировать которую по названным периодам внутри слоя пока не представляется возможным.

К скифскому времени относятся два слоя — ранний и поздний, которые в северо-восточной части холма лежат один над другим и перекрывают слой предскифского времени.

Три слоя албано-сарматского времени перекрывают культурные отложения скифского периода и отделяются друг от друга прослойками без культурных остатков. Верхний, самый поздний слой в культурных наслоениях албано-сарматского времени, относится к концу этого —

³ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. 1, с. 206.

⁴ Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 81, рис. 3, 3.

⁵ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентского археологического отряда в 1972 г. РФ ИИЯЛ, № 393, с. 48; он же. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1976 г. РФ ИИЯЛ, № 397, с. 83, 85.

началу раннесредневекового периодов и характеризует, в определенной мере, переходный этап от первого ко второму.

Стратиграфические исследования, проводимые на дербентском холме, позволили установить, что северо-восточная часть его вершины, наиболее выгодная в стратегическом отношении и лучше всего защищенная естественными преградами, является и территорией древнейшего обживания Дербента. Среди материалов раскопок, заложенных на различных участках северо-восточной части вершины дербентского холма (раскопы №№ 6, 9, 13, 14, 16, 19—24, Р-II, Р-IV, Р-XIII), были выявлены керамика и другие предметы, относящиеся к раннебронзовому веку (по мнению М. Г. Гаджиева, возможно и к энеолиту), поздней бронзы и древнейшему этапу эпохи раннего железа. Раскопки позволили установить, что в эпоху бронзы и раннего железа на данной территории существовало поселение (или поселения) почти полностью совпавшее по площади и очертаниям с цитаделью средневекового города, именуемой сейчас Нарын-калой. Стены последней почти по всему периметру (кроме южной стороны), следуя рельефу, построены вдоль вершины холма (рис. 1). Естественные преграды, защищавшие большую часть территории этого поселения, были дополнены работами по эскарпированию краев северной⁶ и, видимо, восточной, сторон вершины холма, подвергавшихся наибольшей опасности.

Однако это поселение не имеет прямого отношения к сложению топографии Дербента, так как его формирование началось лишь со времени появления в конце VIII—нач. VII в. до н. э. на дербентском холме мощного укрепленного пункта, планировка которого послужила основой цитадели феодального города, а территория его стала древним ядром последнего. Таким образом, досасанидский период развития Дербента и сложения его исторической топографии приходится на конец VIII—начало VII в. до н. э. — конец IV—начало V в. н. э.

Изучение культурных напластований Дербента досасанидской поры позволило выделить два крупных этапа его развития. С первым из них связаны слои скифского времени и слой раннеалбанского времени, период отложения которых укладывается в хронологические рамки конца VIII—начала VII в. до н. э. — I в. до н. э.

Это время, когда на базе поселений эпох бронзы и раннего железа на вершине дербентского холма возник мощный опорный пункт контролировавший знаменитые ворота Кавказа и около которого в скифское и раннеалбанское время сложилось крупное поселение⁷.

С вторым этапом развития Дербента были связаны два верхних слоя албано-сарматского времени (второй и третий), время отложения

⁶ Кудрявцев А. А. Работы Дербентской экспедиции.—АО—1976, М., 1977, с. 106.

⁷ Возникновение и первый этап развития Дербента досасанидской поры подробно освещены в ряде публикаций автора. См.: Древний Дербент. М., 1982, с. 29—43; *он же*. О новой хронологии древнего Дербента.—СА, 1982, № 4, с. 165—185.

которых приходится на период I в. до н. э.—начала V в. н. э. В это время происходят значительные сдвиги в социально-экономическом и политическом развитии племен Северо-Восточного Кавказа, оказавшие существенное влияние на дальнейшее формирование Дербента.

Второй этап в древнейшем периоде формирования исторической топографии Дербента был связан с дальнейшим развитием мощного спорного пункта скифского и раннеалбанского времени. Хронологически этот этап совпадает с временем вхождения Дербента в состав Кавказской Албании.

Это время консолидации и сложения государственности у разноречивых албанских племен, период формирования у них классового общества и становления новых производственных отношений, экономического и культурного подъема Албании, активизации ее политической роли в истории народов Кавказа.

Проблема северных границ Кавказской Албании, вхождения Дербента в ее состав и времени его включения в это государство до сих пор остается дискуссионной в исторической литературе и раскопки в Дербенте, проводившиеся в последнее десятилетие, проливают новый свет на эти сложные вопросы.

Возникновение Албании и становление этого раннеклассового государства были тесно связаны с экономическим и военно-политическим развитием этих и соседних областей Кавказа, а также с исторической обстановкой здесь и в прилегающих регионах.

В III—II вв. до н. э., в связи с ослаблением огромной Селевкидской державы и завершения во многих областях Кавказа процесса консолидации военно-племенных объединений, здесь складываются ряд независимых государств, наиболее известными из которых были: в Армении Софена и Великая Армения, в Грузии — Иберийское царство и Колхида, на территории Азербайджана — Кавказская Албания. И если селевкидские правители еще пытались распространить свою власть на государства Армении, о чем свидетельствует поход Антиоха IV Эпифана против армянского царя Артаксия, то области западного Прикаспия их военно-политического влияния почти совсем не испытывали. Античный мир в этот период, видимо, не был знаком с Дербентом и не имел достоверных сведений об этих важнейших воротах Кавказа. Но положение коренным образом изменилось с I в. до н. э., когда Кавказ стал ареной ожесточенной борьбы Парфии и Рима за владычество на Востоке, в которой этим областям отводилась особая роль. Римско-парфянские войны подняли военно-стратегическое значение Дербентского прохода и расположенного там опорного пункта, сыграв значительную роль в истории его развития. Ворота в Северный Прикаспий и Юго-Восточную Европу привлекали пристальное внимание римских полководцев, историков и географов и сведения о них все чаще стали появляться в произведениях античных авторов, особенно после походов на Кавказ римского полководца Помпея (66—64 гг. до н. э.).

Активизация кочевников на Северном Кавказе и в Прикаспии и систематическое проникновение хорошо вооруженных и организованных отрядов на юг внесло новый аспект в римско-парфянское соперничество в этом регионе.

Дербентский проход приобретает в этот период в связи с войнами Рима и Парфии на Кавказе еще большее значение, так как обе стороны стремились использовать в своей борьбе наемные отряды кочевников, которые, пройдя через Дербент или Дарьял, внезапно наносили удар в тыл одной из противоборствующих сторон. Так, известный историк этого времени Иосиф Флавский писал, что римский император Тиберий «большими суммами склонял царей иверского и албанского не задумываться воевать с Артаваном (парфянский царь — А. К.). Но те сами не согласились воевать, а направляют на Артавана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота»⁸. Подобные примеры использования наемных отрядов кочевников парфянами и римлянами приводит Тацит и ряд других античных авторов. Нередко сарматские и аланские вожди, по сообщению Тацита, посылали одновременно свою конницу и римлянам, и парфянам «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправлялись на помощь и к той, и к другой»⁹.

Понимая стратегическое значение Дербента, и Парфия, и Рим стремились подчинить себе эти ворота. Возможно с попыткой римлян распространить свое влияние на Дербентский проход связано пребывание на территории Кавказской Албании легиона XII Фульмината, засвидетельствованное латинской надписью, открытой в 1948 г. у подножья горы Беюк-Даш¹⁰. Текст надписи, высеченный на скале, гласит: «При императоре Доминициане Цезаре Августе Германике Л. Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината (выполнил, сделал)»¹¹. Эта самая восточная римская надпись в Азии могла быть связана с попытками Доминициана уяснить обстановку на западном побережье Каспия и установить римский контроль над воротами Дербента. Но укрепиться в проходе римляне не смогли, ни в одном из дошедших до нас произведений античных авторов нет указаний на возведение ими каких-либо фортификационных сооружений, хотя не исключено, что ряд оборонительных мероприятий по укреплению прохода могли предпринимать парфяне, чье влияние на Восточный Кавказ в первых веках н. э. было значительным.

Относительная независимость Кавказской Албании от Рима, управ-

⁸ Иосиф Флавий. Иудейские древности, кн. XVIII, гл. 4, § 98.

⁹ Тацит Корнелий. Анналы, к. VI, гл. 33.

¹⁰ Пахомов Е. А. Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината.— ИАН Азерб. ССР, 1949, № 1, с. 81—87; Ямпольский З. И. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш.— ВДИ, 1950, № 1, с. 182; Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 343.

¹¹ Тревер К. В. Очерки по истории..., с. 343.

лявшейся даже в самое тяжелое для Закавказья время своими царями¹², не считавшими нужным являться в Рим, несмотря на расточаемые им цезарями милости¹³, дает основание полагать, что Дербент не попал под непосредственный римский контроль, а следовательно, и не укреплялся им.

Насколько сильны были здесь позиции Парфии, сказать трудно, но, судя по сообщениям Тацита, союзные парфянам отряды кочевников использовали именно Дербентский проход, так как цари Иберии, ориентировавшиеся на Рим, не пропускали их через Дарьяльское ущелье. Этот римский историк писал, что сарматы, выступившие на помощь римлянам, были быстро пропущены иберами, «между тем, как направлявшиеся к парфянам, были легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного — между морем и оконечностями албанских гор (т. е. Дербентского прохода — А. К.)»¹⁴. По сведениям армянских авторов IV—VI вв., в III в. н. э. цари Армении из династии парфянских Аршакидов имели какое-то влияние над «проходом Дербентским или Джора» и пропускали через него против своего главного противника сасанидского Ирана воинственные племена Северного Кавказа. Согласно данным «Истории Армении» Фавста Бузанда (IV в.) область прохода в первой пол. IV в. была подвластна царю родственных аланам ираноязычных племен маскутов Санесану, который назван «аршакидским царем маскутов... ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода»¹⁵, а Моисей Каганкатвацци упоминает «Санасана царя маскутов, единоплеменника Арсакидов»¹⁶. Таким образом, парфянское влияние в первых веках н. э. могло иметь весьма значительное распространение в районе Дербента, хотя это не означает обязательную прямую зависимость и присутствие здесь парфянского гарнизона. Вероятнее всего, что это влияние распространилось через армянского и албанского царей, а также через царя маскутов, связанных с правителями Парфии союзными договорами и родственными узами. Проникновение сюда ираноязычных племен маскутов, локализуемых, обычно, к югу от Дербента, в низовьях р. Самура, относится, видимо к III—началу IV вв. н. э. Именно с этого времени они начинают фигурировать в произведениях армянских и албанских авторов¹⁷

¹² Фест. Краткий очерк истории римского народа, гл. XIV, XX; Евтропий. Краткая история Рима, кн. VIII, гл. 3.

¹³ Элий Спартиан. Андриан, кн. I, гл. 20, 21, 24.

¹⁴ Корнелий Тацит. Анналы, кн. VI, гл. 33.

¹⁵ Фавст Бузанд. История Армении, кн. III, гл. VI, Ереван, 1953, цит. по: Тревер К. В. Очерки по истории..., с. 191.

¹⁶ История агван Моисея Каганкатвацци. /Пер. К. Патканьяна. СПб., 1861, с. 29.

¹⁷ История Армении Фавстоса Бузанда. /Пер. и ком. М. А. Геворгияна. Ереван, 1953, с. 11—14; История агван..., с. 29—30.

IV—VII вв., а следы их пребывания появляются в археологических материалах памятников этого района¹⁸.

В период I—III вв. н. э. значительно усилилось проникновение кочевых племен, в основном сарматского круга, в районы Прикаспийского Дагестана. Следы их пребывания здесь четко зафиксированы в материалах Таркинского и Карабудахкентского могильников¹⁹, свидетельствующих о значительном смещении элементов материальной культуры и обрядов пришлых — кочевников и местных — аборигенов. Черты степного влияния исчезают по мере продвижения на юг к Дербенту, что было связано с меньшей сарматизацией населения этих районов Прикаспия²⁰. Проникновение кочевников на территорию Северного Дагестана, вплоть до района Махачкалы и Карабудахкента, значительно усилило угрозу набегов на Закавказье и Переднюю Азию через Дербент и, несомненно, вызвало новые шаги по укреплению последнего. С вторым этапом развития древнего Дербента в культурных напластованиях города связаны два слоя албано-сарматского времени (второй и третий), обильно насыщенные архитектурными остатками, керамикой и другими материалами, свидетельствующими об интенсивном обживании дербентского холма в этот период, а также прослойка грунта материкового цвета, без культурных остатков.

Наиболее крупные изменения в развитии Дербента и планировке его фортификаций произошли в период, связанный с отложением второго слоя албано-сарматского времени, отделенного от нижележащего раннего слоя (раннеалбанского) этого периода светло-желтой прослойкой плотного грунта без культурных остатков.

Второй слой албано-сарматского времени, начало отложения которого хронологически совпадает с началом второго этапа развития Дербента, резко отличается по цвету и структуре от нижележащей стерильной прослойки и представляет собой рыхлый, темно-серый грунт с большим включением (значительно превышающим нижележащие слои) остатков сооружений, завалов из бутового и обработанного камня, керамики, угля, золы и других культурных остатков. Толщина слоя в южной и северной частях крепости доходит до 0,20—0,25 м, в восточной части достигает 0,6—0,7 м²¹.

В период отложения второго слоя албано-сарматского времени в планировке и застройке древней крепости происходят значительные

¹⁸ Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.— МАД, Махачкала, 1959, т. I, с. 148—156.

¹⁹ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, 1951, № 23, с. 226—272; он же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД, Махачкала 1961, г. II, с. 167—219.

²⁰ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 209—210.

²¹ Кудряцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 34, 38, 43—44; он же. Первые исследования досасанидского Дербента.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 132—133.

изменения. На этом этапе формирования топографии Дербента и его бытовой архитектуре появляются значительные по площади многокомнатные архитектурные комплексы, сосредоточенные в восточной части крепости²². С этого времени и до эпохи позднего средневековья этот

район дербентского холма становится местом концентрации крупных бытовых сооружений, обычно дворцовых построек правителей Дербента.

В этот период изменяется конфигурация юго-западного и юго-восточного участков стены крепости, а также прекращается функционирование отдельных участков восточной стены, перекрытых первой стерильной прослойкой. Оно коснулось внутренней части стены, которая, как уже отмечалось, с этого времени использовалась не на всю ширину. Однако, даже с учетом не функционировавшей части стены, толщина ее оставалась весьма значительной и достигала около 3—5 м.

В это время происходит перестройка юго-восточной и юго-западной стен крепости. В юго-западной части она приобретает конфигурацию, целиком воспринявшую позднее стеной сасанидской цитадели и сохранившуюся до сегодняшнего дня. Здесь стена древней крепости (раскопы №№ 14, 21) лежит непосредственно под стеной сасанидского времени (рис. 2). Техника и конструктивные приемы возве-

Рис. 2. Древняя (внизу) и раннесредневековая (вверху) стены цитадели Дербента (западный участок, раскоп № 21).

²² Там же, с. 51—54; с. 135—137.

дения древней стены здесь значительно отличаются от конструкции восточной, северной и северо-западных стен крепости, уложенных довольно небрежно и скрепленных земляной засыпкой. Юго-западная стена крепости сложена из тщательно уложенного, местами подтесанного, бутового камня на глиняном растворе. Сохранившаяся высота стены достигает от 0,7 м до 1,6 м. Внешняя грань древней стены и вышележащей стены сасанидского времени совпадает. Перед тем, как быть использованной в качестве фундамента для сасанидской фортификации, древняя стена была тщательно выровнена и покрыта слоем известкового раствора. Это позволяет полагать, что толщина ее не может быть меньше толщины сасанидской стены цитадели, т. е. 2,4 м, так как в момент возведения сасанидской фортификации древняя стена возвышалась над уровнем поверхности того времени не менее чем на 0,3—0,4 м, т. е. сасанидская стена никак не могла быть шире древней, хотя обратное возможно.

Исследование культурных напластований на этом участке (раскопы №№ 14, 21) показало, что здесь древняя стена была заглублена в уже существовавший культурный слой с помощью траншеи. Культурный слой, перекрывающий траншею, включает в себя керамику полностью аналогичную посуде второго слоя албано-сарматского времени, что позволяет отнести строительство этой части древней крепости к периоду начала отложения второго слоя. Эта часть фортификации крепости, появившаяся и албано-сарматское время, отличается от более древних участков ее стен не только конструктивными особенностями, но и новыми традициями фортификационного строительства Дербента. Они характеризуются появлением в крепостной архитектуре его квадратных башен, зафиксированных на участке юго-западной стены крепости (раскоп № 14). По планировке и местоположению эти башни совпадают с башнями-выступами сасанидской цитадели, и, возможно, подобно им, были сплошные.

Полностью аналогичной по конструктивным особенностям и приемам возведения описанной юго-западной части стены крепости, были ее юго-восточные участки. Здесь стена также была тщательно сложена из бутового камня на глиняном растворе и сохранилась в высоту до 0,6—0,7 м. Однако, в отличие от юго-западной, эта часть стены была отделена от основания фундамента сасанидской фортификации культурными наслоениями III—IV вв. н. э. толщиной до 10—12 см, т. е. она непосредственно не служила фундаментом стенам раннесредневековой цитадели. Оси древних и раннесредневековых стен на этом участке не совпадают и юго-восточная часть древней стены несколько отклонена к югу по отношению к оси сасанидской стены (рис. 3). Это позволяет полагать, что граница южной стены крепости этого времени проходила несколько южнее стены цитадели сасанидского времени. Однако, исходя из направления юго-западного и юго-восточного участков стены крепости

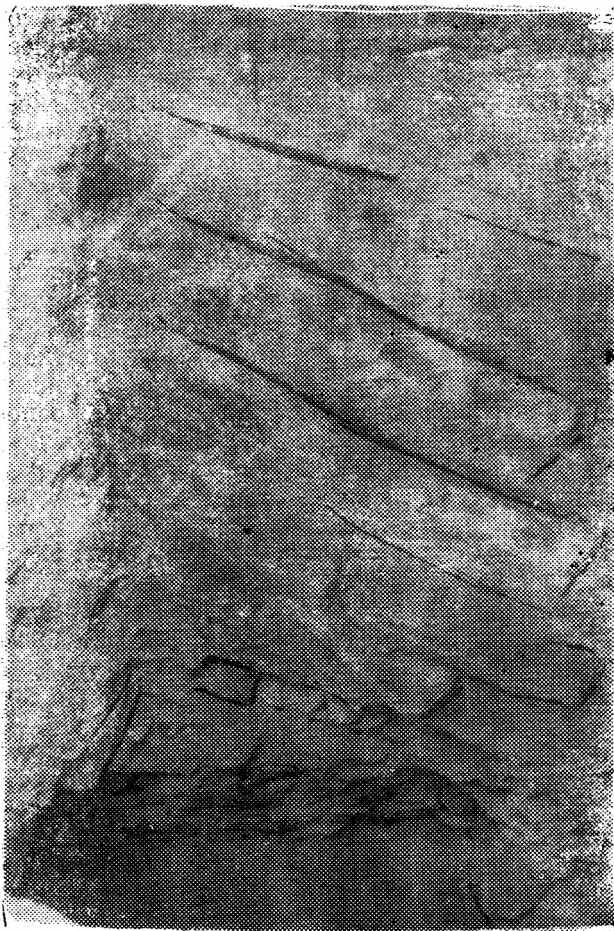

Рис. 3. Древняя (внизу) и раннесредневековая (вверху) стены цитадели Дербента (юго-восточный участок, раскоп № 13).

и рельефа этой местности, можно сказать, что смещение это было весьма незначительным, не более 10—12 м.

То обстоятельство, что юго-восточный участок стены древней крепости, полностью аналогичный по конструктивным особенностям и строительному материалу юго-западному участку, отделен от подошвы сасанидской стены культурными наслоениями и не совпадает с последней по направлению, полностью исключает версию об одновременности возведения сасанидской фортификации и кладки лежащей в ее основании.

Культурный слой, связанный с периодом возникновения и функционирования юго-восточной части стены из бутового камня, включает в себя в основном керамику, аналогичную посуде второго албаносарматского слоя цитадели и слоя, перекрывающего траншею, вырытую для заглубле-

ния стены на юго-западных участках, что позволяет относить время возникновения этой части древней фортификации к периоду начала отложения второго слоя.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что на втором этапе древнейшего периода сложения исторической топографии Дербента мощная крепость, возникшая на холме в конце VIII—начале VII в. до н. э., приобрела уже во всех частях, исключая небольшой южный

участок, ту планировку и конфигурацию стен, которая была полностью воспринята цитаделью раннесредневекового города и сохранилась у нее до сегодняшнего дня.

Бытовая архитектура в отложениях второго слоя албано-сарматского времени представлена весьма широко. Основным строительным материалом при постройках остается камень, но сооружений из него в этом слое обнаружено намного больше, чем в предшествующие периоды. Большая часть строений этого времени группировалась у восточной стены цитадели (раскопы Р-II, № 9). В бытовой архитектуре Дербента этого времени отмечены значительные изменения, связанные с появлением в его застройке многокамерных комплексов²³ и использованием в конструкциях жилых сооружений обработанного камня²⁴. Наличие в слоях албано-сарматского времени архитектурных остатков из отесанного камня служит ярким показателем возросшей техники и приемов обработки камня, свидетельствует о довольно высоком уровне строительного дела у местного населения Дербента этой поры. Свидетельством этого могут служить и находки в стенах домов резных орнаментированных камней²⁵. Однако отсутствие стандартизации в размере отесанных камней и ограниченное применение их в прослойках этого периода указывает на то, что в албано-сарматское время строительное дело не стояло еще на столь высоком уровне, как в сасанидский и средневековый периоды и не достигло столь высокой специализации, как в эти эпохи. Но именно в эту эпоху уходят корни замечательного искусства обработки и резьбы по камню, прославившего позднее город на весь средневековый Восток и не перестающего удивлять очевидцев до сих пор.

Изучение конструктивных особенностей и строительного материала бытовых сооружений Дербента албано-сарматского периода показало, что в основе их возведения лежали уже известные по предшествующему времени строительные традиции. Строения возводили из камня, скрепленного глиняным раствором, в жилищах устраивались глинобитные полы из хорошо утрамбованной глины с обмазкой наружной поверхности обычно более светлой глиной, у одной из стен (чаще западной) устраивался заглубленный в пол очаг. Новым явлением здесь предстают очаги с обкладкой камнями и известковые полы, устроенные по глинобитной основе. Пока обнаружен всего один подобный пол в слоях Дербента досасанидского времени, вскрытый на отметке — 8,3 м в раскопе Р-II²⁶. Толщина пола достигает 2—3 см, основанием ему служила уплотненная глина.

Керамика второго слоя албано-сарматского времени (рис. 4,

²³ Кудрявцев А. А. Первые исследования..., с. 135—137.

²⁴ Кудрявцев А. А. Город..., с. 53; он же. Первые исследования..., с. 136.

²⁵ Кудрявцев А. А. Первые исследования..., с. 136.

²⁶ Кудрявцев А. А. Первые исследования..., с. 137.

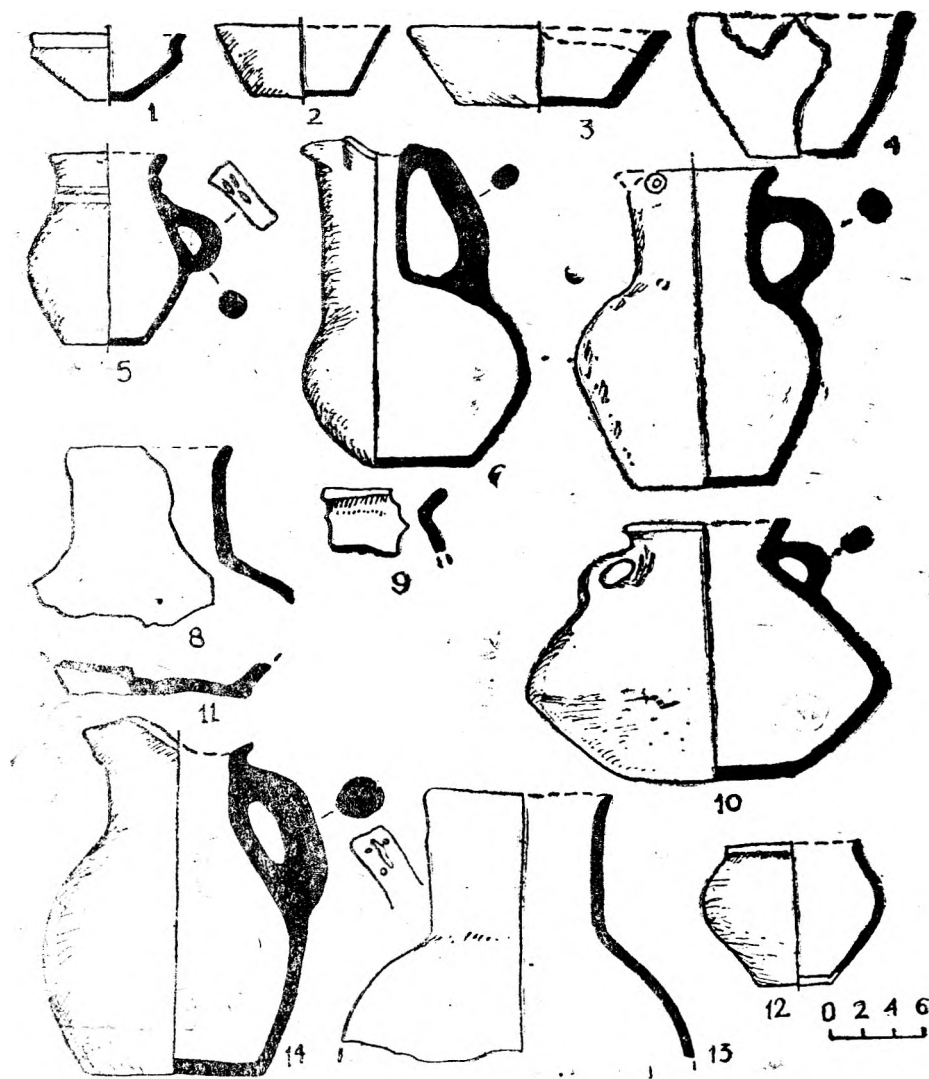

Рис. 4. Керамика Дербента албанского времени (второй этап).

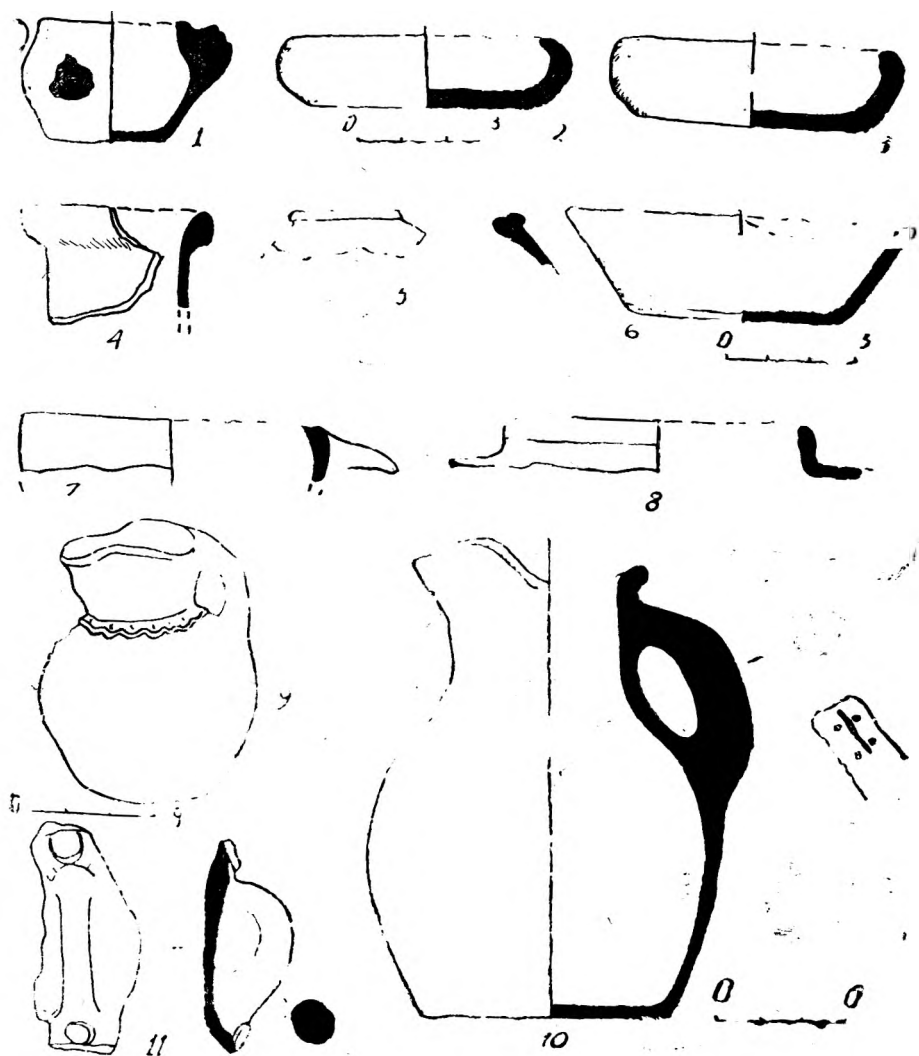

Рис. 5. Керамика Дербента албанского времени (второй этап).

рис. 5) представлена красноглиняными и сероглиняными изделиями, среди которых около 60% составляет лощеная посуда. Полностью аналогичная керамика из ряда захоронений Дербентского могильника²⁷, синхронных времени отложения второго слоя, позволила составить более полное представление о формах посуды этого периода. Всю керамику этого времени можно разделить на столовую, кухонную и тарную. Столовая посуда в основном представлена сероглиняными и красноглиняными кувшинами со сдавленным с боков сливом (типа эпохи), нередко орнаментированным круглыми «пуговичными» налестами, широкогорлым и кувшинами с прямой или несколько конусовидной горловиной, большими грушевидными кувшинами с двумя ручками и маленькими кувшинчиками с одной округлой ручкой или с двумя овальными выступами-держалками (рис. 8—10)²⁸. Иногда встречаются кувшины сильно стилизованных зооморфных форм.

Чаши в основном двух форм: плоскодонные овальной формы с прямым или несколько отклоненным внутрь венчиком и плоскодонные с перегибом в верхней части и сильно отклоненным внутрь венчиком²⁹.

Кухонная посуда представлена в основном тремя типами изделий. Это небольшие, в основном сероглиняные, горшочки округло-вытянутой формы, с узким дном и широким прямым устьем, с овальными выступами-держалками по бокам или без них. Иногда встречаются фигурные ручки-выступы, крепящиеся вертикально.

Другой тип кухонной посуды представляет плоскодонные котлы вытянутой формы с широким прямым устьем и слабо изогнутыми стенками, к верхней части которых крепятся овально-острые ручки-держалки. Еще один тип кухонной посуды представлен сероглиняными плоскодонными котлами овально-ладьевидной формы с слабо выпуклыми стенками и отклоненным внутрь венчиком устья. К верхней части стенок котла крепятся овально-заостренные плоские ручки-держалки³⁰.

В тесте котлов имеется значительное количество добавок в виде морского песка и мелко толченой ракушки.

Тарная керамика представлена красноглиняными сосудами в основном двух типов: крупными, до 1 м высотой, сосудами с округлым яйцевидным туловом и прямой или несколько конусовидной, довольно широкой горловиной; более приземистыми, высотой до 0,4—0,5 м, сосудами с сильно расширенным в центральной части, грушевидным туловом и невысокой, несколько раструбовидной горловиной, по бокам которой крепятся две небольшие округлые ручки³¹.

Одной из наиболее характерных особенностей керамики этого

²⁷ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др. Исследования в Дербенте. — АО—1977. М., 1978, с. 125.

²⁸ Кудрявцев А. А. Первые исследования..., с. 142—146.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 145.

³¹ Там же, с. 142—146.

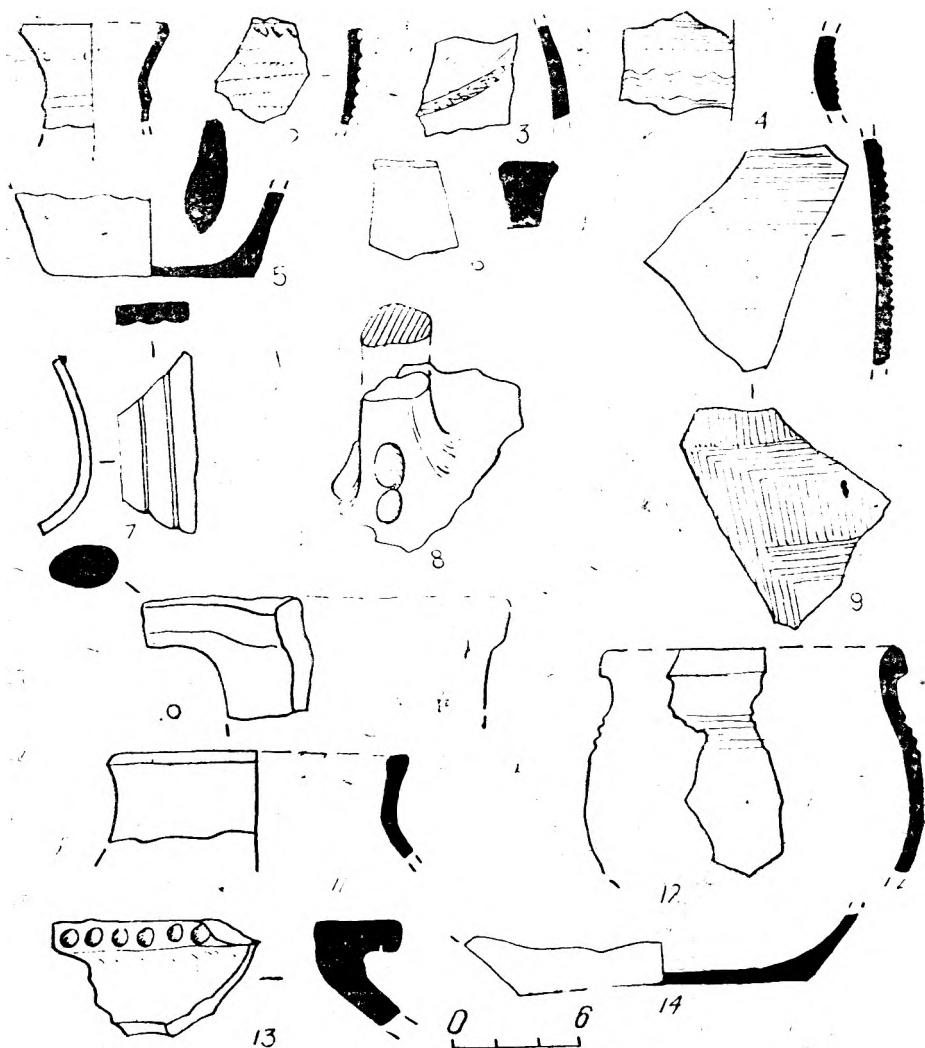

Рис. 6. Керамика Дербента позднеалбанского — раннесредневекового времени (второй этап).

времени является широкое распространение в столовой и, в меньшей степени, в тарной посуде красного специфического ангобного покрытия. Наряду с красным ангобом применялся и белый, но белоангобированные изделия получили меньшее распространение. Красноангобированные изделия покрывались обычно лощением, наряду с ними продолжает существовать и серолощенная посуда³².

Орнаментация керамики этого времени довольно проста, в основном это «пуговичные» налепы, иногда насечки на ручке и вдавленно-прочерченные линии на тулове. Но большинство керамики вообще не украшалось, а лишь покрывалось специфическим ангобным покрытием и лощением, которые выступают в орнаментации посуды этого времени на первое место. Тесто посуды этого слоя красное, светло-коричневое, с примесями шамота или серое более высококачественное, без грубых примесей.

Керамика аналогичных форм и приемов орнаментации была широко распространена на памятниках Дагестана I—III вв. н. э.³³ Большое сходство посуда второго слоя албано-сарматского времени Дербента находит в материалах памятников Азербайджана II в. до н. э.—II в. н. э.³⁴, что указывает на несомненное сходство представленной на них культуры. Это позволяет датировать время отложения второго слоя рубежом н. э.—III в. н. э. Подобная датировка слоя подтверждается и находками в хорошо стратифицированных строительных остатках его (уровни полов) железных трехлопастных черешковых наконечников стрел³⁵, характерных для племен сарматского круга и находящихся прямые аналогии в материалах Таркинского и Карабудахкентского могильников I—III вв. н. э.³⁶, в могильниках Прикубанья³⁷ I в. до в. э.—II в. н. э., в позднекангуйских слоях Кой-Крылган-Калы³⁸. К этому же периоду относятся многочисленные пастовые, каменные и стеклянные

³² Там же

³³ *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 226—272, рис. 19, 20—22; *он же.* Грунтовые могильники..., с. 170—215, рис. 3; рис. 5; рис. 10; рис. 21—22; рис. 24; рис. 26; рис. 32—33 и др.; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 114—172, рис. 25, 28, 29; *Маммаев М.* Знаки на керамике Урцекского городища.— МАД, Махачкала, 1973, т. III, с. 89, рис. 1; *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 113—115, табл. III.

³⁴ *Казиев С. М.* Археологические памятники в Мингечауре.— МКА, Баку, 1949, т. I, с. 71—86, рис. 4, 6; *он же.* Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960, табл. V; XII, XIV; XX—XI; *Исми-заде О. Ш.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, табл. XII, XIV, XV—XVIII, XXI и др.; *он же.* О раскопках на холме Кара-тепе. В 1957 г.— МКА, Баку, 1962, т. IV, с. 171—199, табл. IV, VIII, X.

³⁵ *Кудрявцев А. А.* Первые исследования..., с. 144.

³⁶ *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 261, рис. 17, 4—5; 18, 1; *он же.* Грунтовые могильники..., с. 213—218, рис. 38, 39.

³⁷ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 191, 199, рис. 18, 4—5.

³⁸ *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода.— В кн.: Керамика Хорезма.— Тр. ХАЭ, т. IV, М., 1959, с. 124—125, рис. 26.

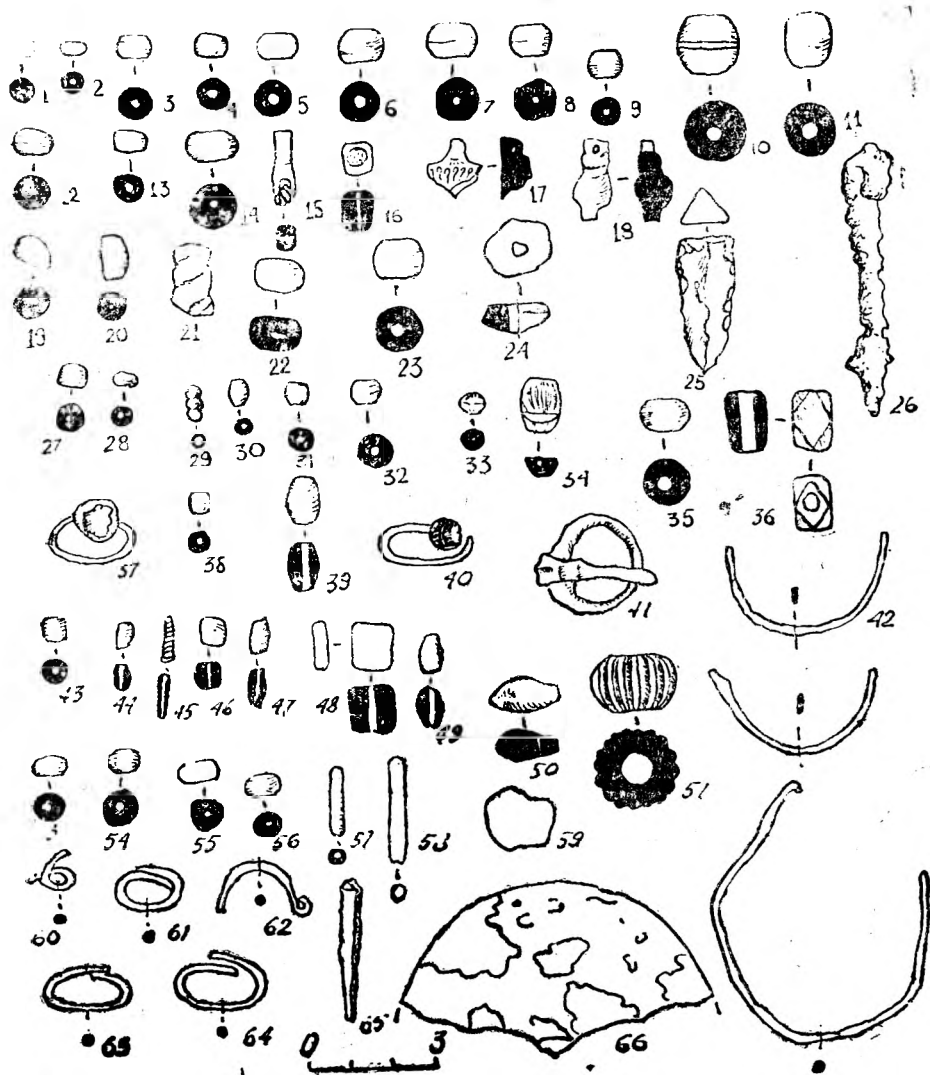

Рис. 7. Украшения Дербента албанского времени (второй этап).

бусы, предметы украшения, пряжки и браслеты, обнаруженные в слое и синхронных ему захоронениях могильника (рис. 7, рис. 11) ³⁹.

Второй слой албано-сарматского времени был перекрыт сверху второй стерильной прослойкой светло-желтого грунта без культурных остатков, толщиной около 10—12 см, документирующий, вероятно, определенный период запустения в восточной и южной частях территории крепости. Над этой прослойкой лежал последний культурный слой

Рис. 8. Красноглиняный сосуд албанского времени (второй этап).

в досасанидских напластованиях Дербента, отложившийся в период непосредственно предшествовавший началу фортификационного строительства сасанидского Ирана в проходе.

Слой позднеалбанского-раннесредневекового времени резко отличается по структуре от нижележащей стерильной прослойки по цвету и структуре и представлял собой плотный серый грунт толщиной до 0,6—0,7 м, насыщенный архитектурными остатками, керамикой, угольками, золой, костями животных и другими материалами.

Проследить примыкание этого слоя к внутренней грани восточной стены древней крепости не удалось, так как она здесь в значительной степени разрушена и перекрыта слоем уплотненной засыпки с керамикой, аналогичной по формам и

приемам орнаментации посуде этого слоя. Возможно, что данная засыпь является остатками земляного вала, использованного в фортификации Дербента на последнем этапе существования досасанидской крепости. Но не исключено, что данная засыпь была сооружена для глинобитного основания сырцової стены сасанидского времени, лежащей непосредственно над этой засыпью. Структура засыпи и керамический материал, обнаруженный в ней, не позволяют достаточно обосновано судить об этом и вопрос о наличии в фортификации Дербента досасанидской поры земляных валов остается пока проблематичным. Земляные валы существовали на памятниках этого периода в Северном Дагестане,

³⁹ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентской экспедиции в 1977 году.—РФ ИИЯЛ, № 461, с. 13—33, альбом, погреб. №№ 10—13.

например защищали с напольной стороны Андрей-аульское городище прикрытого в остальных местах рекой и глубокими оврагами⁴⁰, но вопрос о наличии подобных валов в фортификации Дербента в настоящее время не может быть решен.

Бытовая архитектура этого времени мало чем отличается от построек предшествующего периода. Основным строительным материалом остается бутовый камень, скреплявшийся глиняным раствором. Планировка и строительные приемы возведения жилищ, конструкция полов, перекрытий, очагов, дверей построек этого времени в основном аналогичным постройкам, выявленным во втором слое албано-сарматского времени, что свидетельствует об общности строительных традиций их обитателей.

Рис. 9. Чернолощеные сосуды албанского времени (второй этап).

Подобная преемственность отмечена и при анализе массового керамического материала, который имеет большое сходство с посудой, типичной для гончарных изделий Дербента и других памятников Дагестана албано-сарматского времени и с керамикой, получившей распространение в Дагестане в IV—VI вв. н. э. (рис. 6).

Большую часть ее по-прежнему составляет красноглиняная посуда со специфическим красным, реже бардовым, ангобным покрытием и сероглиняные изделия, среди которых сильно сокращается количество лощеных сосудов. Отмечено увеличение, особенно в верхней части слоя, числа фрагментов керамики с темно-серым, порой почти черным

⁴⁰ Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрей-аульское городище. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974. с. 122—123, 135.

тестом, в составе которой много добавок в виде мелко толченой ракушки, морского песка, а иногда и кварца. В орнаментации посуды широко применялись наклепные расчлененные валики, вдавленно-прочерченные волнистые и прямые линии, каннелюры, налелы, зооморфные сливы и горловины кувшинов.

Приемы орнаментации и формы керамики этого слоя типичны для посуды памятников Дагестана III—IV вв. и IV—VI вв. н. э., что позволяет датировать время отложения этого слоя, завершающего второй этап формирования древнего периода исторической топографии Дербента, IV—нач. V в. Правомерность подобной датировки подтверждается

Рис. 10. Серолощенный сосуд албанского времени (второй этап).

и стратиграфическим положением этого слоя, перекрытого сверху напластованиями сасанидского периода с сырцовой архитектурой и керамикой, характерной для V в., а также находками в этом слое предметов вооружения и украшения, типичных для III—IV вв. н. э.

Таким образом, изучение древнейшего периода развития Дербента показало, что формирование исторической топографии средневекового города началось задолго до проникновения в район прохода сасанидского Ирана и широкого фортификационного строительства, начатого им здесь. В период конца VIII — начала VII в. до н. э., характеризовавшийся усилением проникновения кочевников в Переднюю Азию через Кавказ, на вершине дербентского

холма, обживаемой еще с эпохи ранней бронзы, а возможно, и энеолита, возникла мощная крепость со стенами из бутового камня, уложенного «насухо» с земляной засыпью.

Основная часть территории и планировки этой крепости, возникшей в период повышения активности кочевых племен степей Северного Причерноморья и Предкавказья, вошли в территорию и планировку цитадели средневекового города.

Несмотря на значительные трудности становления этого укрепленного пункта, расположенного у важнейших «ворот» Кавказа, о чем

свидетельствуют неоднократные следы пожаров, зафиксированные в его культурных отложениях этого времени, он сохранил на протяжении всего древнейшего периода развития планировку и конструктивные особенности основной части своих фортификационных сооружений.

В результате археологических исследований на дербентском холме удалось выделить два этапа формирования планировки древнейшего ядра города — его цитадели — одной из основных составных частей городской структуры Дербента средневековой поры.

Первый этап был связан с возникновением и развитием в северо-восточной части холма мощной крепости со стенами из бутового камня, уложенного «насухо», около которой сформировалось крупное поселение. В это время начала складываться и застойка крепости, группировавшаяся в восточной и южной частях ее. Этот этап древнего периода формирования исторической топографии Дербента хронологически укладывается в рамки VIII—VII—I вв. до н. э.

В связи с выделением первого этапа в формировании топографии города любопытно отметить, что многочисленные восточные и местные средневековые источники и легенды упорно относят возникновение Дербента

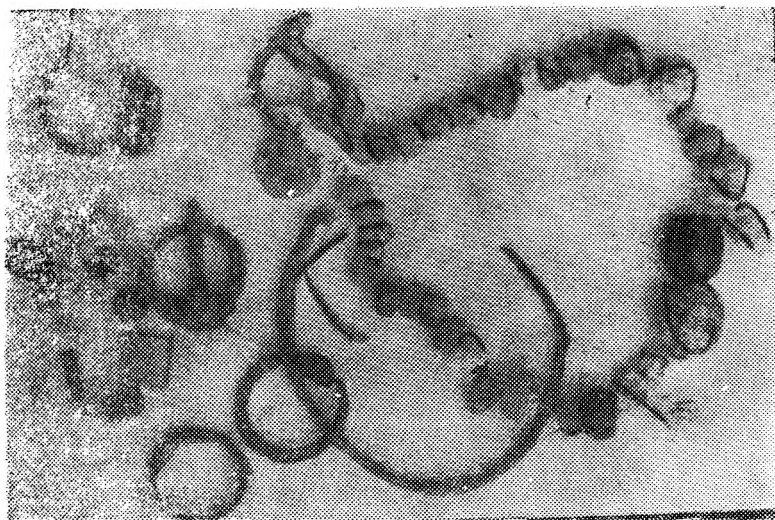

Рис. 11. Украшения Дербента албанского времени (второй этап.)

бента ко времени этого древнейшего этапа его развития. Многие из них не только называют весьма точную дату возникновения древней крепости — VIII в. до н. э. — но и определенно указывают ее местонахождение — вершина дербентского холма. Без специальных исследований

затруднительно интерпретировать происхождение сюжетов, лежащих в основе этих данных и судить об источниках информации авторов подобных сообщений, большая часть которых носит явно легендарный характер. Однако совпадение ряда сведений письменных источников с данными археологических исследований, материалы которых до работ Дербентской экспедиции не могли быть известны, позволяет предполагать, что в основе большинства средневековых сообщений о возникновении Дербента в глубокой древности лежал реальный исторический факт, значительно переосмысленный последующими поколениями.

Второй этап древнего периода формирования исторической топографии Дербента был связан с дальнейшим развитием фортификационных сооружений на вершине холма и застройкой территории крепости.

В это время происходят некоторые изменения в планировке древней крепости и перестраиваются юго-западный и юго-восточный участки ее стен. Это было, видимо, связано с необходимостью усилить не защищенную рельефом, наиболее доступную, южную сторону крепости. Любопытно отметить, что и в средневековое время основные перестройки фортификации цитадели, с целью ее усиления, коснулись главным образом участков южной стены. Однако второй этап формирования топографии цитадели города характеризовался не только изменением конфигурации южной стены древней крепости, но и значительными новшествами в фортификационном строительстве, свидетельствовавшими о большом прогрессе, достигнутом в этой области. В оборонительных сооружениях Дербента этого времени появились квадратные башни, а крепостные стены стали возводиться из тщательно уложенного бутового камня на глиняном растворе, что позволило уменьшить их толщину без ущерба прочности конструкции сооружения.

От фортификационных сооружений первого этапа, уложенных прямо на древнюю поверхность вершины холма, новые стены отличались заглублением нижней части кладки в грунт с помощью траншей и применением новых строительных приемов их возведения. Довольно небрежная выкладка самых ранних стен цитадели, скрепленных земляной засыпью, характерная для первого этапа, заменяется в конструкциях стен, выстроенных на втором этапе развития Дербента, кладкой, отличающейся тщательностью исполнения и высоким качеством.

Появление в фортификации Дербента этого времени квадратных башен, ранее не свойственных его оборонительным сооружениям, свидетельствует о значительных достижениях его обитателей в области искусства фортификационного строительства, стоявшего здесь в это время на достаточно высоком уровне.

Большие изменения происходят и в застройке крепости. Здесь, наряду с простыми, небольшими жилищами, появляются многокомнатные жилые комплексы значительных размеров. Группируются эти комплексы только в восточной части крепости, у крепостной стены. С этого времени и до позднего средневековья данная территория становится местом ин-

тенсивной застройки крупными архитектурными комплексами, включавшими и дворцовые сооружения средневековых правителей города. На этом этапе в бытовых сооружениях Дербента впервые появляются обработанный камень, из которого возводились отдельные строения в восточной части цитадели.

Планировка и значительные размеры жилых комплексов в восточной части крепости, намного превосходящих жилища остальной территории холма, использование в строительстве сооружений, расположенных здесь, обработанных и отдельных резных камней, может служить показателем значительного социального неравенства среди населения Дербента этого времени, нашедшего отражение в бытовой архитектуре. Находки в культурных слоях этой части цитадели высококачественной лощенной посуды, предметов вооружения и украшения, импортных растровых, каменных и стеклянных бус, подвесок из обработанных раковин-каури и других ценившихся в эпоху предметов, позволяет говорить и выделении восточной части крепости в особый привилегированный район, обитатели которого стояли на более высокой социальной ступени, чем все остальное население дербентского холма.

О значительном уровне социального расслоения имущественной дифференциации обитателей дербентского холма на втором этапе развития свидетельствуют и материалы могильника этого времени. Здесь четко выделяются богатые и бедные захоронения. В первых погребенного в загробный мир сопровождали: богатый инвентарь, предметы вооружения и украшения, последние в значительной части своей импортного происхождения, зависимые люди (рабы или военнопленные, жена или наложницы), любимые животные (конь, собака) ⁴¹. Вторые отличались простотой и малочисленностью погребального инвентаря, свидетельствующего о невысоком положении захороненных в них людей ⁴².

Мощная, весьма развитая и сложноплановая фортификация Дербента, его монументальная бытовая архитектура с многокомнатными комплексами из бутового и обработанного камня, довольно высокий уровень социальной дифференциации его обитателей, четко прослеживаемый в бытовых и погребальных сооружениях, этого времени, остатки ремесленного производства, обнаруженного на дербентском холме и находки значительного количества импортных изделий ⁴³, а также монеты, свидетельствующих о развитии здесь ремесла и торговли — позволяют говорить о нем уже не только как об укрепленном пункте у известных «ворот» Кавказа, но и как об одном из самых древних городов Дагестана.

⁴¹ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г. и др. Исследования в Дербенте, с. 125.

⁴² Там же.

⁴³ Кудрявцев А. А. Отчет... за 1977 г., с. 13—85.

В свете археологических исследований становятся более аргументированными и правдоподобными выдвинутые в исторической литературе на основе изучения карты античного историка Птолемея, предположения о локализации на месте Дербента древнеалбанского города Гелды. Этот город указан на карте среди ряда других городов Кавказской Албании, расположенных на побережье Каспийского моря, но локализация и отождествление всех их с конкретными археологическими памятниками весьма затруднительны, так как Птолемей использовал при составлении карты не сохранившиеся до наших дней местные топонимы и гидронимы. Однако, несмотря на значительные расхождения у исследователей при локализации албанских городов, нанесенных на карте Птолемея, большинство из них сходятся во мнении, что Гелда должен был быть расположен в Прикаспийском Дагестане, несколько севернее р. Самура, а А. К. Бакиханов и С. А. Ковалевский помещали его на месте Дербента.

Результаты археологических исследований значительно усилили позиции сторонников подобной локализации Гелды и это, возможно, поможет расшифровке карты Птолемея и локализации других албанских городов, обозначенных на ней.

В процессе превращения мощного опорного пункта на дербентском холме в значительно древний город Северо-Восточного Кавказа решающую роль сыграли дальнейшее социально-экономическое развитие этих областей Кавказской Албании, в состав которой на втором этапе вошел Дербент и активизация с конца первого тысячелетия до н. э. торговых связей между «севером» и «югом» по Прикаспийскому пути.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

В последние два десятилетия особое внимание дагестанских археологов было обращено на изучение крупных бытовых памятников. Начало этому положили многолетние раскопки крупнейшего в приморском Дагестане бытового памятника — Урцекского городища — албано-сарматского и раннесредневекового времени. В результате были подтверждены данные письменных источников о существовании в Дагестане крупных раннесредневековых городов — центров ремесла, торговли и политической жизни. Вслед за ними были начаты раскопки Аркасского и Андреяульского городищ и ряда раннесредневековых поселений Терско-Сулакского междуречья. Под новым углом зрения были осмыслены материалы прежних раскопок раннесредневековых бытовых памятников в районе Верхнего Чирюрта. Большие археологические работы производились в южных областях Дагестана на городище Таргу и Дербенте.

Все это позволило с большей полнотой осветить культурно-историческое развитие населения приморского и предгорного Дагестана в албано-сарматское и раннесредневековое время. Удалось охарактеризовать особенности материальной культуры ряда раннесредневековых государственных образований, таких как царство «гуннов» с центром Варачан, локализуемым на месте Урцеки, княжество Хамрин с центром — Таргу, Хазарский каганат в северном Дагестане, сасанидский и средневековый Дербент.

Разведочные работы, проводившиеся в 60-х годах, позволили поставить вопрос о возможности существования укрепленных поселений городского типа и в горных районах Дагестана. Однако на изучение здесь подобного рода памятников вплоть до начала 70-х годов сколько-нибудь серьезного внимания не было обращено.

Наши представления о культурно-историческом развитии населения раннесредневекового горного Дагестана долгое время базировались на материалах могильников. Это обстоятельство не могло не сказаться на полноте освещения хода культурно-исторического и особенно социаль-

но-экономического развития населения горного Дагестана в указанную эпоху¹.

Для ликвидации этого пробела в изучении горного Дагестана в 1971 году была создана Горная археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР. В течение четырех полевых сезонов 1971—1975 гг. экспедиция производила разведки и раскопки раннесредневековых памятников на территории Левашинского плато, находящегося на границе предгорного и внутреннего Дагестана. Оно представляет собой достаточно изолированную в геоморфологическом отношении область. Со всех сторон плато окружено цепью высоких горных хребтов, которые прерываются в двух местах каньонами рек Герга и Хало-горк. За годы работы экспедиции здесь выявлено и частично исследовано более 15 раннесредневековых городищ, обзору которых посвящена настоящая статья².

Наиболее значительные работы проводились на **Охлинском** городище, выявленном на западной окраине Левашинского плато. С севера и запада эта часть плато окружена горными хребтами, отделяющими внутренний горный Дагестан от предгорного. Городище находится в 2-х км к западу от селения Охли и в 3-х км к югу от селения Ахкент Левашинского района, на левом берегу р. Барцани-тлар (приток р. Герга). Городище расположено на восточной оконечности холма, носящего название «Иваниласул мицир» (гора Иванилава). Оно занимает гребень восточной оконечности холма, а также восточный и южный склоны, общей площадью около 6 га. С западной открытой стороны городища отчетливо видны 3 вала и 3 рва. Менее четко прослеживалось их продолжение на открытой северной и восточной сторонах. На юге городище примыкает к отвесной скале, под которой также видны следы построек, а с востока граничит с оврагом р. Барцани-тлар. К северу от сплошь застроенного холма имеется довольно широкое слегка пологое плато, где, хотя и изредка, также встречаются остатки каких-то отдельных построек (рис. 1).

Поселение, по-видимому, имело важное стратегическое значение. Через его территорию и вдоль него пролегают колеи древних дорог, огражденных вертикально поставленными плитами или каменными стенами. Они еще в XIX—нач. XX в. являлись кратчайшими путями, связывающими внутренний горный Дагестан с предгорьем и приморской плоскостью. У местных жителей они известны под названием «Бол нух», что в переводе с аварского означает «дорога войск» или «войсковая дорога».

Раскопкам были подвергнуты комплексы оборонительных сооружений в западном и северном краях городища, на которых были заложены

¹ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.

² Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Отчеты о работах Горной археологической экспедиции в 1971—1975 гг. Рукопис. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР.

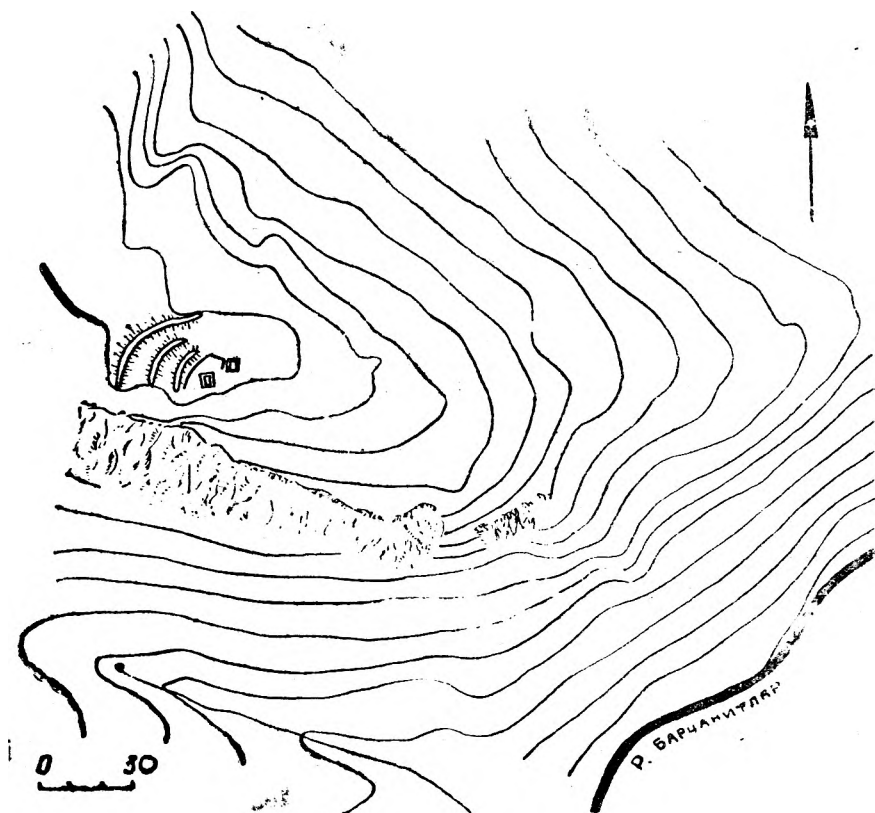

Рис. 1. План Охлинского городища.

три траншеи, а также и территория городища, примыкающая к ним, где четырьмя раскопами вскрыто около 312 м² площади. Раскопками траншей удалось установить, что рвы, окружавшие городище, были вырыты в скальной породе, в результате чего образовались соответственно и скальные валы. Валы, ограждавшие городище с запада, находились на расстоянии 10—12 м друг от друга, глубина рвов от современной поверхности 3,5—4,8 м. На внутреннем вале дополнительно была возведена мощная каменная стена шириной 4,5 м, сложенная как из крупных, так и из мелких камней и плит, без применения скрепляющего раствора. Судя по тому, что заполнение всех рвов состояло из строительного камня, можно предположить, что подобные же стены возводились на всех валах.

Эта тройная линия валов со стенами и рвами в западной части

городища доходит до отвесной скалы, а в восточной части она тянется до крутых склонов холма, которые, возможно, также укреплялись стенами.

Материал, добытый в результате раскопок траншей, заложенных на оборонительных сооружениях (красноангобированная керамика, костяные наконечники стрел), свидетельствует о функционировании оборонительных сооружений в IV—X вв.

На западной окраине городища с внутренней стороны оборонительной стены вскрыты остатки квадратной башни (7×7 м), стенки которой

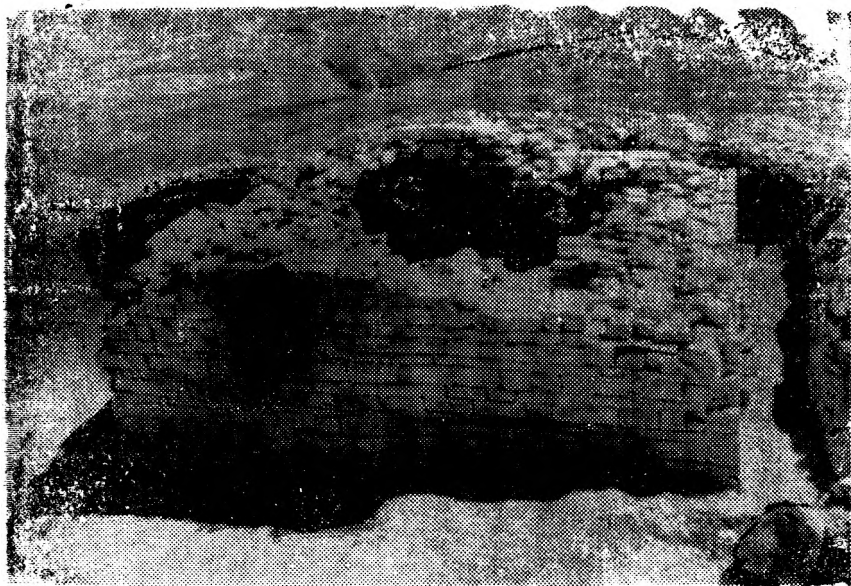

Рис. 2. Охлинское городище. Башня.

сложены из необработанных камней на глиняном растворе. Внутри башни имеются пилястры, на которых, по-видимому, опирались балки межэтажного перекрытия. Позднее стены башни с внешней стороны были облицованы тщательно обработанным известняковым камнем (рис. 2).

К востоку от развала башни были раскопаны строительные остатки, по-видимому, двухэтажного комплекса жилых и хозяйственных помещений, состоящего из трех камер и дворика. Сохранившиеся на высоту более 1 м помещения нижнего этажа не имели дверных проемов. Туда видимо можно было проникнуть только из верхнего этажа и использовали они как кладовые (в них обнаружены хозяйственные

ямы, крупные, врытые в землю сосуды. Полуоткрытый дворик, судя по каменной базе подпорного столба, находившейся в центре, видимо, имел крышу. С северной стороны этого комплекса с запада на восток протекает узкая улица (рис. 3).

В центральной части городища, у северной оборонительной стены, было вскрыто и полностью расчищено помещение квадратной в плане

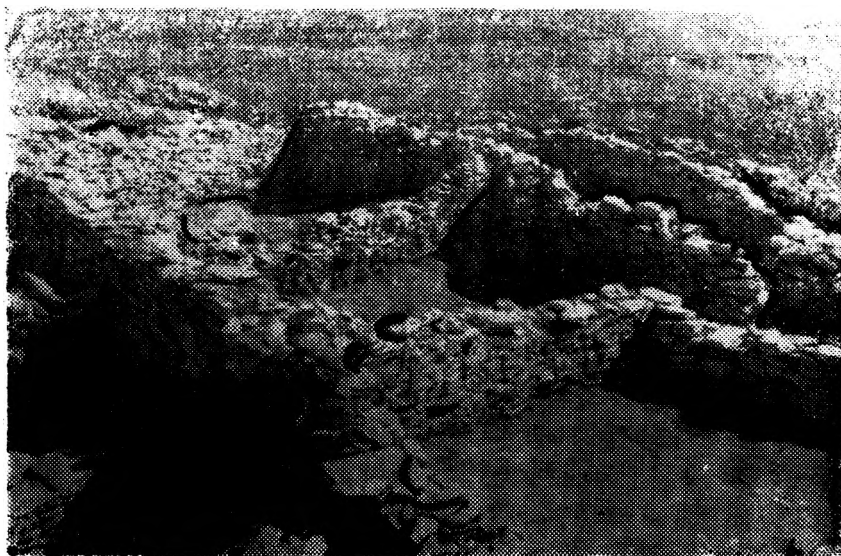

Рис. 3. Охлинское городище. Комплекс строительных остатков на западной окраине городища.

формы, площадью 36 м² (рис. 4). Каменные стены его шириной 60—80 см, сложенные сухой кладкой, сохранились на высоту до 1,5 м. Пол был устлан тонкими плитами. Вдоль южной стены была возведена пристройка (лавка), сложенная из крупных и мелких камней на глиняном растворе. На полу стояли две каменные базы для подпорных столбов. В северной половине помещения находились остатки трех ванн прямоугольной в плане формы. Стенки их сложены из продолговатых каменных плит, поставленных в основании на ребро, а выше — плашмя. В качестве связывающего раствора использована вязкая плотная глина, которой плотно заполнялись щели между камнями. Стенки между плитами также были замазаны глиной. Дно ванн выложено тонкими плитами. В углу помещения находились остатки печи, а рядом лежал раздавленный крупный сосуд из огнеупорной глины (как у кухонных сосудов), служивший, по-видимому, для разогрева воды (рис. 5₁₇).

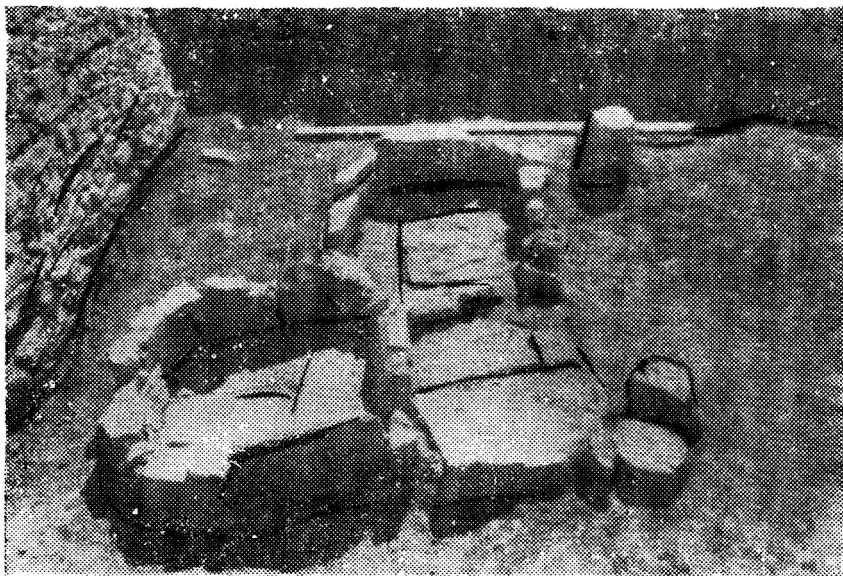

Рис. 4. Охлинское городище. Баня.

Судя по всему, это была баня, о чем свидетельствует слабая насыщенность помещения культурными остатками по сравнению с другими постройками на городище.

Наиболее массовым материалом, полученным в результате раскопок городища, является керамика, которая подразделяется на столовую, кухонную и тарную.

Столовая посуда по отделке внешней поверхности делится на две большие группы: ангобированную и неангобированную. Ангобированная делится на красную и белую.

Среди красноангобированной керамики можно выделить следующие формы: 1) широкие, развернутые приземистые миски, иногда со слегка загнутым внутрь краем, с несквозными проколами на внутренней стороне донца (рис. 5₁₀); 2) кувшины с цилиндрическим горлом, отогнутым наружу краем венчика с коленчатыми или обычными овальнопроежными ручками (рис. 5₁₂₋₁₄). Известны также зооморфные ручки (рис. 6₇); 3) широкогорлые горшки, сосуды с плитчатым поддоном (рис. 6_{3, 4}).

Среди белоангобированной керамики выделяются горшки с широкой невысокой цилиндрической горловиной, кувшин, орнаментированный красной краской в виде горизонтальной полосы, расположенной

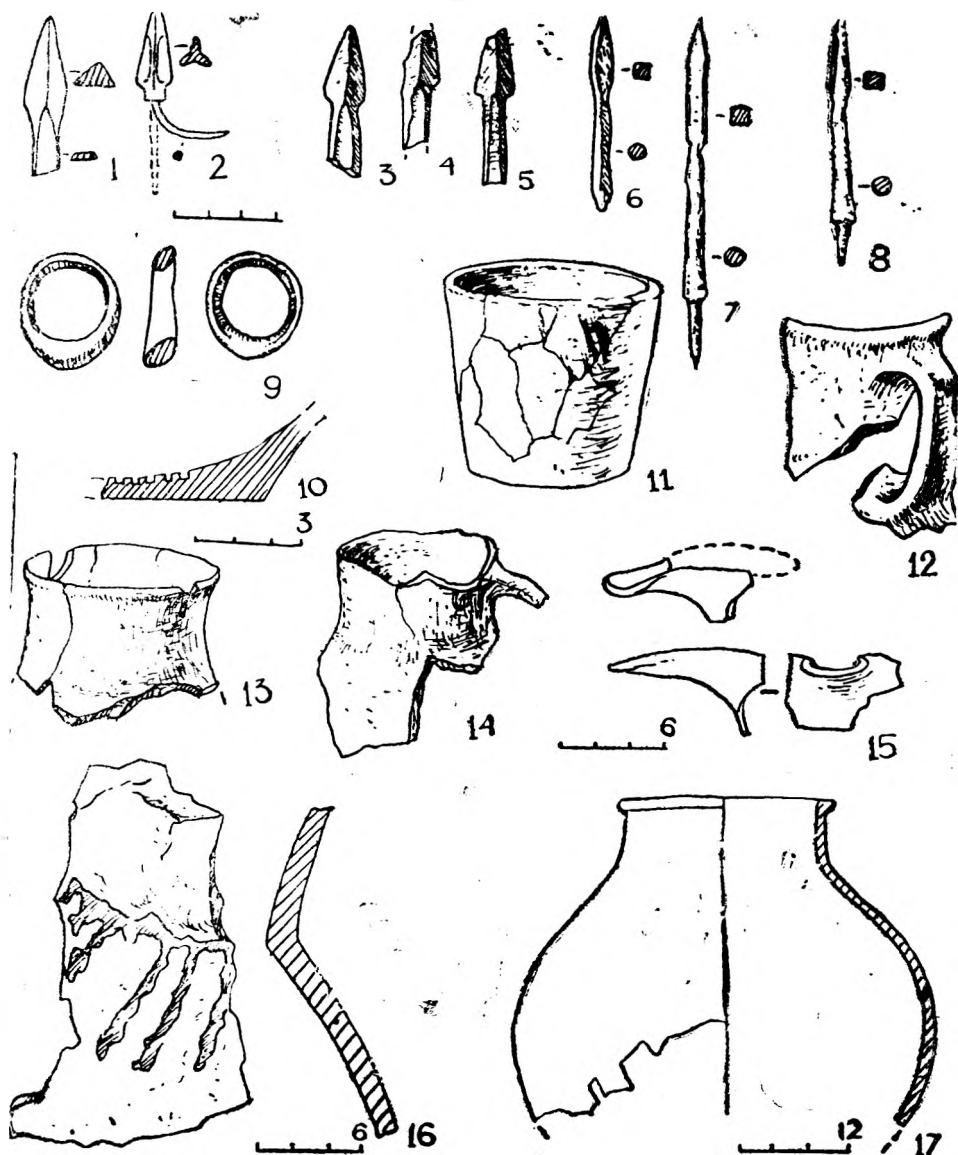

Рис. 5. Охлинское городище. Керамика (10—17), костяные (1, 3—5), железные (2, 6—8) наконечники стрел, костяное кольцо (9).

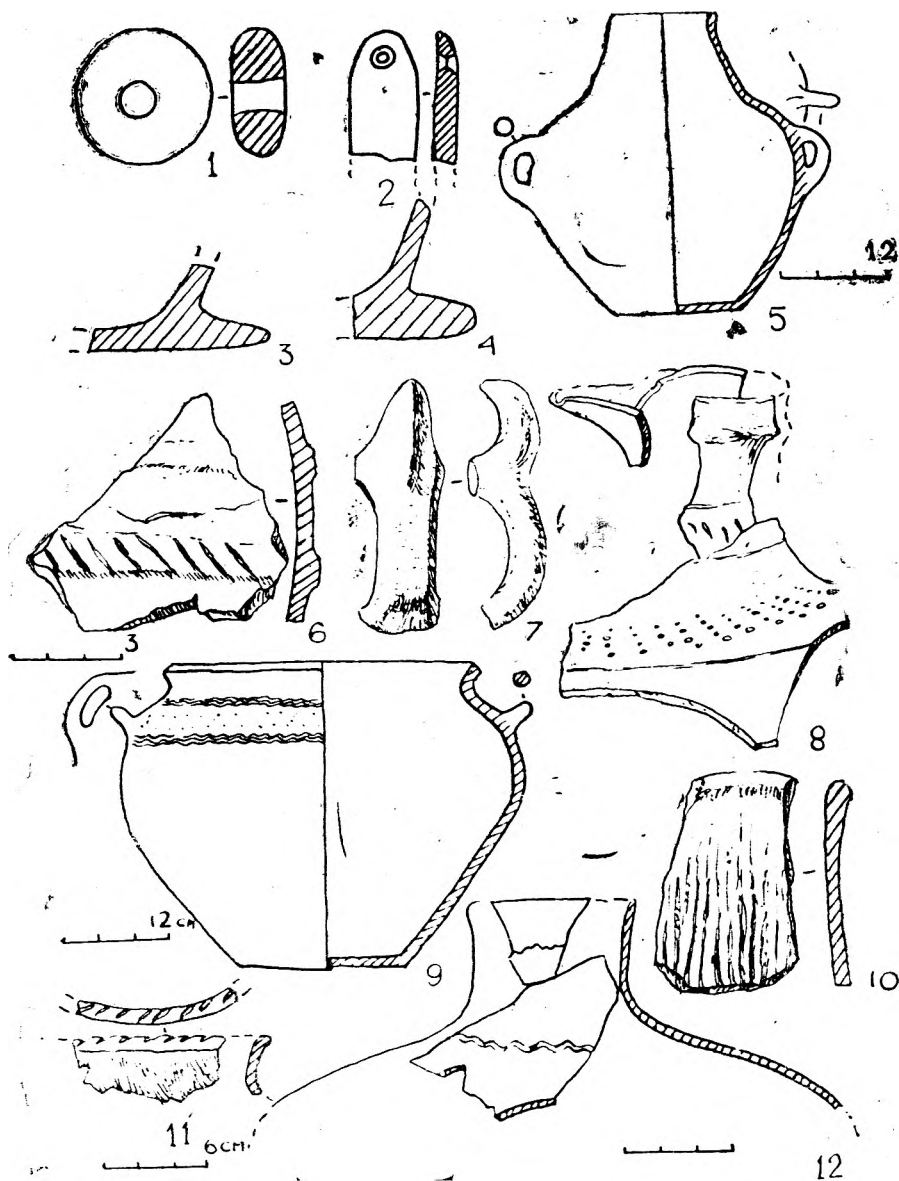

Рис. 6. Охлинское городище. Керамика (3—12), каменный оселок (2) и пряслице (1).

под горловиной и спускающимися от нее вертикальными полосами (рис. 5₁₆).

Неангобированная керамика с тщательно сглаженно или залощенной розовой поверхностью представлена также кувшинами и горшками, украшенными резными линиями, точечными узорами, елочным орнаментом (рис. 5₁₅; 6_{6, 8, 9, 12}).

Серолощенная керамика характеризуется сосудами баночной формы, кувшинами со сливными носиками. Отдельные кувшины имеют каннелюрованные тулова. Орнаментируется эта группа крайне редко (рис. 5₁₁).

Кухонная керамика серого или буроватого цвета с примесями кварца в тесте представлена в основном широкогорлыми горшками со вздутым туловом и баночными сосудами (рис. 6_{6, 10, 11}).

Тарная керамика характеризуется обломками крупных красноглиняных сосудов — хумов с преимущественно заштрихованной поверхностью. Подобные сосуды предназначались для хранения жидкостей и сыпучих продуктов.

Рис. 7. Охлинское городище. Часть каменного сосуда.

В процессе раскопок городища, кроме керамики, обнаружены тщательно выточенные каменные сосуды — миски (рис. 7), зернотерки и круглые жернова, каток для уплотнения покрытия плоских крыш, кремневые изделия, похожие на вкладыши молотильных досок, пряслица, различные предметы вооружения (костяные (рис. 5_{1, 3-5}) и железные наконечники стрел (рис. 5_{2, 6-8}), каменные метательные ядра) и отдельные украшения (бронзовые подвеска и пряжка, пастовые бусы). Интерес представляет находка каменной скульптуры — головы животного, по-видимому, деталь архитектурного декора (рис. 8).

Данные стратиграфии и типологический анализ вещественного инвентаря позволяют определить время и этапы обживания поселения. Выделяются три этапа.

К **первому** этапу относятся строительные остатки, выявленные в нижнем слое стратиграфического раскопа в восточной части городища. На этом этапе возникли и первые оборонительные сооружения вокруг поселения. Для этого времени характерна из столовой керамики ангобированная красная и белая. Совершенно не встречается в насло-

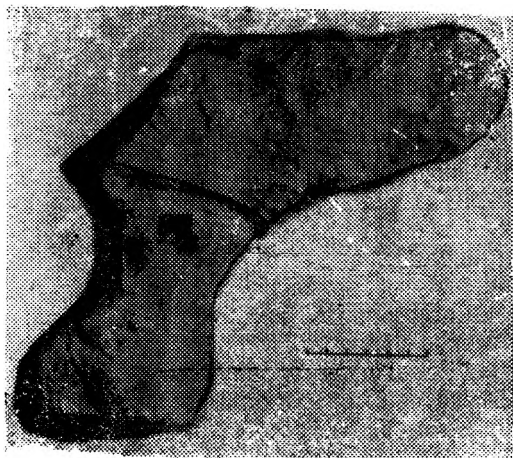

Рис. 8. Охлинское городище. Скульптурное изображение головы животного.

ниях этого этапа неангобированная лощеная керамика розоватого цвета.

Как известно, ангобированная керамика (красная и белая) широко была распространена в Дагестане в албанско-сарматское время. В частности, в горном Дагестане красноангобированная керамика известна из поздних слоев Хабардинского могильника (I—III вв. н. э.)³, Гочатлинского (I в. до н. э. — III в. н. э.)⁴, Гапшминского (III—VII вв. н. э.)⁵ могильников, а в предгорном и плоскостном Дагестане — в Большом Буйнакском кургане (III—V вв. н. э.)⁶, Мамай-кутанском мо-

гильнике⁷, Урцекском городище⁸. Костяные трехгранные наконечники стрел с плоским черешком были найдены на Урцекском городище. На основе этих параллелей первый период Охлинского городища может быть отнесен к I половине I тыс. н. э., точнее к III—V вв. н. э., что соответствует новой хронологии Большого Буйнакского кургана.

Ко второму этапу относятся наслоения, вскрытые в верхнем горизонте стратиграфического раскопа, культурные слои в бане, комплекс строительных остатков в западной части городища (остатки двухэтажного дома). Продолжали функционировать и оборонительные сооружения. На этом этапе появилась, возможно, ранняя башня, а также, что особенно характерно, сочетание красноангобированной и розовой керамики. Из других находок следует отметить железный трехлопастный наконечник стрелы.

Для определения хронологических рамок второго периода важно выяснить время появления розовой керамики. В Большом Буйнакском кургане подобная керамика не встречена даже в самых поздних

³ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 128—131.

⁴ Там же, с. 131—133.

⁵ Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II, Махачкала, 1961, с. 281—282.

⁶ Абрамова М. П. Буйнакский курган. — В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 115—124.

⁷ Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана. — МАД, т. I, Махачкала, 1959, с. 145—148.

⁸ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албанско-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис... канд. ист. наук, Махачкала, 1970, с. 6—9.

комплексах. Такая керамика сосуществовала с красноангобированной в раннесредневековых слоях Урцекского городища⁹. В большом количестве розоватая керамика встречается в Агачкалинском могильнике VII—IX вв.¹⁰. Конец этого периода, видимо, совпадают с временем исчезновения ангобированной керамики, которое, скорее всего, относится к IX—X вв. н. э. К концу этого периода относится и трехлопастный железный наконечник стрелы. Подобные наконечники были распространены с конца I тыс. до н. э. и до IX в. н. э. включительно. В начале X в. они исчезают¹¹. Исходя из этого, второй этап обживания Охлинского городища может быть определен рамками V—X вв. В конце этого периода, по-видимому, поселение постепенно было оставлено. После этого здесь продолжала функционировать, возможно, лишь сигнальная башня. Об этом, в частности, свидетельствует также то, что на Охлинском городище совершенно не представлена поливная керамика, а также керамика, изготовленная на быстро вращающемся круге, которые, судя по раскопкам Нижнечуглинского городища, на этой территории появляются не позднее X в. н. э.¹²

К третьему этапу относится поздняя башня, время функционирования которой определяется найденными в ней и вокруг нее предметами вооружения¹³. Так, железные черешковые бронебойные наконечники стрел с пирамидальной головкой и длинной шейкой были распространены на Руси в X и XI вв. н. э.¹⁴ Отдаленное сходство они имеют также с наконечниками стрел XII—XIII вв., происходящими, в частности, из Волжской Болгарии¹⁵.

Предохранительные кольца лучников были распространены в средневековых археологических памятниках Северного Кавказа, Поволжья и Средней Азии в XIII—XIV вв., т. е. после монгольского нашествия¹⁶. На Северном Кавказе оно найдено в кургане XIV в. у станицы Белореческая в Прикубанье¹⁷, несколько железных и костяных колец найдено в Нижнем Поволжье при раскопках столицы Золотой Орды¹⁸, в слоях золотоордынского времени городища Сарайчик в Западном Казахста-

⁹ Там же.

¹⁰ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, 45, 1952.

¹¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострелы VIII—XIV вв.—САИ, вып. 36, М., 1966, с. 59.

¹² Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Нижнечуглинское городище.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 108—114.

¹³ Абакаров А. И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 256—261.

¹⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие, с. 81—82.

¹⁵ Там же, с. 82.

¹⁶ Абакаров А. И. Некоторые предметы..., с. 259.

¹⁷ Веселовский Н. И. Раскопки в Кубанской области в 1896 г. ОАК за 1896 г., с. 26, рис. 128.

¹⁸ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 149.

не¹⁹, в Волжской Болгарии²⁰, в средневековых слоях городища Таш-Кала в Туркмении²¹. Исходя из этого, башня на территории Охлинского городища может быть датирована X—XIV вв. н. э.

Что касается культурной принадлежности Охлинского городища, то оно больше тяготеет к кругу памятников предгорных и прикаспийских районов центрального Дагестана, отличающихся по представленной в них культуре от памятников Терско-Сулакского междуречья²². В отношении топографии и планировки Охлинское городище в какой-то степени сближается с городищем Таргу, на среднем течении р. Гамри-озень²³ и с Урцекским городищем.

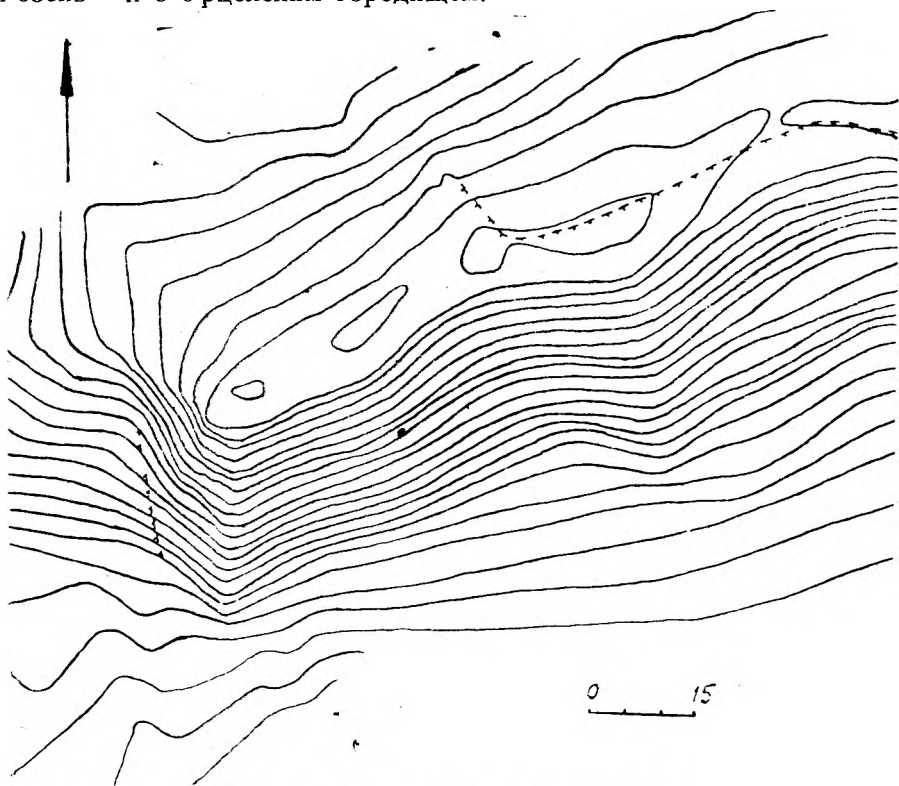

Рис. 9. План городища Меседил мицир.

¹⁹ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 137, табл. 1.

²⁰ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 27, рис. 43.

²¹ Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958, с. 526.

²² Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 3.

²³ См. настоящий сборник: Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу, с. 57—82.

На остальных поселениях Левашинского плато, за исключением Нижнечуглинского, раскопки не производились. О них мы судим по данным разведочного обследования.

Городище Меседил мицир расположено в 700 м к С-В от Охлинского, на левом берегу р. Барцани-тлар. Холм, на котором расположено городище, носит название «Меседил мицир», что в переводе с аварского означает «Золотая гора». Строительные остатки городища расположены на вершине холма, а также на южном и западном склонах на площади около 2 га. В восточной части этого холма в отдельных местах имеются остатки оборонительных стен, ограждающих городище. Они тянутся с севера на юг через вершину холма по его южному склону до колеи древней дороги на правом берегу р. Барцани-тлар (рис. 9).

На поверхности городища собрана коллекция керамики, в которой, наряду с керамикой, типичной для Охлинского городища, встречаются более архаические черепки, как например, обломки серолощенных сосудов с внутренней штриховкой, характерные для рубежа первых веков н. э. Это свидетельствует о том, что поселение здесь возникло несколько раньше, чем Охлинское, в албано-сарматское время.

Городище Сукара находится на расстоянии 1 км к югу от селения Ахкент Левашинского р-она. Оно занимает небольшой холм под названием Сукара. С северной стороны холма находится отвесная скала, с востока — крутой, а с юга — более пологий склоны. С западной, наиболее открытой стороны городища, отчетливо заметны два вала и два рва. Менее четко они прослеживаются с южной и восточной сторон городища. Валы и рвы ограждают центральную часть городища, т. е. ту часть ее территории, которая занимает верхнюю площадку холма.

Строительные остатки заметны и за пределами оборонительных сооружений на южной и восточной склонах холма. У подножья восточного склона по ложбинке проходит дорога, идущая в сторону Охлинского городища и мимо него во внутренний горный Дагестан. С северной стороны под скалой также заметны строительные остатки, в том числе остатки двух валов. Городище занимает около 1,5 га площади (100×150 м) (рис. 10).

Подъемный материал, собранный на городище, состоит из керамики, характерной для албанского и раннесредневекового времени. Следует отметить, что здесь среди подъемного материала, кроме обычной раннесредневековой керамики, имеется также серолощенная с внутренней штриховкой. Подобная керамика, как уже отмечалось, совершенно отсутствует на Охлинском городище, зато хорошо представлена в подъемном материале городища Меседил мицир, возникшего в албанское время. На основании этих данных городище Сукара следует отнести к I тыс. н. э.

Ахкентское городище находится у верховьев реки Герга, в 4-х км к западу от селения Ахкент Левашинского района, у колхозной фермы.

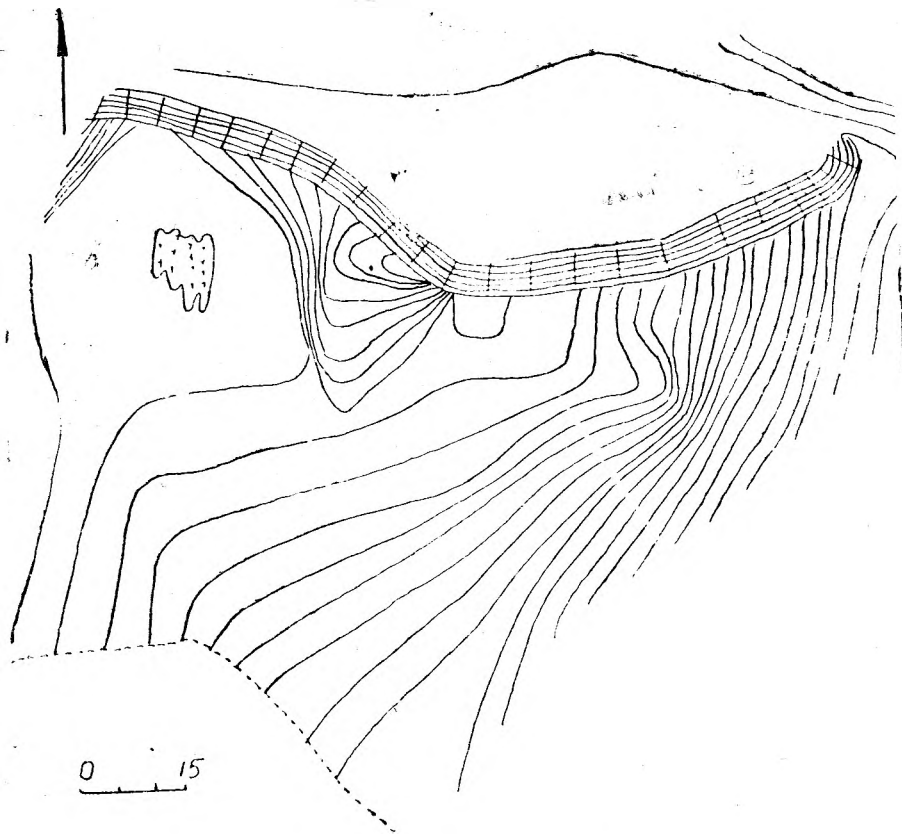

Рис. 10. План городища Сукара.

Городище занимает два холма, вытянутых с севера на юг, отделенных друг от друга оврагом (рис. 11).

Западный холм представляет собой довольно высокий мыс, образованный р. Герга, с одной стороны, и оврагом, с другой. Протяженность холма с севера на юг ок. 100 м. С северной стороны городище ограждено тремя валами и тремя рвами. Глубина внутреннего рва около 2,5 м. К югу от внутреннего вала на месте, где обычно располагается башня, имеется скальная платформа. На верхней площадке холма, южнее скальной платформы для башни, отчетливо прослеживаются воронкообразные углубления — следы помещений. С западной стороны верхняя площадка данного холма заканчивается крутым скальным об-

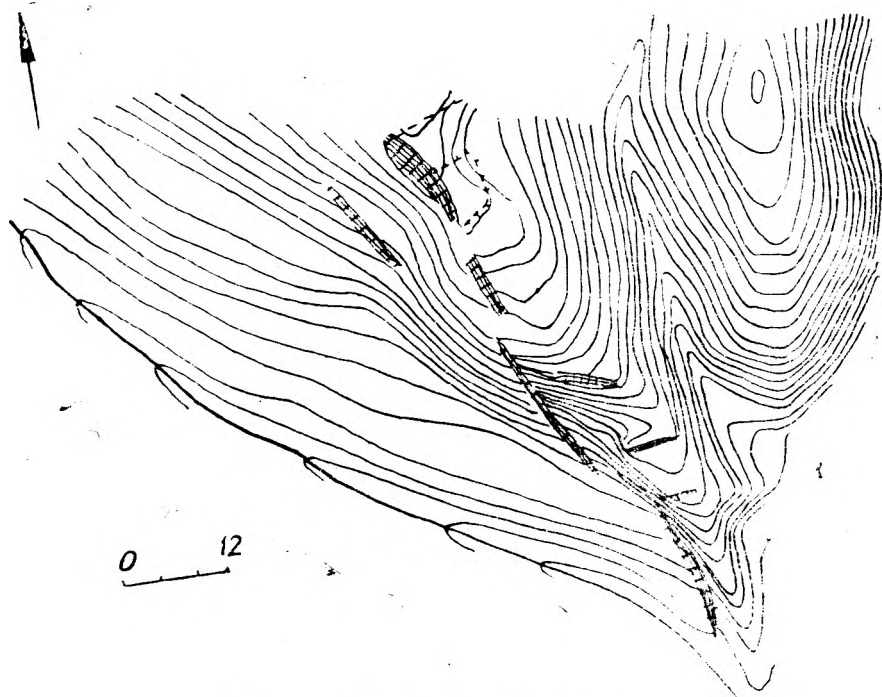

Рис. 11. План Ахкентского городища.

рывом. Под скалой на склоне, круто спускающемся к руслу Герга, прослеживаются поперечные и продольные стены, образующие ступенчато расположенные друг над другом ряды домов.

На всей территории первого холма встречается большое количество обломков керамики, среди которых подавляющее большинство принадлежит белоангобированной посуде. Второй (восточный) холм, на котором расположена часть городища, имеет довольно крутые склоны. С северной, открытой стороны, городище ограждено двумя рвами и валом. Глубина рвов около 2,5—3 м.

На поверхности холма строительные остатки почти не прослеживаются. Собранная на склонах керамика аналогична керамике с первого холма и в целом характерна для позднеалбанского и раннесредневекового времени.

На окраине Ахкентского городища, к юго-западу от него, находится раннесредневековый могильник из каменных склепов.

Кулецинское городище находится к востоку от селения Кулецма на левом берегу р. Герга, в местности под названием «Росдал гох»

(в переводе с аварского «Сельский холм»). Городище занимает довольно значительное по площади плато, огражденное с южной стороны обрывистыми скалами. С восточной стороны плато имеет более пологий склон (рис. 12).

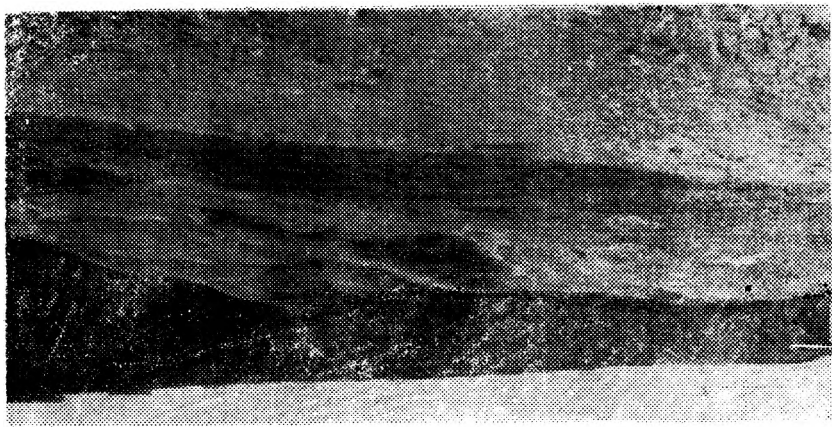

Рис. 12. Кулецминское городище.

Основная территория городища находится над скалистыми обрывами на южной половине плато. Здесь ближе к восточной границе городища находится круглое возвышение (цитадель?), окруженное двумя валами и двумя рвами, диаметром около 80 м. Такое же холмообразное возвышение, диаметром ок. 30 м, огражденное также валом и рвом, находится у западного края плато. С открытой северной стороны городище ограждает вал, образовавшийся из развалин крепостной стены. Следы строительных остатков имеются и за пределами оборонительной стены (рис. 13).

Коллекция керамики, собранная на Кулецминском городище, аналогична охлинской, что позволяет синхронизировать оба памятника.

Урминское городище находится на расстоянии ок. 2 км к западу от селения Урма на скалистом холме продолговатой формы, вытянутой с запада на восток. Холм представляет собой высокий мыс, образованный с южной стороны руслом р. Герга, а с северной — естественным оврагом. С южной стороны городище ограждено отвесной скалой, с восточной скальными уступами холм снижается к руслу р. Герга и завершается отвесной скалой. С западной стороны городище ограждено тремя рвами и двумя валами. Несмотря на довольно крутой северный склон, здесь также были сооружены рвы и валы. У западного края городища сразу же за внутренним рвом имеется возвышение, которое, очевидно, как на Охлинском городище, является остатками башни.

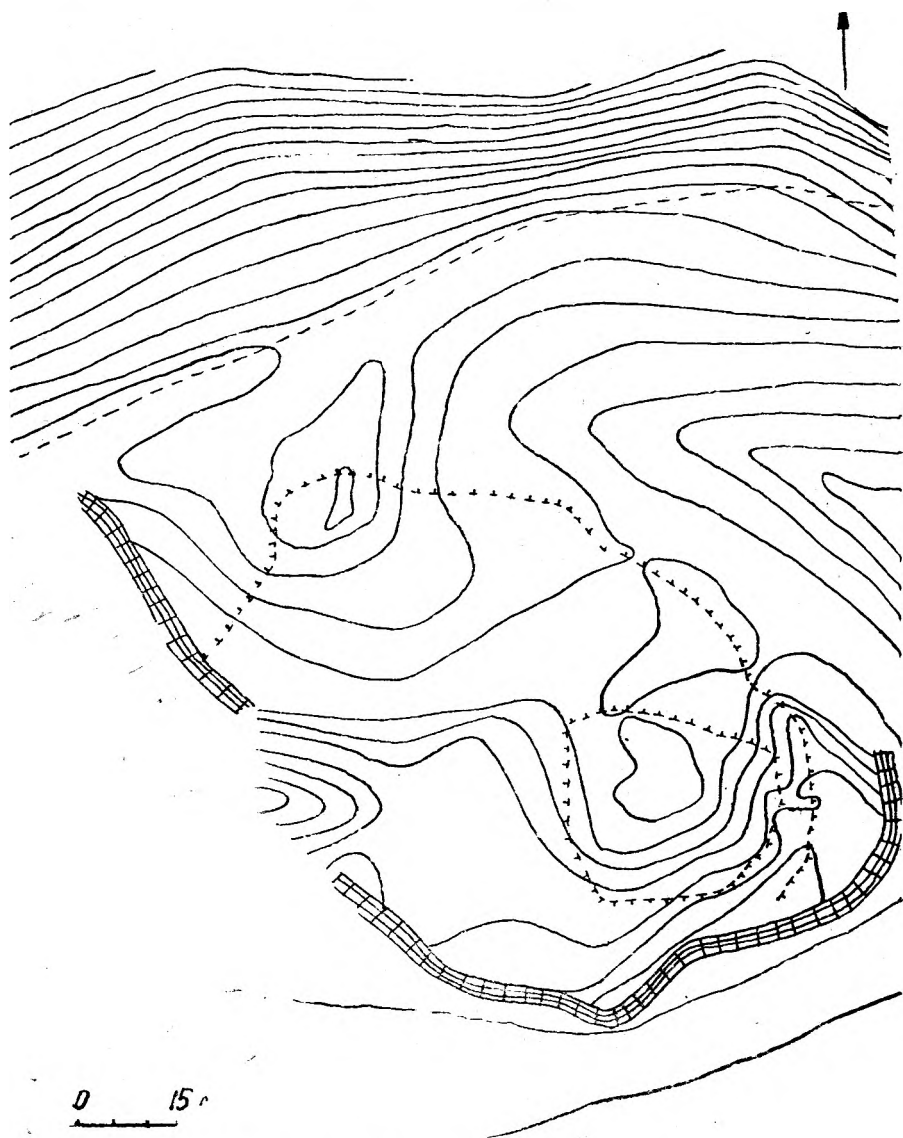

Рис. 13. План Кулецминского городища.

Рис. 14. План Урминского городища.

Восточнее этой возвышенности хорошо заметны следы многочисленных каменных построек. Строительные остатки в основном сосредоточены на верхней площадке холма, на южном и восточном склонах. Протяженность городища с запада на восток ок. 200 м (рис. 14).

На основании подъемного материала Урминское городище датируется тем же временем, что и Охлинское.

Нижнечуглинское городище находится в 5 км к северу от селения Чугли Левашинского района, слева от шоссейной дороги, ведущей из селения Леваши в город Буйнакск. Оно расположено на скальной гряде, вытянутой с северо-запада на юго-восток, занимает его гребень, северо-восточный склон и прилегающую к нему с севера сравнительно ровную поляну. Общая площадь городища около 6 га. С юго-запада городище ограждено скалой высотой 30—45 м, вдоль основания которой протекает небольшая речка Чуглинка. На юго-востоке скальная гряда переходит в крутой склон, у подножья которого находится родник. С северо-западной стороны скальная гряда прерывается, образуя широкую ложину с крутыми склонами. С северо-восточной стороны городище не имеет естественных ограждений. По словам местных жителей, здесь находились остатки двух параллельных массивных стен, с открытой стороны ограждавших ту часть городища, которая располагалась на северо-восточном склоне скальной гряды.

Раскопками установлено, что Нижнечуглинское городище возникло в албанское время и существовало на всем протяжении средневековой эпохи. В отличие от других поселений этого региона Нижнечуглинское продолжало обживаться и в монгольское время²⁴.

Левашинское городище № 1 находится в 4-х км к югу от селения Леваши, в 200 м справа от дороги Леваши—Буйнакск. Оно занимает гребень западной оконечности продолговатой горы. С севера, юга и востока гора имеет крутые склоны, заканчивающиеся оврагами. С восточной открытой стороны городище ограждено тремя валами и рвами. На гребне и склонах горы и в обнажениях культурного слоя здесь собрана такая же, как и на других городищах, керамика позднеалбанского и раннесредневекового времени (рис. 15).

Левашинское городище № 2 находится в 1,8 км к югу от селения Леваши, справа от дороги, ведущей в Хаджалмахы.

Городище расположено на небольшом холме, вытянутом с востока на запад. На ее западной стороне заметны следы двух валов. На северной и восточной склонах холма хорошо прослеживаются строительные остатки прямоугольных помещений. Площадь городища ок. 1 га (150×70 м). На поверхности городища собраны обломки красноангобированной, серой и чернолощеной керамики, характерной I тыс. н. э.

Этим не исчерпываются наши сведения об укрепленных поселениях

²⁴ Абакаров А. И., Гаджиев М. Г. Нижнечуглинское городище.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 94—114.

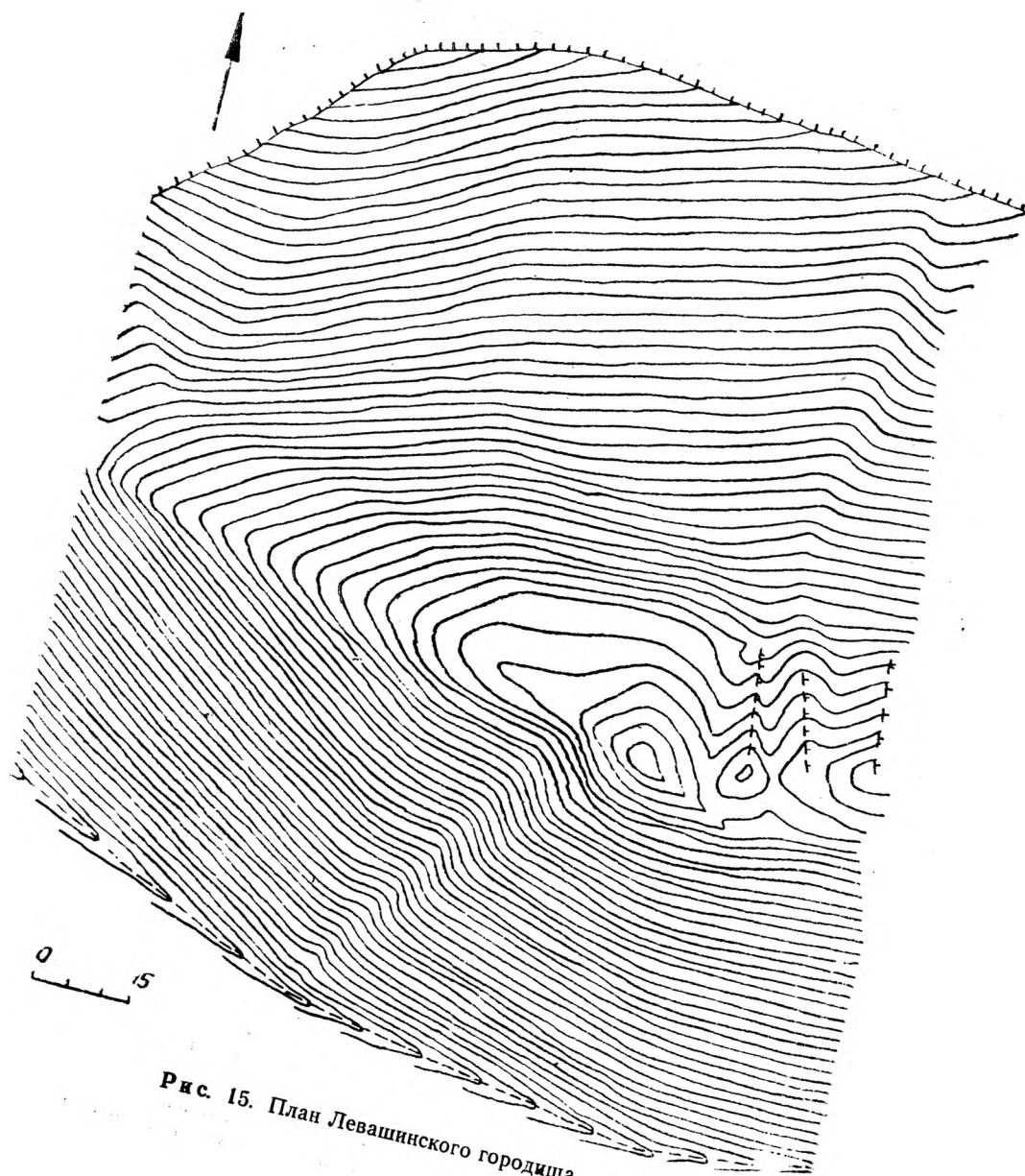

Рис. 15. План Левашинского городища.

Левашинского плато. Мы располагаем достоверными сведениями о существовании остатков подобных же памятников между селениями Кулецама, Охли и трассой дороги Буйнакс—Леваши, а также об обживании территории современных селений Охли, Ахкент, Кулецама и Урма еще в раннесредневековое время. Все это свидетельствует о довольно плотном заселении этой области горного Дагестана в рассматриваемое время.

Исследования на Левашинском плато позволяют воссоздать непосредственную предысторию современных поселений²⁵, начиная с албанского времени, охарактеризовать материальную культуру и быт местного населения в указанное время. Данные, полученные в результате наших раскопок, свидетельствуют о высоком уровне развития в раннесредневековом горном Дагестане строительного дела и архитектуры, различных производств, особенно гончарного дела. Совершенно в новом свете предстает перед нами облик поселений горного Дагестана албанского и раннесредневекового времени, представляющих собой совершенно неизвестные прежде типы поселений со своеобразной фортификационной системой. В их топографии и планировке, структуре и системе оборонительных сооружений нашло отражение иной, чем представлялось прежде, уровень развития общества, о котором ранее судили по крайне скудным и весьма противоречивым данным письменных источников и по материалам отдельных могильников.

Все исследованные городища характеризуются сложной неправильной планировкой, определяемой особенностью топографии занятых участков и иррегулярной фортификацией, сочетавшей естественные преграды с крепостными сооружениями, состоящими из массивных каменных стен, валов и рвов. Подобные поселения начали складываться на Левашинском плато не позднее албанского времени в конце I тыс. до н. э.—нач. I тыс. н. э. Слои или материалы этого времени выявлены на трех городищах (Меседил мицир, Сукара, Н. Чугли). В эпоху раннего средневековья, наряду с ними, возникают новые поселения, в том числе на территории четырех современных селений. В средневековое время некоторые поселения (Охли, Сукара, Левашинские и др.) приходят в упадок, оставляются, другие, наоборот, переживают расцвет (Н. Чугли). Среди последних были и ранние поселения на местах современных селений. В результате слияния населения раннесредневековых поселений здесь складываются крупные населенные пункты, сохранившиеся до современной этнографической действительности.

Поселения располагались в естественно укрепленных местах — на мысах, высоких скальных плато, холмах, как правило, вблизи рек и речек, обычно у древних дорог, ведущих во внутренний горный Даге-

²⁵ Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. К истории поселений горного Дагестана.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам полевых исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (Тезисы). Махачкала, 1976.

стан. В основном городища располагались на одном холме, мысе или скальном возвышении. Но некоторые занимали и два, даже три холма или мыса (Ахкентское, Охлинское П).

Как правило, поселения состояли из двух частей: укрепленной и неукрепленной. Характерно в этом отношении Охлинское городище. Оно располагалось, как уже сказано, на высокой продолговатой горе (мысе) со скальной платформой наверху. Укрепленная часть занимает верхнюю площадку, которая с одной стороны ограничивается отвесной скалой, с другим — крутым склоном, а с двух открытых сторон ограждена мощными в три линии крепостными стенами-валами, между которыми пролегли глубокие рвы. На наиболее возвышенном месте укрепленной части поселения, у внутренней оборонительной стены построена мощная башня.

К этой крепостной части примыкала довольно обширная неукрепленная часть поселения, расположенная на склоне и под скалой.

Такая структура в целом характерна с некоторыми отклонениями для всех городищ Левашинского плато. Некоторые различия между ними наблюдаются в системе оборонительных сооружений, которые на других городищах состоят только из одной или двух валов (стен) и рвов. В отношении структуры несколько особняком стоит Кулецинское городище, где внутри укрепленной части находится, окруженное валами и рвами, еще второе укрепление (возможно, цитадель). В данном случае можно говорить о трехчастной структуре городища.

Состояние изученности памятников не позволяет нам дать с необходимой полнотой их типологическую характеристику, более точно определить их место в номенклатуре бытовых памятников: город, поселение городского типа, укрепленное сельское поселение, и тем самым выявить окончательно их подлинную социальную природу. Но даже те данные исторической топографии, которыми мы уже располагаем, в частности, достаточно развитая структура поселений, состоящих из сильно укрепленной крепости и примыкавшей к ней неукрепленной части, довольно сложная автономная система оборонительных сооружений, существование ремесел, подчеркивающие их типологическую близость к памятникам городского облика, свидетельствуют о том, что это уже не родовые поселки первобытнообщинного строя, а продукт раннеклассового общества.

Наличие автономных систем обороны вокруг каждого из поселений свидетельствует о значительной их политической самостоятельности. Поэтому есть основания полагать, что подобные поселения принадлежали достаточно независимым социально-политическим организациям. Сдако, видимо, эта независимость реализовывалась через более крупное единство, в которое объединялась группа поселений, сосредоточенных компактно в той или иной естественно ограниченной области, какой нам представляется изучаемый район горного Дагестана. Расположение поселений в пределах одной речной системы, существование между

ними разветвленной сети коммуникаций, единство архитектурно-планировочных, фортификационных решений, система башен, находившихся на каждом городище, свидетельствующая о налаженной сигнальной связи между ними, некоторые явления культурной интеграции — все это может свидетельствовать о существовании более крупного социально-политического объединения, через которое отчасти могла реализоваться независимость отдельно взятой общины. Можно провести определенные параллели между такими общинами и независимой сельской общиной Малой Азии, глубоко изученной Е. С. Голубцовой²⁶. Одним из существенных факторов их именно независимого существования являлись их укрепленные поселения. Общины Малой Азии состояли из свободных общинников-земледельцев, владевших на правах частной собственности своим земельным участком, пользовавшихся и рабским трудом. Но при этом верховным владельцем земли была община в целом и земля не могла продаваться за пределы общины.

В дальнейшем в период развития феодализма в Византии такая община с характерным для античной формы собственности дуализмом (сочетание частного и общественного) оказалась более прочной, чем германская марка на Западе. Она оказала долгое и упорное сопротивление крупным собственникам, отстаивая свои земли, что в какой-то степени определило замедленные темпы развития феодальных отношений на территории бывшей Восточной Римской империи²⁷. В этой связи необходимо еще раз обратить внимание на своеобразную ситуацию, сложившуюся в период развития феодализма в горном Дагестане, где на сравнительно небольшой территории, параллельно существовали различные типы социально-политической организации общества — феодальные государства и союзы сельских общин. Развитие феодальных отношений происходило здесь замедленными темпами, и, как известно, оно и не привело к утверждению классических форм феодализма²⁸. Благодаря исследованиям в первую очередь Х.-М. О. Хашаева²⁹ и Р. М. Магомедова³⁰, в основном преодолена точка зрения о господстве в союзах сельских общин родового строя³¹. Теперь большинство исследователей пришло к выводу, что союзы сельских общин, в том виде, в каком они известны в XV—XVIII вв., — это в целом социально-экономические и политические организмы, характеризующие горный Дагестан феодальной поры. При этом они определяются как «относи-

²⁶ Голубцова Е. С. Очерки социально-экономической истории Малой Азии в I—III вв. (независимая сельская община). М., 1962.

²⁷ История Византии. Т. II, М., 1967, с. 23.

²⁸ История Дагестана. Т. I, М., 1967, с. 144.

²⁹ Хашаев Х. О. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954; он же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

³⁰ Магомедов Р. М. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1957.

³¹ Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана. — В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1981, с. 9—11.

тельно независимые от посторонней власти раннефеодального типа сельские общины, объединенные в один союз вокруг более крупного селения»³².

В чем же причина недоразвитости феодальных отношений в горном Дагестане и продолжавшейся сохраняться столь устойчиво на протяжении многих веков пестроты социально-политической организации местного общества? Еще в начале 60-х гг. М. А. Агларовым был поставлен вопрос о том, что основной причиной незрелости феодальных отношений в горах явилось раннее становление частной собственности рядовых общинников на пахотные земли в условиях террасного земледелия, ускорившее переход общества, основанного на общей собственности, к общему, основанному на частной собственности. И что в аграрных отношениях этот переход выразился в смене архаической земледельческой общины общиной вторичной формации, которая оказала огромное противодействие утверждению классических форм феодализма³³. На основе анализа памятников обычного права В. П. Дзагурова приводит к заключению, что в союзах сельских общин средневекового горного Дагестана сложились своеобразные отношения, базой для которых послужила форма собственности, напоминающую античную, таящая в себе противоречивые начала — частное и общественное и, что это в значительной степени проясняет причины столь устойчивого сохранения такого феномена социально-политического устройства общества, какими оказались союзы сельских общин средневекового горного Дагестана³⁴.

Исследованные нами поселения горного Дагестана, характеризующиеся довольно сложной структурой, системой крепостных сооружений и другими признаками, отличающими их от родовых поселков, свидетельствуют о том, что раннеклассовое общество, определяемое А. П. Новосельцевым как общество с более или менее устойчивыми самодовлеющими общинами, возникшими из разложения доклассовых структур, обладающим своим «гражданским», общинным статусом, объединенным вокруг какого-либо центра³⁵, вероятно, существовало в Дагестане в раннем средневековье до начала арабских завоеваний.

Судя по данным археологии, оно складывалось здесь в албанское

³² Там же, с. 25.

³³ Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века).—УЗ ИИЯЛ, т. XIII, серия историческая. Махачкала, 1964, с. 187—189. Эта мысль нашла затем отражение и в «Истории Дагестана». М., 1967, с. 144.

³⁴ Дзагурова В. П. Еще раз о союзах сельских обществ.—В кн.: Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974, с. 82—89; При этом автор далек от мысли перенести на общества Дагестана категорию полиса, являющегося специфической формой надстройки в рабовладельческом обществе. Речь идет только о том, что античная форма собственности могла складываться и вдали от побережий, где находились классические полисы (Дзагурова В. П. Еще раз о союзах..., с.86).

³⁵ Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980, с. 82.

время в конце I тыс. до н. э. — первой пол. I тыс. н. э., одновременно с процессом урбанизации. В этот период в Дагестане складывается новый тип расселения, характеризующийся группировкой вокруг одного более или менее крупного центра некоторого числа малых городов и укрепленных поселений, локализованных в геоморфологически замкнутых речных долинах, плато, горных ущельях, соответствующие, возможно, тем или иным территориальным, этнополитическим образованиям³⁶. Одним из таких типов является исследуемая нами группа укрепленных поселений-городищ, локализованная на Левашинском плато.

В зависимости от ряда факторов, в том числе и внешнеполитических, такие области становились местами сосредоточения тех или иных форм социально-политической организации общества — типа союзов сельских общин или формирующихся феодальных государственных образований. Развитие и взаимодействие этих двух различных типов социально-политической организации общества во многом определило содержание и своеобразие исторического процесса у народов Дагестана на всем протяжении средневековой эпохи.

³⁶ Котович В. Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1981, с. 90—93.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ (горный Дагестан)

Одним из слабо изученных вопросов в истории Дагестана является проблема социально-экономической структуры средневекового общества, освещение которой невозможно без изучения средневековых поселений горного Дагестана.

Поселение как элемент материальной культуры достаточно ярко отражает социально-экономическое и политическое развитие средневекового общества горного Дагестана. Имеющиеся сведения средневековых авторов очень скудны и касаются в основном политических событий, вопросов исторической географии. Очень мало и плохо отражено в них политическое положение основного производителя. Пополнить эти сведения призван археологический материал. Надо сказать, что археологические раскопки последних лет дают такую возможность. С 50-х годов наши археологи начали интересоваться средневековыми поселениями Дагестана, однако работы на этих памятниках ограничивались разведкой и сбором подъемного материала. Д. М. Атаев писал еще в 1957 г. «совсем не уделяется внимания изучению средневековых поселений и городищ, широко встречающихся в горном Дагестане. Только раскопки бытовых памятников позволяют нам дать исчерпывающую культурно-историческую характеристику этой эпохи, которая кстати наименее представлена и письменными источниками»¹. Но тем не менее археологами была проделана определенная работа по выявлению средневековых поселений. В 1951—53 гг. М. И. Пикуль производила разведочные работы в горных районах Дагестана и обнаружила 18 поселений этой эпохи².

Исходя из анализа подъемного материала М. И. Пикуль хронологически разделила эти памятники на 4 археологические группы:

1. II—V вв. н. э.
2. V—VIII вв. н. э.

3. VI (VIII)—X вв. н. э.
4. IX—XIV вв. н. э.³

¹ Атаев Д. М. Состояние изученности памятников средневековья северо-западного нагорного Дагестана. Рукописный фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР (далее РФ ИИЯЛ), ф. 26, оп. 1, д. 1.

² Пикуль М. И. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 19.

Д. М. Атаевым был собран обильный материал со средневековых поселений в горном Дагестане⁴ и обнаружено своего рода укрепление типа цитадели, представляющее собой сильно укрепленную возвышенность (Чинна — 2-х ярусная кладка цитадели из громадных блоков длиной 2-х метров, а шириною более 1 м)⁵.

Большую работу по выявлению средневековых поселений в горном Дагестане проделал 3-й разведочный отряд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, которым руководил В. Г. Котович. Отряд в основном работал в южном Дагестане. Им было выявлено и обследовано более 20 средневековых⁶ поселений и городищ.

В данном случае нас интересует городище, расположенное недалеко от сел. Чирага (3 км) в Агульском районе. На этом городище были заложены раскопки цитадели Ричах и окружающей ее стены антропологическим отрядом Института ИЯЛ (А. Г. Гаджиев нач. отряда, руководил раскопками Ш. М. Ахмедов). Полученный материал позволил им датировать памятник предмонгольским временем⁷. Главным объектом их работ явилось другое городище, расположенное в урочище «Гугнеще» на левом берегу речки Цубгарк (ЦубгIаркI — Белая речка). В северной части городища была заложено четыре раскопа. Однако за нехваткой рабочей силы, раскопки были приостановлены. Но тем не менее в культурном слое была найдена керамика, главным образом фрагменты толстостенного, красноглиняного сосудов и крупного хозяйственного сосуда, орнаментированных сплошным штрихом типа Чинна и других средневековых поселений Аварии. В целом, подводя итоги, В. Г. Котович приходит к следующему выводу «Разведочные работы позволяют совершенно по-новому взглянуть на средневековую историю высокогорного Агульского р-на, по-новому оценить уровень социально-экономического развития, достигнутого его населением в эту эпоху⁸.

Помимо вышеназванных, отряд обнаружил и другие городища средневекового периода — Хучни, Арал, Калы и др., служившие важными центрами на транскавказских торговых путях, проходивших через горные перевалы. Аналогичные городища нами были обнаружены в высокогорных районах (Чухиб-Чародинский), (Шагьар-Цунтинский), (Шугрук-Цумадинский), расположенных на перевальных путях. В целом обнаруженные средневековые поселения и городища в высокогорных районах Дагестана и предварительная их датировка имеет огромное значение для будущих раскопочных работ.

³ Там же

⁴ Атаев Д. М. Указ. соч., с. 67.

⁵ Атаев Д. М. Указ. соч., с. 69.

⁶ Котович В. Г. Отчет о работе 3-го разведочного отряда ДАЭ в 1965 г. РФ ИИЯЛ, ф. 27, оп. 1, д. 24, с. 1.

⁷ Там же, с. 35.

⁸ Там же.

Впервые дагестанские археологи начали производить стационарные работы на средневековых поселениях в 60 годы.

Огромное значение для определения топографии средневековых укрепленных поселений имеет Аркаское городище, изученное Д. М. Атаевым. Хорошо прослеживаемые остатки жилых и хозяйственных построек, а также производственных мастерских дают возможность воспроизвести общий план города. На самой вершине треугольного плато находилась цитадель с каменными стенами и четырехугольными башнями. С южной стороны цитадели прослежен двойной ров. Вторую линию обороны составляли крепостные стены с семью четырехугольными башнями и контроформами. Ниже располагался пасад. Материалы раскопок позволили Д. М. Атаеву определить время бытования памятника V—VII вв. и VIII—XIII вв.⁹.

Большие стационарные работы были проведены на Левашинском плато горным археологическим отрядом под руководством М. Г. Гаджиева. «Раскопками Оглинского городища была выявлена своеобразная, неизвестная ранее в Дагестане трехлинейная система крепостных сооружений, состоящая из близко расположенных трех валов с возведенными стенами, между которыми проходили глубокие рвы»¹⁰. Так ограждалась крепостная часть поселения, а рядом с ней располагалась и неукрепленная часть поселения¹¹. Исходя из раскопочного материала исследователи Оглинского городища датируют его ориентировочно X—XIII вв. н. э.¹²

Кроме того, богатый раскопочный материал, представленный различным инвентарем и керамическими изделиями, дает возможность судить об уровне хозяйственного развития населения горного Дагестана. После тщательной обработки материала и его анализа исследователи приходят к выводу, что ...«жители его занимались земледелием, скотоводством, различными домашними промыслами, в частности прядением, ткачеством»¹³.

Исключительно большой интерес для изучения социально-экономического и политического строя средневекового Дагестана имеет также памятник албанского и средневекового периодов — Нижнечуглинское городище¹⁴.

Раскопки и изучение Нижнечуглинского и других городищ на территории Левашинского р-на позволяет пересмотреть и по новому

⁹ Атаев Д. М. Аркаское городище — памятник раннесредневекового Дагестана. РФ ИИЯЛ, ф. 26, д. 36.

¹⁰ Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Отчет о работе горной археологической экспедиции в 1971 г. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 375, л. 1.

¹¹ Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Отчет за 1972 г., ф. 3, д. 391, л. 21.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 38.

¹⁴ Абакаров А. И., Гаджиев М. Г. Нижнечуглинское городище.— В сб.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 94—114.

осветить социальное развитие раннего, а так же и развитого средневекового общества горного Дагестана. В данном случае нас интересуют верхний культурный слой Нижнечуглинского городища, датируемый в пределах X—XIII—XIV вв.¹⁵

В целом, вскрытые в верхнем горизонте строительные и другие культурные остатки, — пишут исследователи Нижнечуглинского городища, — и полученные материалы восполняют наши знания об историческом и культурном развитии населения горного Дагестана в наиболее слабо изученном в археологическом отношении периоде — средневековья Дагестана»¹⁶.

Безусловно, материал Нижнечуглинского и др. городищ Левашинского р-на представляют большую ценность для определения уровня экономического и культурного развития населения в средневековую эпоху.

Но тем не менее, все еще очень мало материала, отражающего социальную структуру городищ в X—XIV вв.¹⁷

В целом особое значение Аркаского и городищ на Левашинском плато заключается в том, что они пока что являются одними из первых бытовых памятников (городищ) горного Дагестана средневекового периода, подвергнутых стационарным раскопкам.

В результате разведочных работ в высокогорных районах Дагестана в 1981 г. были выявлены новые средневековые укрепленные поселения. Все они расположены в неприступных местах, на перевальных путях, связывающих горные районы Дагестана с Закавказьем и Северным Кавказом. Некоторые поселения расположены на более доступных местах, но при этом укреплены фортификационным сооружениями.

Так, например, в Цумадинском районе недалеко от селения Гигатль (5 км) на вершине горы Эзееруцла (2500 м над уровнем моря) было обнаружено укрепленное поселение (рис. 1). Поселение тянется с севера на юг. На самой вершине (юг) расположена предполагаемая цитадель. Здесь обнаружены остатки крепостных сооружений, ширина стены достигает до 90—100 см. Она расположена на выступе, поэтому цитадель возвышается над поселением. Рядом с цитаделью проходит древняя дорога, видимо, вход в нее, ширина ворот 4 м 20 см, со стороны цитадели на расстоянии 100 м от городища тянется отвесная скала, высотой, примерно, 70—80 метров.

Основная часть городища расположена на северном склоне. В нижней части в западном углу на оборонительной стене сохранилась четырехугольная башня. С запада и севера городище было защищено оборонительной стеной. В отдельных местах сохранились ее остатки шириной 98 см. На расстоянии 40 м от башни в направлении юга обнаруже-

¹⁵ Там же, с. 114.

¹⁶ Там же, с. 113.

¹⁷ Там же

ны следы и остатки второй дороги, которая вела прямо в центр городища, ширина 3 метра. С восточной стороны во всю длину городища тянется отвесная скала высотой 50 м. Городище возвышается над окружающей местностью, в частности над магистральной дорогой Агвали—Махачкала на 800—1000 м. Поэтому жители его могли держать под контролем все пути, связывающие Дагестан с Чечней и Грузией. У местного населения городище известно под названием «Ишихгани». Общая площадь его равна 1 га.

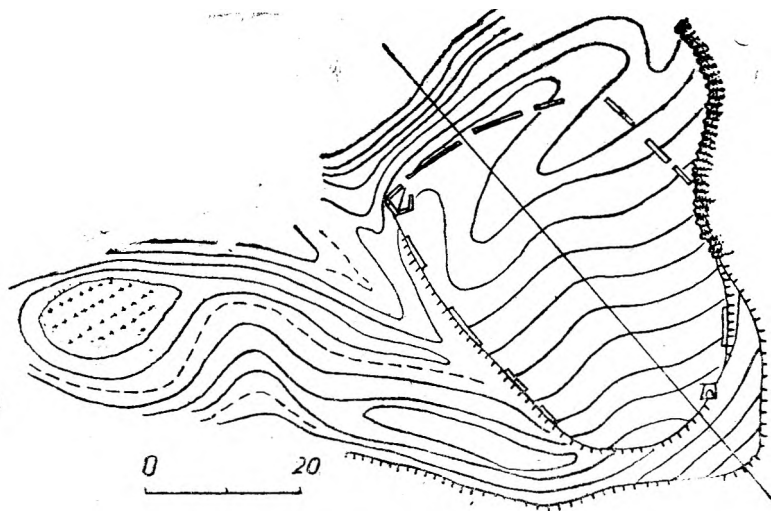

Рис. 1. План городища Ишихгани.

Другое поселение, которое мы обследовали расположено у подножья одного из отрогов Богосского хребта — Багокъялахъан. Поселение (Шугрух) тянется с Ю на СВ (рис. 2). С запада и ЮЗ защищено естественными рубежами — обрыв высотой 20 м. С восточной стороны ров, современная глубина местами доходит до 2,5 м. Поселение имеет вид плоского вала шириной в центре 90 м, длиной 82 м, ширина постепенно суживается в сторону юга, где находился главный вход в поселение. С северной стороны поселение резко меняет свое направление, оно тянется с В на З на наклонной плоскости под углом 23°. Ширина в этой части поселения составляет 75 м, длина 108 м. Общая площадь всего поселения равна 2,97 га. От ближайшего населенного пункта Тисси до поселения 5—7 км. Высота над уровнем моря 2500 м. Само поселение почти все покрыто почвой. Местами, особенно, на склонах сохранились остатки развалин. Остатки укреплений, башен и др. фортификаций нам обнаружить не удалось.

instituteofhistory.ru

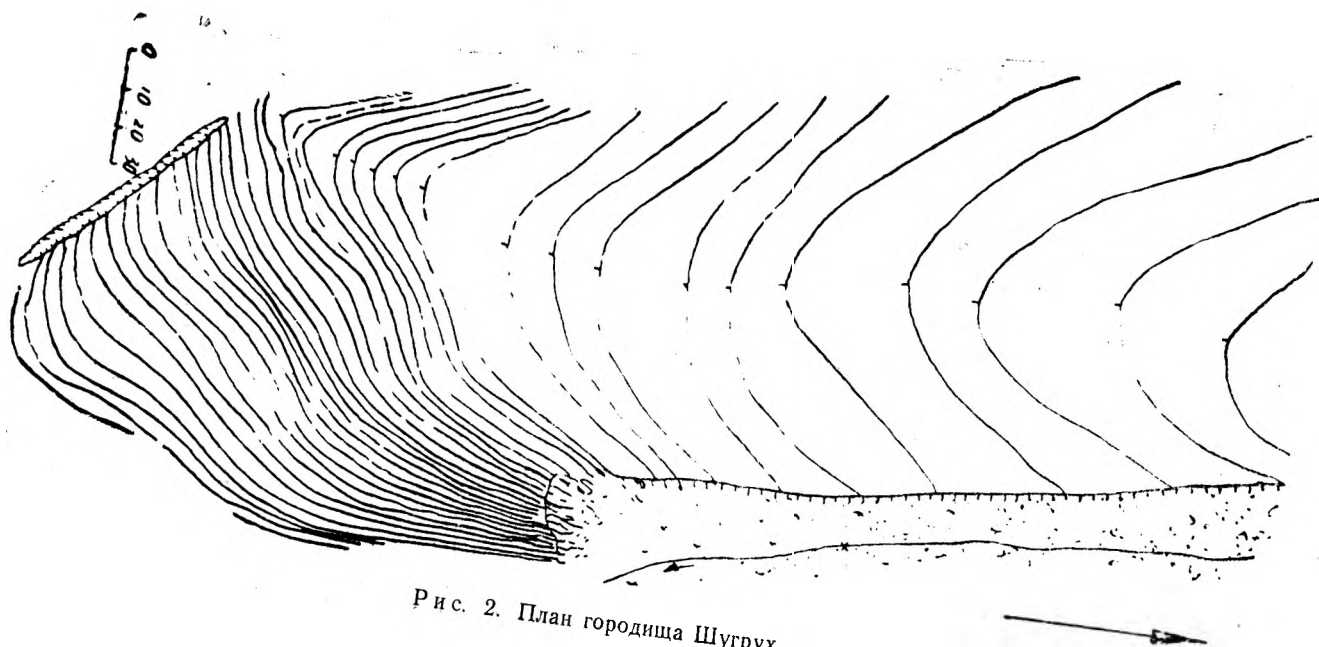

Рис. 2. План городища Шугрук.

Крупные городища были обнаружены в Агульском районе. Особо следует отметить городище, расположенное на трассе Тпиг-Хосрех на расстоянии 3,2 км от аула Чираг (рис. 3). Данное городище вошло в историческую науку под названием «Гугнеце». Оно расположено у подножья горы Алахундаг, на стратегически важном месте.

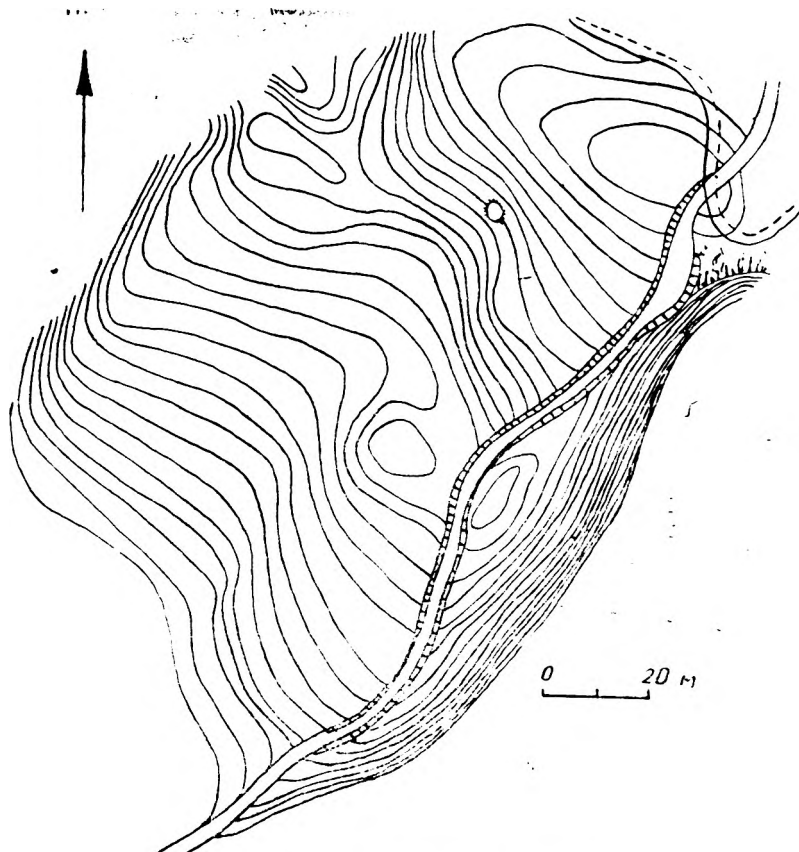

Рис. 3. План городища Гугнеце.

вблизи перевала, через который пролегла важная магистраль, связывающая центральную часть горного Дагестана с южными районами. Гугнеце с СЗ и ЮВ защищена небольшими хребтами — Итаржабай и Ричах. Речка (ЦубгларкI — белая речка), протекающая с ЮВ отделяет поселение от хребта Ричах. При обследовании этих хребтов были обнаружены остатки крепостных сооружений. Наиболее хорошо сохранилась крепость Ричах. Здесь обнаружены развалины

башен, крепости, каменные завалы лжесводчатых помещений. Она возвышается над городищем и окружающей местности на 50—80 м. По всей вероятности здесь, располагалась цитадель с резиденцией местного правителя. Мы обнаружили также древний водопровод, который тянется с верховья Белой речки до цитадели на расстоянии 2—3 км. Размеры занятого непосредственно городищем участка достаточно крупные: 0,6 км в направлении ССВ—ЮЮЗ, 0,35 км в направлении ВЮЗ—ЗСЗ. Общая площадь равна 21 га. При тщательном осмотре территории городища было обнаружено множество остатков однотипных строений жилых и хозяйственных помещений. Городище расположено на высоте 2200 м над уровнем моря.

Аналогичные укрепленные поселения типа городищ были обнаружены также в других районах Дагестана. В Чародинском районе — Чухиб расположенное на расстоянии 7 км от с. Гочаба в ущелье Нукаль на высоте 2500 м.

В Тляротинском районе Анцухская крепость, которая состоит из центрального дворца, комплекса жилых и хозяйственных помещений, обнесенных фортификационными сооружениями. Аналогичных памятников в горном Дагестане достаточно много.

В целом, выявленные в результате археологических разведок укрепление городища и поселения, их предварительное обследование, а также раскопки в Аркасе и на Левашинском плато свидетельствуют о процессе урбанизации средневекового горного Дагестана. Основной причиной разрушения городской жизни в Дагестане, в том числе в горной его части, как считают исследователи является внешняя экспансия.

«Развитие городской жизни, — пишет В. Г. Котович, — в средней части Дагестана было прервано в первой половине VIII в. в результате арабских завоеваний, в Северном Дагестане — в X в. — походами русов, в южных и горных районах — XIV в. — нашествием Тимура»¹⁸.

Конечно, внешний фактор сыграл если не решающую, то важную роль в уничтожении средневековых городов, замков и укрепленных поселений. Но тем не менее нельзя отрицать и другой фактор — классовую борьбу внутри средневекового общества горного Дагестана.

Мы располагаем многочисленным историко-этнографическим материалом, где говорится об уничтожении местных феодалов, их замков и укреплений. «В Гидатле, — пишет С. Асиятилов, — широкое распространение имеет предание о борьбе и победе сельской общины над феодалом-деспотом по имени Олло... Жители решили избавиться от деспота-угнетателя ... бросили его в пропасть и договорились поступать со всеми и впредь также, кто посмеет посягать на их собственность»¹⁹.

¹⁸ Котович В. Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане. — В сб.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана, с. 93.

¹⁹ Асиятилов С. Х. Гидатлинцы. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 249, л. 17.

Предания и легенды, связанные с этими поселениями, свидетельствуют о резко выраженной имущественной и социальной дифференциации общества. В главном, укрепленном крепостными сооружениями поселении или замке жил феодальный владетель. В обществе Томс (Тляротинский р-н) господствующее положение занимал хан по имени Белокол, в селе Мачада (Советский р-н) — Кабтар хан, в Сагада (Цунтинский р-н), Герей хан, в Чирката (Гумбетовский р-н) — Атахан, в Элобок (Цунтинский р-н) Къвали хан и т. д. Все они согласно устной традиции были уничтожены в результате внутренней классовой борьбы²⁰. Подобные легенды существуют почти повсеместно в горах Дагестана. Правда, пока вопрос об антифеодальной борьбе в средневековом горном Дагестане, предшествовавшей образованию союзов сельских общин или т. н. «вольных обществ» из-за отсутствия достаточно документального материала остается открытым. Тем не менее необходимо признать, что в X—XV в. в горном Дагестане были более развитые производственные отношения нежели в последующую эпоху. Это подтверждает археологический материал и сведения письменных источников.

О том, что жители высокогорных районов Дагестана имели еще в раннем средневековье укрепленные поселения, свидетельствуют известия средневековых писателей. Так, Захарий Ритор сообщает, что у дидойцев еще в VI в. существовали крепости²¹. Масуди, описывая Кавказские горы и ее обитателей, пишет, что «Гора Кабх,— великая гора, занимающая огромную площадь. Она вмещает много царств и народов»²². Интересное сообщение о царях и замках мы находим также у Ибн Руста. Он говорит о том, что власть Сарира простиралась на «Замок ала и Гумик»²³. Относительно локализации «алал» В. Ф. Минорский пишет, что она остается загадочной, хотя несколько названий, оканчивающихся на лал, известны в Аварии (Багулал, Чамалал, Андалал). Упомянутый в тексте ала может представлять собой Андалал, аварскую общину, расположенную по верхнему течению реки Кара-Койсу²⁴.

Хотя локализация ала сомнительная, но тем не менее можно предположить, что область эта была расположена в горном Дагестане. В данном случае интересно то, что в тексте говорится о замках, расположенных в горах в X—XIII вв.

Следует отметить, что не все средневековые поселения были уни-

²⁰ Магомедов Д. М. Социальный строй средневековых поселений горного Дагестана (X—XV вв.). Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 35.

²¹ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 165.

²² Ал Масуди Россыпи Золота.— В кн.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 189.

²³ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 218—219.

²⁴ Там же.

чтожены и заброшены. В некоторых районах высокогорной части Дагестана, куда не проникли иноземные завоеватели, сохранились характерные для X—XV вв. укрепленные поселения. Правда, с иной социальной структурой. Относительно поселений жителей горного Дагестана Н. И. Воронов пишет следующее. «На пакатостях гор, обрамливающих Гидатлинскую котловину: выстроилось тесносплоченными кучами несколько аулов. Каждый из этих аулов издали, по наружному своему виду напоминает средневековые германские города»²⁵. О том, что в горах Дагестана существовали подобные поселения свидетельствует также Эркерт. «В Дагестане, — пишет он, — в Западном направлении вплоть до поселения грузинских горных народностей, они носят характер скалистых гнезд, укрепленного, крепостного типа»²⁶. «Тут (Анцухо-Капуча — М. Д.) встречаются развалины древних замков, — сообщает К. Ф. Ган, — весьма редкое явление в Дагестане; Кто их построил, об этом мне никто ничего не мог сказать. Во всяком случае эти остатки древности с современными постройками не имеют ничего общего»²⁷.

Отмечая неприступность, еще кое-где сохранившихся древних поселений Ф. И. Гене пишет, что «Каждая деревня составляет крепость, представляющую весьма крупную оборону»²⁸.

Существенный вклад в деле разработки интересующей нас проблемы, внесли дагестанские этнографы. Наряду с изучением хозяйства, общественного быта народов Дагестана, большое значение они придавали описанию жилищ, оборонительных и сигнальных башен, средневековых поселений и процессу селообразования как социальному фактору. В этом отношении надо отдать должное нашим этнографам, которые впервые поставили вопрос об образовании территориально-тухумных и территориальных поселений в средневековую эпоху²⁹.

Они в основном рассматривают поселения и жилища как элементы материальной культуры. Опираясь на историко-этнографический материал они утверждают, что в связи с разложением патриархально-родовых отношений происходит процесс распада соответствующих этим отношениям поселений. Выдвигаемые ими три типа поселений — родо-

²⁵ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану. — ССКГ, т. I, 1868, с. 17.

²⁶ Эркерт. Кавказ и его народы. Лейпциг, 1887. Перевод хранится в РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, л. 5.

²⁷ Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.). — СМОМПК, отд. П, с. 89.

²⁸ Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. История, география..., М., 1958, с. 346.

²⁹ Османов М.-З. Жилище цудахарцев. Ученые записки Института ИЯЛ (далее УЗ ИИЯЛ), т. IX, Махачкала, 1961 г. Он же. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. X, Махачкала, 1962; Исламгагомедов А. Поселения аварцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. XII, Махачкала, 1964; Материальная культура аварцев. Сб. статей, Махачкала, 1967; Гаджиева С. Ш., Османов М. О. и др. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Агларов М. А. Поселения и жилище андийской группы народов в XIX—нач. XX в. УЗ ИИЯЛ, 1966, т. XVI; Булатова А. Лакцы. Махачкала, 1971; Агаширипова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX в. М., 1978.

вые, территориально-тухумные и территориальные якобы соответствуют трем типам общины — родовой, земледельческой и сельской.

В данном конкретном случае нас интересует время бытования этих памятников. Говоря о типах поселений даргинцев М.-З. Османов выделяет три типа: родовые поселки, территориально-родовые («ши») и чисто территориальные («маши»), каждый из которых отражает этап истории селообразования даргинцев, причем первый существовал примерно до XI—XIV вв.³⁰ Такого же мнения придерживается А. Исламмагомедов, хотя не отрицает наличие феодальных замков в горах Дагестана³¹. «Образование крупных поселений в этом случае, — пишет он, — произошло на основе слияния нескольких мелких тухумных поселений. Как результат длительного процесса разложения патриархально-родовых отношений к XI—XIV векам распадаются и соответствующие им поселения, которые объединяются в сельские общины»³². На основе многочисленного историко-этнографического материала он показывает процесс укрупнения населенных пунктов в результате слияния тухумных поселений (в качестве примера приводит Гочоб, Хуштада, Чох и др.)³³. Известно, что до образования современного села Гочоб, в местности Чухиб существовало более крупное укрепление фортификационными сооружениями поселение на площади 7—8 га. После разрушения этого поселения, выходец из Чухиба основал современное сел. Гочоб.

Аналогичным путем образовалось и сел. Хушта. В 7 км от Хуштада в домусульманское время функционировало крупное поселение Шугрух во главе с правителем Шугруханом. После его разрушения выходцы из Шугруха поселились в Хуштада, образовав новый квартал «элигбай». Поэтому нельзя согласиться с тем положением, что образование современных крупных селений было результатом непрерывного развития от нисшего к высшему, т. е. от родовых к территориальным поселениям. Такой подход к решению вопроса селообразования невольно приводит к архаизации общественного строя горцев в X—XV вв.

«Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, — указывает В. И. Ленин, — без гигантских иногда скачков назад недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»³⁴. Мы не против того положения, что в средневековые наряду с крупными укрепленными поселениями типа городищ, замков синхронно с ними функционировали менее крупные поселения, но против того, чтобы считать эти поселения

³⁰ Османов М.-З. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. УЗ ИИЯЛ, т. X. Махачкала, 1962, с. 223.

³¹ Исламмагомедов А. И. Указ. соч., с. 98.

³² Там же, с. 115.

³³ Там же, с. 117.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6.

родовыми и соответственно родовой общиной. Это, естественно, приводит к архаизации общественного строя средневекового Дагестана до XV века. Все эти выводы делаются в основном опираясь на историко-этнографический материал. Между тем этот же материал свидетельствует, что в средневековой период (домусульманский) на территории горного Дагестана существовало множество укрепленных больших и малых поселений. В этом отношении совершенно справедлив М. Османов. Он термин «родовые» считает условным и отрицает наличие в этот период родовой собственности³⁵. По данному вопросу интересны суждения С. Х. Асиятилова: он подтверждает наличие феодальных замков и укрепленных поселений в горном Дагестане, а разрушение их связывает с внешней агрессией. «Ко времени завоевательных походов арабов и распространения ислама следует хронологически отнести также разрушения на территории Дагестана, — пишет он, — населенных пунктов с оборонительными стенами вокруг них, а также исчезновение центров раннефеодальных образований с замковой архитектурой»³⁶.

В данном случае трудно согласиться с автором: как известно после VIII—IX вв. арабские завоевания прекращаются.

В высокогорной части ислам распространяли в основном Хунзах и Гидатль, ставшие к XV—XVI вв. мусульманскими центрами в горном Дагестане.

Сам факт проникновения монотеистической религии в глубь гор оказал важную роль в социальной жизни населения в этот период. Действительно, существуют множество легенд и преданий об уничтожении местных феодальных владетелей, оказавших сопротивление в период распространения ислама. Безусловно, мусульмане в завоеванных им странах, особенно там, где им оказывали сопротивление, уничтожали феодальных владетелей. «А земли феодалов, павших в сражениях или бежавших из своих владений, становились собственностью мусульманской общины»³⁷. Надо полагать, что проникновение ислама также повлияло на процесс дефеодализации общества.

В дагестанской исторической науке имеются труды, посвященные социально-экономической и политической истории народов Дагестана в раннем средневековье и в X—XV вв. Так, например, М. М. Ихиллов касаясь социального строя этого периода пишет следующее «В Дагестане существовало одновременно несколько укладов... в плоскостной части создаются условия для становления феодальных отношений, а в горной части Дагестана продолжал сохраняться патриархально-родовой

³⁵ Гаджиева С. Ш., Османов М.-З. и др, Материальная культура Даргинцев, с. 80.

³⁶ Асиятилов С. Х. Указ. соч., с. 10.

³⁷ Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннем средневековье. М., 1966, с. 141.

строй»³⁸. Для подтверждения своего тезиса автор приводит сведения средневекового автора ал-Масуди, где сказано, что «в горах Кабх живут многочисленные племена... не имеющие между собой отношений по причине суровости местностей, недоступных гор»³⁹.

Конечно, этого недостаточно для утверждения, что в горах Дагестана в V—XV вв. господствовали патриархально-родовые отношения. Тем не менее Масуди также сообщает о существовании в этих горах много царств⁴⁰.

В «Очерках истории Дагестана» уделено большое внимание экономическому и социальному развитию народов Дагестана в X—XV вв. Этому вопросу посвящен специальный раздел. Что же касается интересующего нас вопроса, то здесь отмечается, что к началу XI в. в Дагестане был ряд полуфеодальных владений: Серир, Гумик, Филан... и др. Правители этих владений жили в укрепленных замках, в которых держали своих вооруженных людей, ...причем у некоторых из них было несколько крепостей не считая города, входивших в их владения, были также укреплены и снабжены всеми средствами обороны и нападения⁴¹.

Данная проблема изучалась в трудах Р. М. Магомедова. В его работах говорится об имущественной и социальной дифференциации, становлении феодальных отношений в Дагестане в исследуемое время. Однако интересующий нас вопрос, к сожалению, остался не подкрепленным достаточно убедительными документами⁴². Р. М. Магомедов пишет, что уже в раннесредневековье, преодолевая переходный период, связанный с военной демократией, даргинские племена начали создавать свои политические объединения — Акуша-дарго, Каба-дарго, Сюрга и др. Характеризуя их уровень социального развития он пишет, что «среди Сюрга, Буркун-дарго и верхнекайтагских племен (т. е. горцев) продолжали удерживаться патриархально-родовые отношения, а у нижних кайтагцев и Кабадарго сложились более развитые социальные отношения»⁴³. Примерно на таком же уровне развития были и жители высокогорных районов Аварии даже некоторые из них в X—XII вв. переживали стадию военной демократии⁴⁴.

Эти высказывания, конечно, требуют аргументации, тем более относительно X—XV вв. Уже накопившийся археологический материал, да и источники говорят о более развитых социально-экономических отношениях горцев Дагестана. Кроме того, процесс образования союзов

³⁸ Ихилов М. М. Социально-экономическое отношение в Дагестане в V—XV вв. Махачкала, 1955, РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 55, с. 14.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 192.

⁴¹ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957.

⁴² Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961, с. 86.

⁴³ Там же, с. 87.

⁴⁴ Там же, с. 90.

сельских обществ в Дагестане являлся следствием разложения феодальных отношений.

Процесс образования больших селений в горах Дагестана Х. О. Хашаев относит к XIII—XIV вв. н. э.⁴⁵

Более правильно и скрупулезно рассматриваются эти вопросы в трудах Ш. М. Ахмедова и А. Р. Шихсаидова. В этих работах на фоне общего экономического развития народов Дагестана показан процесс становления феодальных отношений. Основным типом поселений бытовавший в горном Дагестане Ш. М. Ахмедов считает небольшие, т. н. «родовые», которые производили внутри самой общины буквально все, что было необходимо для самостоятельного существования⁴⁶. Это дает автору почву для архаизации общественного строя горцев Дагестана. «Суммируя вышесказанное, становится очевидным, что на той территории Дагестана, где впоследствии фигурируют т. н. «вольные общества» в исследуемое время (V—XI вв. — М. Д.) получил распространение несколько архаический тип общины — земледельческая»⁴⁷. Для доказательства своих суждений автор прибегает к материалам XVII—XIX вв.

Характеризуя социальный строй горцев Дагестана в X—XIV вв. А. Р. Шихсаидов утверждает, что в этот период сельская община типа западно-европейской марки была господствующей, если не единственной формой общины⁴⁸. Тем самым автор считает, что в X—XIV вв. существовали крупные поселения т. е. территориальные.

Возможно, конечно, что в раннем и в развитом средневековье бок о бок существовали крупные и мелкие укрепленные поселения, а также феодальные замки. Но при всем этом маленькие поселения нельзя считать тухумными (родовыми) с общей собственностью. В этом отношении совершенно прав В. Г. Котович, который утверждает, что «былая общность коллективного владения пахотной землей внутри тухумов, по-видимому, уже окончательно исчезает также как исчезло и общее хозяйство, коллективная собственность на орудия труда. Основную массу населения средневекового горного Дагестана составляли общинники-земледельцы, владевшие принадлежавшими им участками пахотной земли — искусственными террасами»⁴⁹.

Археологические данные, хотя еще малочисленные, сведения средневековых авторов, историко-этнографический материал позволяют нам

⁴⁵ Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1961, с. 15.

⁴⁶ Ахмедов Ш. М. Социально-экономическое развитие Дагестана в V—XI вв. — В кн.: Алиев Б. Г. и др. История средневекового Дагестана. Махачкала, 1970, с. 33.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975.

⁴⁹ Котович В. Г. Социально-экономический строй Дагестана в древности и средневековье. РФ ИИЯЛ, ф. 27, д. 221, с. 107.

предположить, что в горном Дагестане в X—XV вв. господствующими были феодальные производственные отношения. В горах Дагестана существовали крупные укрепленные поселения типа городищ, замки. Наряду с ними функционировали мелкие поселения, свидетельством, чему являются их многочисленные руины обнаруженные повсеместно в горном Дагестане.

Естественно, дальнейшее изучение этих памятников, их топографии и стратиграфии даст нам возможность более глубоко и всесторонне изучить социально-экономическую и политическую структуру средневекового общества горного Дагестана.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПИГРАФИКИ

(Материалы к истории поселений)

Изучение поселений Дагестана раннего и развитого средневековья связано с использованием всего комплекса материалов — археологических, письменных, топонимических и т. д. Советские ученые — археологи, этнографы, историки проделали значительную работу в изучении этой проблемы, выявили и исследовали значительное число средневековых поселений, подвергли исследованию такие вопросы, как типология поселений, процесс формирования крупных населенных пунктов. Археологическим изучением охвачены поселения, датируемые от первых веков н. э. вплоть до XIII в. (М. И. Артамонов, В. Г. Котович, Д. М. Атаев, М. Г. Гаджиев, М. М. Магомедов, А. И. Абакаров). Дагестанские этнографы обстоятельно изучили историю поселений XVIII—XX вв. и проследили их типологию (С. Ш. Гаджиева, М.-З. О. Османов, А. И. Исламмагомедов, С. С. Агаширинова, С. Х. Асиятилов, М. М. Ихиллов, А. Г. Булатова). Наиболее крупный хронологический этап истории поселений можно проследить по эпиграфическим памятникам (Л. И. Лавров) и нарративным источникам (Х. О. Хашаев, Р. М. Магомедов, Ш. М. Ахмедов, Б. Г. Алиев, Д. М. Магомедов, Т. М. Айтберов и др.).

Для XIII—XVII вв. наиболее массовым в деле изучения истории поселений является эпиграфический материал, выявленный почти во всех населенных пунктах Дагестана.

Приводимые нами ниже новые лапидарные тексты служат важным источником, позволяющим проследить историю средневековых поселений.

Сел. Хнов Ахтынского района. Речной камень (65×45×8 см.) почти полностью занят в лицевой части арабской полукуфической надписью, включенной в двойную прямоугольную раму. Надпись по контуру — не читается.

В центральном поле — надпись в 7 строк (рис. 1).

- 1) *Владелец этой могилы*
- 2) *покойный Хусейн, сын*
- 3) *Мухаммада — милость Аллаха над ним.*
- 4) ...

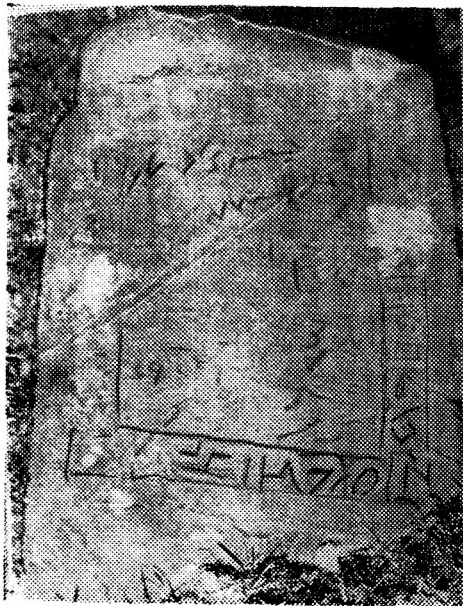

Рис. 1. Надпись XIV в. из сел. Хнов.

Рис. 2. Надпись-эпитафия 860/1456 г. из сел. Хнов.

- 5) сорок (?) четыре (?) Случилась сме-
- 6) рть его в благословенном месяце
- 7) мухаррам.

Чтение даты неуверенное. К палеографическим особенностям текста относится обозначение долгот, наличие в ряде случаев огласовок, надпись можно отнести к XIV в.

Кайрак (54×29) здесь также имеется центральное поле, обведенное двумя прямоугольными рамами, образованными врезными линиями. В центральном поле — надпись в 7 строк (рис. 2)

- 1) (Басмала)
- 2) Владелец этой могилы
- 3) покойный, прощенный, добывающийся
[милости Аллаха] Али,
- 4) сын Али, — милость Аллаха [над ними].
- 5) Он скончался в месяце
- 6) шавал восемьсот шестьдесятого года
- 7) хиджры пророка — мир над ним.

Шаввал 860 года хиджры начался 2 сентября 1456 г.

Рядом с указанной плитой находится (55×20, рис. № 3) с изобра-

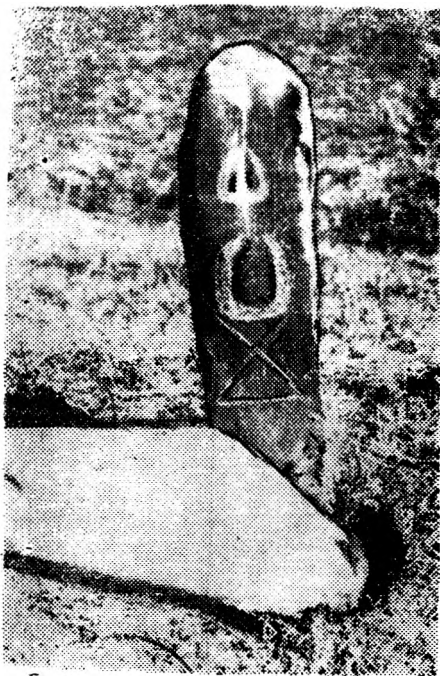

Рис. 3. Плита с изображениями
сел. Хнов.

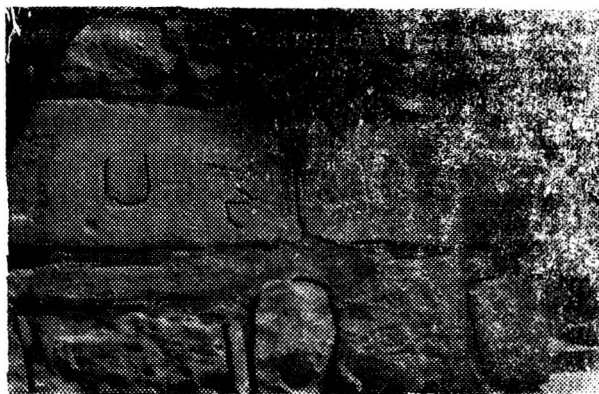

Рис. 4. Строительная надпись XIII в. сел. Ахты.

жениями двух подков и сочетания арабских букв, обозначающих отрицание (ла). Изображение подковы зафиксировано в Дагестане уже в ряде случаев. В частности в надписи из Ахты, отнесенной Л. И. Лавровым ко времени не позднее XIII в.¹ (рис. 4). Фотография до сих пор не издавалась. Надпись гласит: «построил крепость Аш. лараха».¹

Сел. Миджах Ахтынского района лежит на левом берегу реки Ахтычай. На западной окраине селения расположено мусульманское кладбище. Здесь сохранилось несколько каменных плит с надписями почерком позднего куфи, которые мы можем датировать примерно XIV в.

Первая плита имеет надпись басмала с именем покойного — Ашар. хи (?), сын Мухаммада.

Вторая плита массивной формы (125×23×17 см), в верхней части резко суживается. Текст полностью не читается, палеографически его можно отнести к XIII—XIV вв.:

(Басмала) Смерть — чаша, каждый вкушает ее. Могила — дверь, каждый входит в нее. Боже. Прости хозяина этой могилы Мухаммада, сына Афридуна и мать (?) его...

Имя Афридун, известное нам из именника ширваншахов, встречается здесь впервые.

Сохранился еще один

¹ Чтение Л. И. Лаврова «Крепость сделали Ш. л. раха» — см.: Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. I. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966, с. 95.

кайрак с надписью, датируемой нами ориентировочно XIV в. (с именем Мухаммада, сына Йусуфа).

Урочище Маза, (Ахтынский район) расположено примерно в 30 км к юго-западу от селения Ахты, на берегу Мазачая, притока реки Ахтычай.

Сел. Маза — в прошлом один из крупных населенных пунктов южного Дагестана, столица удельного владения, известная по некоторым спискам «Тарих Дагестана». Кладбище занимает территорию около 5 га, к западу от селения. Небольшие надмогильные плиты его — необработанные речные камни почти поголовно ушли в землю, а при расчистке выступают на высоту сантиметров в 25—30. Имеются и более солидные камни, но это редкое явление, обычно же надмогильная плита — это небольшой необработанный кайрак с упоминанием имени погребенного.

Наиболее крупный камень поставлен судя по надписи, на могиле представителя аульской верхушки. Надпись почерком насх, в 11 строк: (Басмала)

- 2) *Это — могила Гази шаха,*
- 3) *сына Баали (?), Он был юно-*
- 4) *шей благочестивым, самым*
- 5) *благочестивым среди лю-*
- 6) *дей в [эти] времена.*
- 7) *Скончался он*
- 8) *в месяце зи-л-када-ми-*
- 9) *лость Аллаха над ним —*
- 10.) *в году тридцать один*
- 11) *и девятьсот по {хиджре}.*

Зу-л-када 931 года хиджры начался 20 августа 1525 г. Характерна близость текста к эпитафиям, посвященным представителям сельской верхушки из Хнова (XIV—XV), где сложившийся трафарет включает басмалу, имя и отчество погибшего, хвалебный текст, подчеркивание фразы «кончина его произошло» вместо обычного «умер» и, наконец, — месяц и год кончины². Кстати, другие эпитафии из Маза подобной структуры не имеют, нет слов о кончине, нет вообще даты.

Имя Гази-шах сына Баали (?) неизвестно нам по нарративным письменным источникам, но относилось оно, несомненно, к правящей верхушке сельского общества.

В селении мы зафиксировали еще несколько надписей.

- 1) Плита подковообразной формы, с подобным центральным полем. Надпись примерно XIV в.

*Это
могила Мид-
ф. р, сына...*

² Шихсаидов А. Р. Надписи из Хнова. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

2) Кайрак с врезанным текстом:

(Басмала)

Это могила Мухаммада, сына Йакуба — милость Аллаха над ним

3) Плита с суживающимся верхом, несет три строки:

Это могила

Биллала (?), сына

Ш. дж. р...

4) Текст надписи характерен наличием генеалогической цепи:

(Басмала)

Это могила Мухаммада

сына...

сына Йакуба,

сына..., сына...

сына Х. ф.

Генеалогия охватывает, по меньшей мере шесть поколений,

5) Речной камень высотой около 30 см. (рис. 5)

Это

могила Му-

сы, сына Ахмада, —

милость Аллаха.

Каждая душа подвержена (смерти). Это

...

6) Такой же величины камни, но, поле для надписи расчищено. На дневной поверхности плиты — только 5 строк (рис. 6)

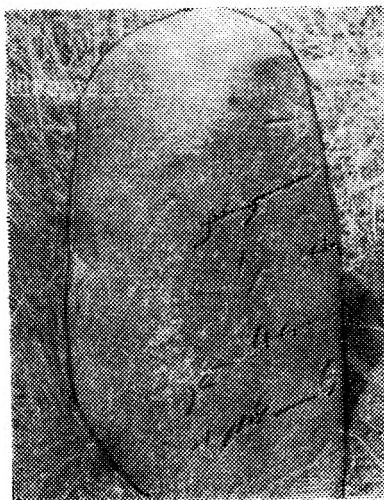

Рис. 5. Надпись из урочища Маза, Ахтынский р-н.

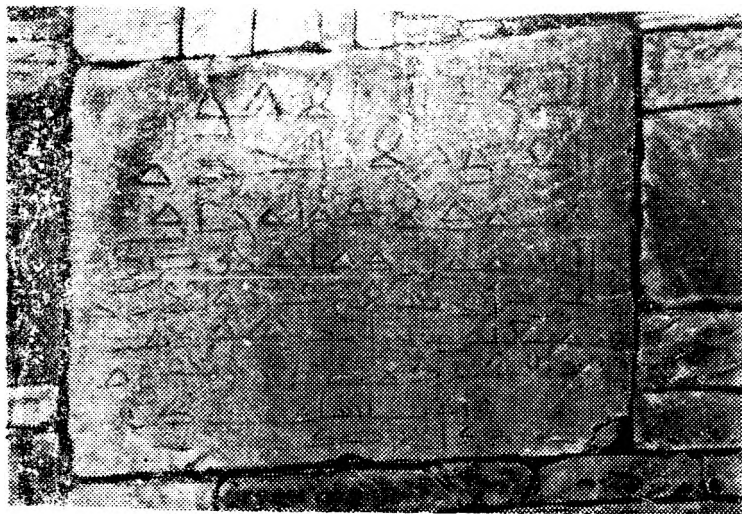

Рис. 6. Надпись-эпитафия из Маза, Ахтынский р-н.

*Это могила
Абдулазиза
сына Алали (?) —
милость
Аллаха. Нет*

....

Сел. Амух Агульского района. В стену мечети вмонтирована ка-

Р и с. 7. Надпись из сел. Амух, XIII—XIV в.

менная плита с врезанным кораническим (рис. 7) текстом — так называемым «престольным» стихом (Коран, II, 256). Текст приведен почти полностью, за исключением четырех последних слов. Очевидно, при вторичном использовании камня, мастер счел необходимым срезать нижнюю часть плиты в интересах кладки. Надпись относится к XIII—XIV вв. Это единственная кувическая надпись, обнаруженная в Амухе, но она свидетельствует о древности селения.

Сел. Муслах Рутульского района. Оно расположено в км. 6 к западу от селения Цахур. В 1971 г. мы обнаружили здесь несколько надписей в пределах XIII—XVIII вв.

Надпись (рис. 8) почерком куфи (ориентировочно XIII в.) содержит басмалу и выражение «Царство принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему».

Следующая надпись на камне, вмонтированном в стену Муслахской мечети, содержит 6 строк (рис. 9)

(Басмала)

Рис. 8. Надпись из сел.
Муслах, XIII в.

Рис. 9. Надпись из сел.
Муслах, 680/1281 г. (?)

Этот минарет — к счастью и аргумент на
завтра

В день пятницы после... месяц (?)

И шестьсот (?) восемьдесят...

Добиваясь тем самым прощения создателя. Мухаммад

Да поможет ему Алла в...

680 г. х. начался 22 апреля 1281 г.

Третья надпись из Муслаха содержит небольшой текст («Аллах вечен. Скажи прощение...») врезанный вокруг изображения подковы и может быть отнесена к XIII—XIV вв. (рис. 10).

В стене мечети хранится еще одна строительная надпись с упоминанием большого числа профессиональных мастеров.

Текст в 4 строки (рис. 11):

Рис. 10. Надпись из сел. Муслax, XIII—XIV в.

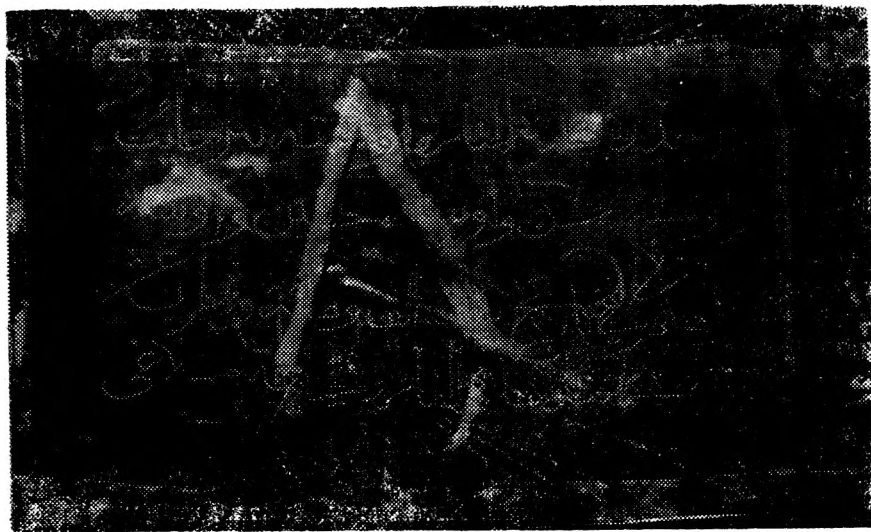

Рис. 11. Строительная надпись 1118/1706 г. из сел. Муслax.

*Реставрировал этот минарет уста Пир Гаиб,
уста Хасан, уста Хусейн, уста
Ибрахим. Год — тысяча сто восемнадцать.
Этот минарет построен по решению джамаата Муслага.
1118 г. х., начался 15 апреля 1706 г.*

Рис. 12. Надпись из сел. Хули Левашинского р-на, XIII—XIV в.

Сел. Хули Левашинского района расположено недалеко от Цудахара. Старое кладбище занимает здесь большую территорию. Много надмогильных стел с текстом почерком полукуфи, датированных в пределах XIII—XIV вв.

К числу наиболее старых относится плита (рис. 12) трапециевидной формы (она характерна для ранних стел сел. Хули) с сильно углубленным центральным полем, полностью занятым текстом (эти обе черты также характерны ранним памятникам из Хули).

Эта плита имеет высоту 140, ширину 105 (верх) и 75 (низ) см. при толщине в 5 см. Для надписей Хули характерно, что иногда имя погребенного упоминается после большого числа трафаретных текстов, так что оно со временем оказывается иногда ниже дневной поверхности плиты. Так в настоящем случае дневная поверхность содержит 7 строк вводного текста, а имя там и не названо.

Другая плита примерно той же величины, только центральное поле не только сильно углублено,

но и обведено широкими парными лентами, разделенными желобком. Эта надпись может быть отнесена к XIV—XV в., она сохранила имя Бала Касим, сын Д. 6 (рис. 13).

Недалеко находится и третья плита (155×105×80×10), поверхность которой своеобразно трактована (рис. 14). Со слов старожил селения, в плите просверливали отверстие только в тех случаях, если она стояла на могиле убитого.

Рис. 13. Надпись из сел. Хули,
XIV—XV в.

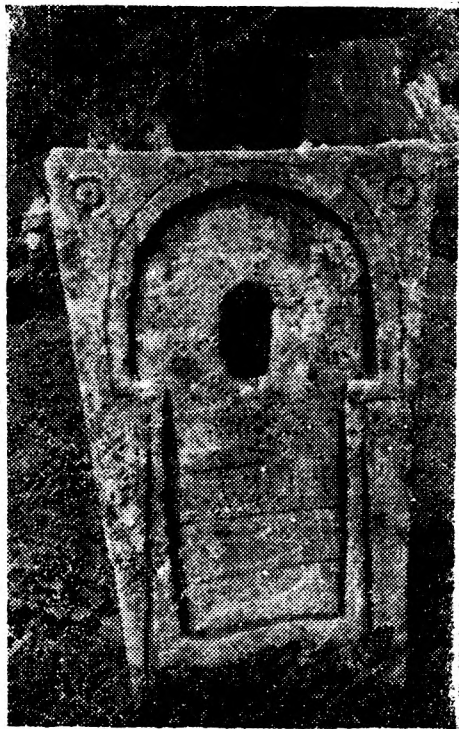

Рис. 14. Надпись из сел. Хули,
XIV—XV в.

Далее идет большое число эпитафий XVI—XVII вв.

В изучении истории поселений достигнуты, как уже отмечалось, определенные успехи. Работами дагестанских ученых³ установлено, что для XIX—XX вв. характерны два основных типа поселений — собственное селение и хутор. В прошлом для различных этапов были характерны такие типы поселений, как тухумные, территориально-тухумное и территориальное. При этом в арабских источниках — все типы поселений объединены под общим названием «селение» (карийа). Прослежено также, что однотухумные поселения прекратили, в основном, свое су-

³ Историкографию вопроса см.: А. Р. Шихсаидов. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 98—108.

уществование в XV в., объединившись в более значительные территориальные единицы — территориально-тухумные поселения или же слившись с поселениями чисто территориального типа. Для XI—XIV вв. наблюдается тенденция к изменению типа поселений от укрепленных — к неукрепленным. Для X—XV вв. характерен также интенсивный процесс образования крупных населенных пунктов. Выявлено, что в процессе селообразования в X—XIV вв. компонентами выступали не только однотухумные поселения, но и пункты, сложившиеся по территориально-тухумному или по чисто территориальному принципу. Складывание крупного села происходило в пределах одного из двух вариантов — населенные пункты тяготевшие к одному центру располагались по радиусу в пределах 3—15 км от центра, т. е. составляла гнезда; или же тяготение к одному пункту со стороны нескольких поселений, территориально и экономически объединенных в рамках одного ущелья.

Приведенные выше надписи добавляют еще несколько важных штрихов к истории дагестанских поселений.

Как изданные ранее, так и данные надписи наводят на мысль о том, что XIII—XIV вв., столь тяжелые и пагубные для равнинных районов, по которым прошли монгольские завоеватели, характерны для части предгорных и горных районов относительной густонаселенностью, большим количеством населенных пунктов. Разорение равнинных и части предгорных районов, переориентация этих районов на скотоводческое хозяйство компенсировалось для исторически сложившегося единого дагестанского хозяйственного организма посредством усиленного земледельческого освоения горных районов. Большое число памятников на поселениях — свидетельство интенсивной хозяйственной и политической жизни на них. Много эпиграфических памятников XII—XVII вв. сохранилось в бассейне реки Самур. Селения Ахты, Миджах, Фий, Маза, Рутул, Лучек, Шиназ, Гельмец, Хнов, Ихрек, Муслаг, Цахур — дают большое число надписей XIII—XIV вв. В бассейне реки Чирагчай наблюдается та же картина — это памятники сс. Ашага-Стала, Хива, Шари, Юхари-Стала, Аркита, Тпига и поселений вокруг него, Буршага, Амуха, Миси, Рича, Зулера, Чирага, Фите и др. пунктов. Большое число надписей XIII—XV вв. обнаружено также в таких селениях, как Уркарах, Кала-Корейш, Тама, Ашты, Худуц, Кубачи, Гуладти, Ираги, Урари, Шири, Хули и др. Именно многочисленные памятники, датируемые на основе эпиграфических данных, дают возможность говорить об относительной густонаселенности горных районов и о большом количестве населенных пунктов в XIII—XV вв.

Важна еще одна сторона информации, идущей от данных арабских надписей — они лучше, чем памятники иного рода, но вкупе с этими памятниками документируют непрерывность существования многих населенных пунктов в течение многих веков, отсутствие перерыва в их развитии, в их хозяйственной и политической деятельности.

В дальнейшем предстоит работа по фиксации, датировке и картографированию на основе археологических, эпиграфических памятников, нарративных источников всех средневековых поселений Дагестана, что даст возможность выработки модели, точнее моделей складывания крупных населенных пунктов в общедагестанском масштабе, проследить пути и хронологические рубежи этого процесса в различных районах, проследить историю дагестанского села вообще.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.
ДАЭ	— Дагестанская археологическая экспедиция.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАД	— Материалы по археологии Дагестана.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.

СОДЕРЖАНИЕ

Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы	6
Давудов О. М. Святилище у высокогорного селения Хосрех	43
Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу	57
Кудрявцев А. А. Древние поселения на дербентском холме	83
Абакаров А. И., Гаджиев М. Г. Исследование ранне-невековых укрепленных поселений горного Дагестана	108
Магомедов Д. М. К вопросу изучения средневековых поселений и их социального строя	133
Шихсаидов А. Р. Новые памятники эпиграфики (Материалы к истории поселений)	148

Цена 83 коп.